

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Индустриальный потенциал России: уроки С.Ю. Витте * О роли Центрального банка России в экономическом кризисе: проблемы и решения * Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста * Экономическая политика и условия развития технологической базы России * Эмбарго, аграрная политика и смена парадигм государственного управления * Проблема коллективных действий: относительные оценки как препятствие к принятию рациональных решений *

№4 (42)

2014

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 4 (42) 2014

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (*Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13*).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;

А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;

Е. А. Малинин, генеральный директор ООО «Санкт-Петербургское агентство новостей» («СПАН»), член Союза журналистов Санкт-Петербурга

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. Г. Бондарев

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 15.12.2014 г.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 19,2.
Тираж 2000 экз. Заказ 706

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12

© Экономическое возрождение России, 2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;

В. М. Геги, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Украины;

Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);

Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;

В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

В. С. Кравцов, д-р экон. наук (Украина);

И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;

А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);

В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Ю. П. Панибратов, д-р экон. наук, профессор, академик РААСН;

Н. Я. Петраков, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;

В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);

З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V.V. Ivantser, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;

A.A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;

V. M. Geets, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Ukraine;

R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria);

R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

I. I. Elisseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;

V.L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

V. S. Kravtsov, Doctor of Economics (Ukraine);

I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;

A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);

V.V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

Yu. P. Panibratov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences;

N.Ya. Petrakov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;

V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);

Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan

CONTENTS

To memory of S.Y. Vitte

<i>Bodrunov S.D.</i> The industrial potential of Russia: S. Y. Vitte's lessons	5
<i>Danilenko L.N.</i> My contemporary is S. Y. Vitte: link of times	11

On the way to revival

<i>Glazyev S.Yu.</i> About the role of Russian Central Bank in the economic crisis (problems and solutions)	19
<i>Bodrunov S.D.</i> Resource advantages of Russia as the basis of high-tech economic growth	24
<i>Sukharev O.S.</i> Economic policy and conditions of development by technological base of Russia	32
<i>Epstein D.B.</i> Embargo, agricultural policy and the changing paradigms of the state administration	45
<i>Malenkov Y.A., Shishkin V.V., Kudryavtseva G.V., Shishkin V.I.</i> Reserve fund and national welfare fund as the strategic factor of recession and crisis prevention of Russian federation economy	53
<i>Tebekin A.V.</i> Development of the Russian economic system: actual problems and prospects	59

Theoretical problems of economics

<i>Sirotkin V.B.</i> The problem of collective activities: relative valuations as an obstacle to rational decisions acceptance	65
<i>Vazhenin S.G., Sookhikh V.V.</i> Potential of companies' coopetition in re-industrialization of Russia competitive	71
<i>Handjapova L.M., Lubsanova N.B., Daganova S.J.</i> The infrastructure risks of economic development of the region	83
<i>Spitsin V.V.</i> Optimization of the regional innovation system proportions: methodological and methodical aspects	88
<i>Antokhina Y.A., Kokodey T.A.</i> History and development scenarios of consumer behavior «social» pattern	94
<i>Rumyantsev A.A.</i> Post-industrial technologies in new industrialization	100

Business economics and innovation economics

<i>Voznesensky A.E.</i> Alternative development strategy of joint-stock company «Incorporated ship-building corporation» on 2013–2030	106
<i>Ahmetova K., Ahmetova A., Terzhanova A.</i> Integration processes: benefits and risks for agriculture of Kazakhstan	114
<i>Brizhak O.V.</i> Reindustrialization: the potential of internal corporate relation improvement in the Russian economy	122
<i>Mezhevich N.M.</i> Foreign Economic aspects of Russian industrial modernization	128
<i>Minaev N.N., Kolyhaeva J.A., Shadeiko N.R., Seliverstov A.A.</i> The Balanced ScoreCard as the instrument of realization of program and target approach in management of a housing-and-municipal complex in the course of modernization.....	134
<i>Sadykova E.T., Agaev G.A.</i> About application of neuroevolutionary approach for forecasting of social and economic development of the territory.....	145
<i>Maslov G.A.</i> Finnish economic system as an example of modernization problem solving.....	150
<i>Babkin A.V., Chistyakova O.V.</i> Development of innovative entrepreneurship in Russia: the concept, the dynamics, problems, development trends.....	157
<i>Zolotarev A.A., Yakovleva N.G.</i> Russian economic system: prospects of reintegration for production, education, and science.....	171
<i>Bodrunov S.D.</i> Debts and wealth: Lessons from the financial crisis (The monograph review «Debt problem as a phenomenon of 21 century» edited by professor A.A. Porokhovsky).....	177

Abstracts	180
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти С. Ю. Витте

<i>Бодрунов С.Д.</i> Индустриальный потенциал России: уроки С. Ю. Витте.....	5
<i>Даниленко Л.Н.</i> Мой современник С. Ю. Витте: связь времен.....	11

По пути к возрождению

<i>Глазьев С.Ю.</i> О роли Центрального банка России в экономическом кризисе: проблемы и решения	19
<i>Бодрунов С.Д.</i> Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста	24
<i>Сухарев О.С.</i> Экономическая политика и условия развития технологической базы России.....	32
<i>Эпштейн Д.Б.</i> Эмбарго, аграрная политика и смена парадигм государственного управления.....	45
<i>Маленков Ю.А., Шишкин В.В., Кудрявцева Г.В., Шишкин В.И.</i> Фонд национального благополучия и резервный фонд как стратегические факторы предотвращения рецессии и кризиса экономики Российской Федерации.....	53
<i>Тебекин А.В.</i> Развитие российской экономической системы: актуальные проблемы и перспективы.....	59

Теоретические проблемы экономики

<i>Сироткин В.Б.</i> Проблема коллективных действий: относительные оценки как препятствие к принятию рациональных решений.....	65
<i>Важенин С.Г., Сухих В.В.</i> Потенциал конкурентного сотрудничества компаний в реиндустриализации России.....	71
<i>Хандажапова Л.М., Лубсанова Н.Б., Дагданова С.Ж.</i> Инфраструктурные риски экономического развития региона.....	83
<i>Спицын В.В.</i> Оптимизация пропорций региональной инновационной системы: методологические и методические аспекты.....	88
<i>Антохина Ю.А., Кокодей Т.А.</i> История и сценарии развития «социального» паттерна поведения потребителя.....	94
<i>Румянцев А.А.</i> Постиндустриальные технологии в новой индустриализации	100

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Вознесенский А.Э.</i> Альтернативная стратегия развития ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» на 2013–2030 годы.....	106
<i>Ахметова К.А., Ахметова А.А., Тержанова А.Ж.</i> Интеграционные процессы: выгоды и угрозы для сельского хозяйства Казахстана.....	114
<i>Брижак О.В.</i> Реиндустриализация: потенциал совершенствования внутрикорпоративных отношений в российской экономике.....	122
<i>Межевич Н.М.</i> Внешнеэкономические аспекты российской промышленной модернизации.....	128
<i>Минаев Н.Н., Колыхаева Ю.А., Шадейко Н.Р., Селиверстов А.А.</i> Система сбалансированных показателей как инструмент реализации программно-целевого подхода к управлению жилищно-коммунальным комплексом в процессе модернизации.....	134
<i>Садыхова Э.Ц., Айдаев Г.А.</i> Применение нейроэволюционного подхода для прогнозирования социально-экономического развития территории.....	145
<i>Маслов Г.А.</i> Финская экономическая система как пример решения задачи модернизации.....	150
<i>Бабкин А.В., Чистякова О.В.</i> Развитие инновационного предпринимательства в России: понятие, динамика, проблемы, направления развития.....	157
<i>Золотарев А.А., Яковлева Н.Г.</i> Российская экономическая система: перспективы реинтеграции производства, образования и науки.....	171

<i>Бодрунов С.Д.</i> Долги и благосостояние: уроки финансовых кризисов (рецензия на монографию «Долговая проблема как феномен XXI века» под редакцией профессора А.А. Пороховского).....	177
--	-----

Рефераты	180
-----------------------	-----

2015 г. — год памяти С. Ю. Витте (1849–1915 гг.), выдающегося российского экономиста и государственного деятеля, идеолога, автора и организатора крупнейшей экономической реформы нашей страны, позволившей России войти в ряд ведущих индустриально развитых держав мира.

С этого номера в журнале «Экономическое возрождение России» открывается колонка «Памяти С. Ю. Витте». Мы приглашаем наших читателей к публикации статей, посвященных деятельности выдающегося российского реформатора.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте — издатель журнала — 23 марта 2015 года проводит Санкт-Петербургский экономический конгресс «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики», посвященный памяти С. Ю. Витте и 250-летию со дня образования Вольного экономического общества России. Конгресс открывает ряд мероприятий в рамках 2015 г., посвященного С. Ю. Витте.

В конгрессе примут участие представители Российской академии наук, ведущих научных институтов страны, крупные промышленники, ученые большинства российских регионов и многочисленные зарубежные гости; в рамках конгресса планируется обсудить пути развития российской промышленности, международной индустриальной кооперации, выхода российской экономики на траекторию устойчивого экономического роста. По результатам работы конгресса будут сформулированы рекомендации по обновлению экономической политики России.

Желающие принять участие в конгрессе могут ознакомиться с необходимой информацией на сайте Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте — www.inir.ru.

*Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»*

ПАМЯТИ С. Ю. ВИТТЕ

С.Д. Бодрунов¹

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: УРОКИ С. Ю. ВИТТЕ

Имя Сергея Юльевича Витте, со времени ухода которого прошло уже сто лет, сохраняется в памяти историков и экономистов. Он оставил свой след в экономической истории, теории и практике как яркий реформатор и государственный деятель. Сегодня, когда разрабатывается новая модель экономического роста России — воссоздания нашей индустриальной мощи, реиндустриализации экономики на новой технологической основе, модернизации России в целом [1, 2], мы не можем не признать, что основу индустриального развития России заложили труды и реформы С. Ю. Витте.

Обращаясь к проблемам реиндустриализации российской экономики, вспомним, как создавался современный индустриальный потенциал России. Рост промышленности, основанной на машинном производстве, начался в России в последней трети XIX в. Многие успехи на этом пути связаны с деятельностью С. Ю. Витте, одиннадцать лет занимавшего пост министра финансов Российской империи.

Его карьера на экономическом поприще началась после окончания Новороссийского университета в Одессе. В мае 1870 г. Витте стал работать в управлении Одесской железной дороги, а во второй половине 1870-х гг. возглавил службу эксплуатации, сделавшись одним из ближайших сотрудников директора Русского общества пароходства и торговли Н. М. Чихачева, в ведении которого была и Одесская железная дорога.

В феврале 1880 г. Витте был назначен начальником службы эксплуатации в администрации Общества Юго-Западных железных дорог и переехал в Киев, в 1886 г. он занял пост управляющего Обществом. В феврале–августе 1892 г. — министр путей сообщения. За этот срок он сумел ликвидировать крупные скопления непереvezенных грузов, провел реформу железнодорожных тарифов.

В конце 1892 г. Витте был назначен на пост министра финансов. После отставки получил малозначительный пост председателя Комитета министров (1903–1906), с октября 1905 г. по апрель 1906 г., в разгар первой русской революции, возглавлял правительство России в качестве председателя Совета министров. С его именем связаны разработка и принятие Манифеста 17 октября 1905 г.

Оживленный промышленный рост начался в России в 80-х гг. XIX в. Это были первые шаги отечественной промышленности, которая в массе своей опиралась на мелкие кустарные или полукустарные заведения. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве страны был крайне низким, а разрыв с передовыми индустриальными державами (Англией, Германией, США) — очень серьезным. Крестьянская реформа 1861 г. несколько оживила сельскохозяйственное производство, но не привела к подлинному аграрному перевороту, который позволил бы создать

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

надежную базу для промышленного роста в сфере производства продовольствия и сырья, а также высвобождения рабочих рук для промышленности.

Обеспечение промышленного роста С. Ю. Витте ставил в прямую зависимость от активизации железнодорожного строительства. Он имел богатый опыт работы в области управления железными дорогами и был признанным специалистом в сфере формирования железнодорожных тарифов. В 1883 г. С. Ю. Витте опубликовал книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (2-е изд. — 1884 г., 3-е, существенно расширенное — 1910 г.). По его мнению, при определении размеров провозной платы по железной дороге следует отталкиваться не от расходов транспортных предприятий, а от условий образования цен на перевозимые товары в пунктах отправления и назначения, формируемых под воздействием спроса и предложения. Для Витте было очевидно, что эффективное функционирование внутреннего рынка без достаточной сети железнодорожных линий невозможно. Железные дороги, связывая экономические районы страны, способствовали рациональному размещению производства и вовлечению в хозяйственный оборот новых ресурсов. Одновременно увеличивался выпуск рельсов, шпал, металлических конструкций для мостов, строились станционные здания и сооружения, рос выпуск паровозов и вагонов. Таким образом создавался существенный мультипликативный эффект.

10 марта 1889 г. Витте был назначен начальником вновь образованного Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов. Понимая эффективность работы железных дорог России в едином государственном комплексе, он начал проводить политику скупки казной многочисленных частных железных дорог. Будучи реформатором и весьма деятельным человеком, он вникал во все подробности, связанные с управляемым объектом. Некоторые нововведения, относящиеся к краткому периоду нахождения Витте на данном посту, актуальны до сих пор. В частности, именно с 1889 г. в российских пассажирских поездах впервые появились металлические подстаканники современной формы.

Стараниями Витте было ускорено строительство Транссибирской магистрали. Железнодорожное сообщение с отдаленными районами Сибири и Дальнего Востока имело не только стратегическое военно-политическое значение, но и было необходимым условием хозяйственного освоения новых территорий, недра которых богаты природными ресурсами. Без железных дорог было невозможно в обозримые сроки обеспечить приток населения на осваиваемые территории. Выражаясь современным языком, речь шла о крупных государственных капиталовложениях в инфраструктурные проекты, призванные обеспечить прогрессивные структурные сдвиги во всем народном хозяйстве. В бытность С. Ю. Витте министром путей сообщения, а затем — министром финансов увеличились темпы железнодорожного строительства (табл. 1).

С. Ю. Витте уделял внимание и внешнеэкономическим условиям развития российского хозяйства. Эта проблема интересовала его с точки зрения непосредственных финансовых итогов для российского бюджета, а также создания условий для общего промышленного роста. Витте в данном вопросе придерживался позиции ряда германских экономистов (в том числе Ф. Листа), которые считали, что для развития национальной экономики необходимо обеспечить защиту внутреннего рынка с помощью «покровительственных» таможенных пошлин. Данная позиция противостояла идеологии фритредерства, исходившей из признания благотворности режима свободной торговли и предполагавшего снижение таможенных тарифов до возможно более низкого значения, вплоть до полного отказа от них.

Историческая практика показала, что почти все страны на начальном этапе развития национальной промышленности использовали покровительственные тарифы для защиты отечественных производителей от конкуренции со стороны экономически более мощных держав. Последним, напротив, была выгодна идеология свободной торговли, создававшая благоприятные условия для борьбы с более слабыми конкурентами. Защитные тарифы, затрудняя ввоз в страну готовых изделий, подталкивают производителей к переносу производства на защищенную территорию, чтобы

получить доступ на внутренний рынок. Тем самым покровительственные пошлины способствуют притоку в страну иностранных капиталовложений. Наконец, таможенные пошлины выступали одним из важных источников наполнения российского бюджета.

Таблица 1

**Линии, эксплуатируемые государством и частными компаниями
в европейской и азиатской частях России,
не считая финских железных дорог и КВЖД (1889–1912 гг.) [8]**

Трехлетние периоды	Протяженность линий, верст	
	введенных в эксплуатацию в течение периода	находящихся в эксплуатации на конец периода
1889–1891	1 202	28 389
1892–1894	4 013	32 402
1895–1897	5 520	37 922
1898–1900	10 643	48 565
1901–1903	4 526	53 091
1904–1906	4 850	57 941
1907–1909	2 539	60 480
1910–1912	2 296	62 776

В 1891 г. был принят новый таможенный тариф России, разработанный при активном участии С. Витте и Д. И. Менделеева. Этот тариф сыграл важную роль во внешнеторговой политике страны и стал защитным барьером для развивавшейся промышленности. Таможенный доход увеличился с 130,5 млн рублей в 1892 г. до 212,17 млн рублей в 1901 г. вследствие расширения привоза (403,9 млн в 1892 г. и 593,4 млн в 1901 г.) и увеличения пошлин на некоторые товары [3].

Другим источником доходов российского бюджета стала государственная винная монополия, введенная Витте с 1895 г. Она допускала частное производство и торговлю спиртом-сырцом, но передавала в руки государства производство очищенного спирта, а также производство и торговлю изготовленных с его применением крепких спиртных напитков. С точки зрения Витте, повышение качества крепкого алкоголя было одной из главных целей проводимой реформы. Центральная химическая лаборатория, группа ученых (Д. И. Менделеев, В. Д. Менделеев, Н. Тавилдаров, М. Г. Кучеров, А. А. Вериги, В. Ю. Кршижановский и др.), совместно с министром финансов занимавшиеся проблемами введения в России водочной монополии, добивались, чтобы одним из главных принципов проводимой реформы стали не только концентрация производства водки в руках государства, установление на нее единого для всей страны высокого государственного стандарта качества, но и обязательное устранение из этилового спирта искусственных примесей. Кроме того, спирт должен был изготавливаться исключительно из зерна.

Государственная винная монополия стала одной из важнейших статей доходов бюджета Российской империи (давая до четверти всех поступлений в казну), а затем и СССР, сохраняясь в таком качестве целое столетие. Отмена винной монополии в начале 90-х гг. XX в. привела к тому, что на фоне общего промышленного спада производство водки в 1990-е гг. неуклонно росло при одновременном непомерном увеличении ее подпольного выпуска. В то время это был единственный промышленный продукт, выпуск которого не сокращался. Но российскому бюджету это мало помогло...

Одной из реформ С. Ю. Витте, оказавших серьезное влияние на развитие российской экономики, было введение в 1897 г. т. н. «золотого» рубля, свободно обмениваемого на золото. Эта мера укрепила денежное обращение, способствовала стабилизации российской национальной

денежной единицы, упростила ведение внешнеэкономических операций, облегчила приток иностранных капиталовложений. Стабильный рубль стал одной из основ промышленного роста в Российской империи. В то же самое время переход рублевого обращения на золотой стандарт упрощал вывод прибылей за пределы Российской империи, а при экономических затруднениях создавал риск утечки капитала. Кроме того, эта мера привела к необходимости накопления крупных золотых резервов, что увеличивало издержки поддержания денежного обращения. В 1899 г. количество золота в обороте составило 451,40 млн рублей, а количество бумажных денег упало до 661,80 млн рублей. Количество золота в обороте увеличилось в три раза по сравнению с 1898 г. и в 12,5 раз по сравнению с 1897 г. За 1900 г. количество золота в обороте возросло еще в 1,42 раза. Затем этот рост стабилизировался. В целом, за четыре года количество золота в обороте увеличилось почти в 18 раз, а бумажной наличности уменьшилось в 2,175 раз. Последнее привело к острому сокращению денежной массы у населения. В 1899 г. количество денежных знаков из расчета на одного жителя Российской империи составляло 10 рублей (25 франков), в то время как в Австрии — 50 франков, в Германии — 112 франков, в США — 115 франков, в Англии — 136 франков, во Франции — 218 франков. Для сравнения приводятся цифры 1857 г., когда в России еще не произошел переход от натурального к денежному хозяйству, соотношение составляло 25 рублей (62,5 франка) [4]. Поэтому переход к золотому стандарту получил среди экономистов и политиков неоднозначную оценку.

Политика С. Ю. Витте по широкому привлечению иностранного капитала в виде прямых инвестиций и займов также привела к противоречивым тенденциям. С одной стороны, Россия страдала от узости внутренней базы накопления промышленного капитала, а иностранные инвестиции расширяли возможности промышленного роста. Именно этим очевидным фактом Витте обосновывал необходимость привлечения иностранного капитала. Он ставил проблему следующим образом: «... довести Россию до той экономической силы, которая упрочила бы ее независимость от иностранных держав и дала бы ей возможность удовлетворять свои потребности соразмерно ее природным богатствам. Это есть величайшая наша задача <...> Поэтому мое глубокое убеждение, что не следует стеснять притока в страну иностранных капиталистов, а, напротив того, надо широко открыть им двери, ибо они вливают необходимые силы в экономический организм страны» [5].

Кроме того, приток иностранного капитала обеспечивал получение Россией современной промышленной техники, особенно в химической промышленности и в электротехнике. С другой стороны, иностранный капитал приобрел в России преимущественные позиции практически во всех современных промышленных отраслях. Не желая роста конкурентоспособности российской промышленности, иностранный капитал сдерживал распространение наиболее передовых на тот момент технологий.

Долговая зависимость от иностранного финансового капитала, в основном французского, не достигала при Витте масштабов, сколько-нибудь серьезно угрожавших возникновением платежного кризиса. Однако наращивание внешней задолженности при преемниках Витте привело к зависимости Российской империи от французской внешней политики. Так, Россия была вовлечена в Первую мировую войну на стороне Антанты.

В 1898 г. Витте провел реформу торгово-промышленного налогообложения. За время его пребывания во главе финансового ведомства государственный бюджет увеличился более чем в два раза. В 1892 г. он составлял около одного миллиарда рублей, а в 1903 г. — более двух миллиардов. Среднегодовой прирост бюджета составлял 10,5%, в то время как в предшествующем десятилетии он равнялся 2,7%, а в последующем — 5%. Рост бюджета обеспечивался главным образом за счет повышения доходов от государственной собственности, увеличения косвенных налогов (они в 1900-е гг. выросли на 42,7%) и более широкого использования прогрессивного налога с прибыли предприятий вместо прежней системы промыслового обложения в виде сборов за право торговли и промыслов. Рост прямых налогов был незначительным и сводился в основном к повышению

квартирного налога и на городскую недвижимость. Более того, некоторые прямые налоги были даже снижены, в частности, наполовину был уменьшен поземельный налог [6].

Понимая тесную связь между аграрным и промышленным секторами и тот факт, что отсталость российского сельского хозяйства тормозит развитие промышленности, Витте стремился принять меры по развитию сельскохозяйственного производства. Он считал, что необходимо реформировать крестьянскую общину, высказывался за свободный выход из нее, полагая, что существующие при общинном землепользовании «... неясность права на приобретенное членом крестьянского двора имущество и неопределенность обязанностей по отношению к домохозяину ослабляют энергию и производительность труда. Многочисленны и тяжелы те затруднения, которые испытывает крестьянское население вследствие отсутствия прочного и ясного законного порядка в личных, семейных и имущественных отношениях». Витте считал необходимым перевод крестьянского хозяйства на общие частноправовые основания: «Ныне, когда основные положения освободительной реформы уже осуществлены, является безусловная необходимость окончательного устройства крестьян — поднятием личности крестьянина и дарованием ему прав, соответствующих тем, какими пользуются все подданные Государя Императора» [7].

Будучи противником радикальной ломки сложившихся хозяйственных укладов, С. Ю. Витте считал переход от общинного владения землей к частному экономической необходимостью. Однако эта позиция долго не находила поддержки у правящей верхушки. Из тех практических мер, принятие которых ему удалось провести для смягчения крестьянского малоземелья, можно отметить ассигнование дополнительных средств на переселенческую политику и смягчение административных барьеров для переселения крестьян в восточные районы страны. Был проведен закон от 12 февраля 1903 г. об отмене круговой поруки, телесных наказаний крестьян по приговору волостных судов, облегчении паспортного режима для крестьян. При участии С. Ю. Витте была расширена деятельность Крестьянского поземельного банка, изданы законы и нормативные правила о мелком кредите. Впоследствии некоторые меры, предлагавшиеся С. Ю. Витте в области аграрной политики, получили развитие в реформах П. А. Столыпина.

Заметим, что Витте не сводил вопросы промышленного и в целом экономического роста страны к фискальной, денежной и кредитно-финансовой политике. Помимо аграрных преобразований, он считал необходимым урегулирование социальных проблем и кадровое обеспечение хозяйственного роста, включая привлечение к работе крупных специалистов и массовую подготовку кадров.

При активном участии Витте разрабатывалось рабочее законодательство, в частности закон об ограничении рабочего времени на предприятиях (1897). Витте пригласил Д. И. Менделеева заведовать Палатой мер и весов, и за короткий срок великий ученый смог навести порядок в этом ведомстве. Возглавляемое Витте Министерство финансов развернуло активную деятельность в области технического и коммерческого образования. Законом от 9 мая 1894 г. коммерческие училища были подчинены Министерству финансов. 10 апреля 1896 г. было издано положение о коммерческих учебных заведениях, предусматривающее самое широкое участие обществ, городов, сословий и земств в распространении коммерческих знаний: учреждены коммерческие учебные заведения низшего типа — торговые школы, классы и курсы коммерческих знаний. До 1894 г. существовало всего 8 коммерческих училищ; с 1896 по 1902 г. было открыто 147 коммерческих школ с числом учащихся, превышающим 20000 (в том числе 51 коммерческое училище, 43 торговые школы, 30 торговых классов и 23 курса коммерческих знаний). Законом от 10 марта 1897 г. о сельских ремесленных учебных мастерских положено начало распространению технических знаний среди сельского населения. Законом от 19 марта 1902 г. поощрялось развитие практически-технического образования в рабочей среде. Министерство принимало меры для распространения художественно-промышленного образования и женского профессионального образования. Министерством финансов были учреждены три высших учебных заведения: Киевский, Варшавский

и С.-Петербургские политехнические институты. Общее число учащихся в учебных заведениях Министерства финансов превышало в 1902 г. 30000 человек [8].

В 1902 г. при Министерстве финансов было создано первое в России Государственное агентство печати, получившее наименование Торгово-телеграфное (позднее — Петроградское телеграфное агентство).

Усилия С. Ю. Витте оказали существенное воздействие на промышленный рост, несмотря на ограниченные возможности экономического развития, обусловленные социально-экономическим строем Российской империи. Отдельные периоды заметного оживления сменялись кризисами, а общие темпы экономического роста России, превысив темпы роста Великобритании и Франции, оказались недостаточными, чтобы состязаться с наиболее динамичными промышленными державами того периода — Германией и США. Общие итоги промышленного роста России в конце XIX — начале XX в. приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Производство основных видов промышленной продукции
в Российской империи (1887–1913 гг.) [9]**

Вид продукции	1887 г.	1900 г.	1913 г.
Чугун	36,1	176,8	283
Уголь	276,2	986,4	2215
Сталь и железо	35,5	163	246,5
Нефть	155	631,1	561,3
Хлопок (переработка)	11,5	16	25,9
Сахар	25,9	48,5	75,4

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новая индустриализация и модернизация России: публичная лекция / С. Д. Бодрунов; ИНИР. — СПб., 2012. — 81 с.
2. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов. — СПб., 2013. — 680 с.
3. Брандт, В. Витте, Сергей Юльевич (дополнение к статье) / В. Брандт // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/22658/%D0%92%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B5.
4. Нечволодов, А. От разорения к достатку / А. Нечволодов. — СПб., 1906. http://konzeptual.ru/downloadable/2/NechvolodovA_ot_razoreniya_k_dostatku.pdf
5. Протокольная запись выступлений министра финансов С. Ю. Витте и министра иностранных дел М. Н. Муравьева на совещании министров под председательством Николая II по вопросу об основаниях действующей в России торгово-промышленной политики. — 1899. — 17 марта. <http://istmat.ru/index.php?menu=8&id=21>.
6. <http://www.xserver.ru/user/vitmr/1.shtml>.
7. Витте, С. Ю. Конспект лекций о Народном и Государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С. Ю. Витте. — СПб., 1912.
8. Тери, Э. Экономическое преобразование России / Э. Тери; пер. с франц. А. А. Пешкова. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
9. Portal, R. The Industrialization of Russia / R. Portal // Cambridge Economic History of Europe, Cambridge. — 1965. — Vol. 6, p. 2.

Л. Н. Даниленко¹

МОЙ СОВРЕМЕННИК С. Ю. ВИТТЕ: СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются.

С. Ю. Витте

«Страна с непредсказуемым прошлым» — эта фраза В. Буковского стала афоризмом. Российская история переписывалась так много раз, а трактовка исторических событий менялась так часто в угоду политико-экономическим интересам отдельных социальных групп, что получить неискаженное представление о происходившем всего 100 лет назад, нелегко. Особенно, если эти события связаны с деятельностью такой неординарной фигуры, как Сергей Юльевич Витте.

Деятельность С. Ю. Витте, талантливого финансиста и организатора экономики — яркий пример того, как важно для страны, чтобы среди ее государственных мужей были личности реформаторского склада. Не самодержец Николай II, а С. Ю. Витте, занимая пост министра финансов, определял ход российской политики в 1892–1903 гг.² В подчинении Министерства финансов тогда находились департамент железных дорог, торговля, промышленность, т.е. он влиял на решение самых важных вопросов. Эти годы без большой натяжки можно назвать эпохой *Витте*.

Одно время популярной темой сочинений по литературе в школе была такая: «Пушкин (Лермонтов, Тургенев, Достоевский и т. д.) — мой современник». Идея заключалась в том, чтобы «перенести» героя в наши дни и посмотреть на наше время его глазами. Думается, что С. Ю. Витте, будучи «перемещенным» во времени на 120 лет вперед, обнаружил бы в начале XXI в. в России множество практически абсолютных совпадений с ситуацией, вызовами и задачами, стоявшими перед страной в экономическом, политическом, социальном плане в его время. Размышления С. Ю. Витте о делах столетней давности в значительной степени актуальны и сегодня.

Вот лишь два примера. Рассуждая по поводу *института земских начальников*, введенного в 1889 г. министром внутренних дел графом Д. А. Толстым, человеком ультраконсервативных воззрений, С. Ю. Витте проводит следующую мысль: институт этот «... основывается на первичной погрешности, которая заключается в том, что в культурном государстве невозможно, именно невозможно смешивать власть административную с властью судебной; власть судебная должна быть независима, так как справедливый суд может быть только при его независимости». И далее: «... прочный консерватизм и прочный порядок могут основываться только на законности, а до тех пор, пока в население не войдет в плоть и кровь законность, до тех пор можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов» [5, с. 195, 196].

Как и сегодня, в конце XIX в. в России не было единства взглядов по поводу проводимой экономической политики. Обсуждаемые пути развития сводились к двум альтернативам: *народники* обвиняли предшественника С. Ю. Витте, министра финансов И. А. Вышнеградского, в том,

¹ Людмила Николаевна Даниленко, доцент кафедры экономики и финансов Псковского государственного университета, канд. экон. наук, e-mail: daniluda@rambler.ru.

² Надо заметить, что С. Ю. Витте пришел не на пустое место: многое было начато его предшественниками — Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградским.

что он ради железнодорожного строительства обложил крестьянство непомерными налогами и проводит политику, противоречащую культурным и хозяйственным потребностям России; *западники*, напротив, утверждали, что именно задача преодоления культурной и экономической отсталости страны требует ориентации хозяйственной политики на западный, индустриально-капиталистический путь развития. В правительстве министр внутренних дел В. К. Плеве требовал отказаться от индустриализации как политики, несовместимой с самодержавием. Сторонники промышленной модернизации России группировались вокруг его противника — С. Ю. Витте, который именно в индустриализации усматривал единственно верное средство сохранения самодержавного порядка.

Экономическую платформу С. Ю. Витте определяла основная цель — в течение 10...15 лет догнать промышленно развитые страны Европы и вывести Россию в число передовых индустриальных держав. Для этого требовалось форсировать промышленное развитие страны с опорой на «подъем ее производительных сил», который С. Ю. Витте связывал с развитием обрабатывающей индустрии и созданием разветвленной сети железнодорожных транспортных магистралей.

Механизмы решения этих задач реформатор видел в неограниченном государственном вмешательстве в экономическую жизнь страны, включая непосредственное участие государства в различных отраслях общественно-хозяйственной деятельности; привлечении в российскую экономику иностранного капитала (через стабилизацию рубля и введение золотого стандарта); укреплении позиции России в азиатском и дальневосточном регионах (через экономическую экспансию) и в защите молодой национальной промышленности (через протекционистскую внешнеторговую политику)³. Соответственно финансовая политика С. Ю. Витте была ориентирована на перераспределение экономических ресурсов от частного сектора к государственному: в 1892–1903 гг. среднегодовые темпы прироста средств государственного бюджета составили 10,5%. Этот прирост обеспечивался за счет роста косвенного налогообложения практически всех важных потребительских товаров и введения государственной водочной монополии. Социальные последствия такой политики для С. Ю. Витте были совершенно ясны, тем не менее на посту министра финансов он наращивал косвенное налогообложение, оправдывая это тем, что лишь таким образом можно мобилизовать средства, требуемые для решения грандиозных задач индустриализации: «великие задачи требуют великих жертв».

За годы реформаторской деятельности С. Ю. Витте в строительство железных дорог в России была вложена сумма, эквивалентная более чем двум среднегодовым национальным доходам Российской империи. В результате сеть железных дорог, большая часть которых при Витте перешла в собственность государства, увеличилась на 86%. Благодаря этому железнодорожное строительство приняло беспрецедентные масштабы и стало главным рычагом политики ускоренной индустриализации — тем звеном, «подъем» которого мог бы вытянуть всю цепочку задач модернизации. Через преференциальные заказы отечественным производителям, ценовое регулирование, предоставление субсидий и кредитов, гарантии прибыли для новых предприятий и прочие инструменты правительство обеспечило достижение высоких темпов экономического роста в 1890-е гг. Железная дорога втягивала в капиталистический рынок новые территории: одновременно со строительством дорог вдоль магистралей на месте деревенских поселений строились новые промышленные предприятия и возникали новые города. Так появились Новосибирск (Новониколаевск), Сретенск, Тайшет, Уссурийск и др.

³ В теоретическом отношении программа индустриализации С. Ю. Витте была основана на идеях, изложенных в «Национальной системе политической экономии» Фридриха Листа (его доктрина «воспитательного протекционизма»), концепция «национальных производительных сил», а в политическом — на деятельности Отто фон Бисмарка в Германии.

Индустриальная политика требовала распространения технических и экономических знаний. По инициативе С. Ю. Витте в Киеве, Варшаве, Санкт-Петербурге были открыты политехнические институты [5, с. 420–421].

Экономическая политика Витте отличалась противоречивостью и парадоксальностью: для обеспечения рывка вперед, в индустриальное (капиталистическое) будущее, реформатор использовал средства и условия, сформировавшиеся в далеком феодальном прошлом. Хотя то, что С. Ю. Витте не видел никакого противоречия между идеей индустриализации и сохранением самодержавия, выглядит вполне логично: ведь только неограниченная власть царя и «... позволяла ему проводить линию, которую отвергало подавляющее большинство политически активной части общества» [7, с. 281].

Современники, представители самых разных социальных групп, оценивали деятельность С. Ю. Витте по большей части как негативную. Одни обвиняли его в насаждении «государственного социализма», другие считали его политику «грандиозной диверсией самодержавия», отвлекавшей внимание общества от социально-экономических и культурно-политических реформ. Тем более что государство как движущая сила индустриализации выполняло эту роль далеко не идеально (коррупция, некомпетентность чиновников и пр.). Как и при Петре I, российское государство не занималось *легкой* промышленностью, а было заинтересовано «... в крупномасштабных предприятиях, в слияниях и координации политики промышленных предприятий, к которым оно благоволило или которые помогло создать» [8, с. 137].

Как это созвучно с оценкой организационных механизмов процессов реиндустриализации в нынешней России! «Складывается впечатление, что все разрозненные элементы промышленной и технологической политики являются результатом лоббирования заинтересованных хозяйственных структур и служат в основном инструментом доступа к средствам федерального бюджета», — отмечают современные исследователи [4, с. 31].

В условиях экономического подъема 1890-х гг. налаженная С. Ю. Витте система работала практически без изъянов. Ее закат начался в 1899 г., когда в стране разразился один из самых тяжелых в ее истории экономических кризисов, за которым последовали годы войны и гражданской смуты. Кризис выявил слабые стороны политики Витте: неприспособленность предприятий, находившихся в сфере государственного хозяйства, к конкурентной борьбе; оставшаяся нерешенной аграрная сфера и нерешенный крестьянский вопрос⁴. Система Витте строилась на росте государственных расходов, покрываемых за счет растущего налогообложения, главным образом крестьянского населения, однако «... обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою не только не производительною, но едва ли даже вообще допустимою при существующем экономическом положении страны» [1, с. 96].

Было бы ошибкой оценивать результаты политики Витте лишь с точки зрения улучшения хозяйственных показателей и темпов роста российской экономики в конце XIX в. (что обычно делается). Важно учитывать изменения в организации и функционировании экономической системы, которая всегда носит *социально*-экономический характер и всегда политически обусловлена. В этом смысле следует признать, что «... Витте так и не провел или не сумел провести реформы общего характера, которые создали бы условия для более свободного развития частной инициативы» [1, с. 90]. Да и собственно экономический рост «... обеспечивают не

⁴ Но это не потому, что С. Ю. Витте не понимал важности крестьянского вопроса для настоящего и будущего России или не пытался его решить. А потому, что ему не позволили приступить к реформированию сельского хозяйства: проекту аграрных реформ Витте был поставлен заслон в Министерстве внутренних дел. Необходимой же поддержки со стороны Николая II в этом вопросе Витте не получил. Было, как обычно, в России: «...мы десятки лет высокопарно все манифестовали: «Наша главная забота — это народные нужды, все наши помыслы стремятся, чтобы осчастливить крестьянство» и проч., и проч. Все это было и до сего времени представляют одни слова» [5, с. 541].

передовые позиции в отдельных, пусть даже важных и крупных производствах и комплексах, а состояние экономики в целом» [2, с. 20]. Эта мысль нашего современника относительно причин пробуксовки нынешнего курса на новую индустриализацию российской экономики верна и для оценки событий столетней давности.

Серьезнейшим просчетом С. Ю. Витте представляется его стремление добиться успешного развития российской экономики, не затрагивая политическую систему страны, не меняя институты государственного управления (похоже, что на эти же «грабли» Россия наступает и сегодня). Более того, все, что Витте делал в экономике и финансах, было направлено на укрепление экономического могущества феодального в своей основе российского самодержавия. При этом Витте очень трезво смотрел на *природу* российского государства. «Российская империя, — писал он, — в сущности была военная империя; ничем иным она особенно не выделялась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу» [5, с. 509]. Будучи осенью 1899 г. в отпуске в Сочи, С. Ю. Витте, находясь под впечатлением природной красоты и богатства Черноморского побережья, в одном из писем с горечью замечал: «В наших руках это все в запустении, если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами. Но куда нам! Для этого нужны капиталы и капиталы, наше же назначение капиталов — это война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, и все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, а в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком положении вещей серьезно говорить!» [1, с. 89].

Инициированная и поддержанная самодержавным государством политика индустриализации (как 200 лет назад при Петре I и 100 лет спустя при *выбранном* президенте России) в первую очередь служила политическим целям, демонстрации миру того, что Россия является мощной державой, интересы которой требуют уважения со стороны ее соседей. Индустриальная модернизация носила «верхушечный» и частичный характер: проводившая ее власть ориентировалась на такие преобразования, которые укрепляли военную мощь государства как инструмент внешней экспансии. Схожую оценку дает известный исследователь экономической истории России А. Гершенкрон: «... ясно, что государственный интерес к индустриализации был продиктован милитаристской политикой» [8, с. 137].

В августе 1903 г. под натиском своих политических противников С. Ю. Витте был вынужден оставить пост министра финансов. И причиной были не только последствия кризиса. Будучи сторонником активной экономической экспансии в азиатском регионе, С. Ю. Витте предостерегал от агрессивной захватнической политики. Россия же все больше втягивалась в гонку вооружений, характер и последствия которой С. Ю. Витте оценивал так: «... происходит постоянная мирная война — война посредством вооружения; на это вооружение тратятся громадные деньги, которые ложатся бременем большей частью на бедный класс населения; и, кроме того, отрывается масса населения от производительного труда; и если не проливается прямо кровь населения, то зато проливается понапрасну его пот, тратятся его производительные силы» [5, с. 223–224]. Витте проиграл борьбу за власть империалистам из Министерства иностранных дел. Сокрушительное поражение России в русско-японской войне 1905 г. полностью подтвердило обоснованность его взглядов.

Сбылись и другие предостережения С. Ю. Витте. Анализируя выводы и «уроки», извлеченные правящим режимом из поражения в русско-японской войне, Витте писал: «Наверху же провозгласили, что все виноваты, кроме нас... Сверху пошел клич: все это крамола, измена, и этот клич родил таких безумцев, подлецов и негодяев, как иеромонах Иллиодор, мошенник Дубровин, подлый шут Пуришкевич... и тысяча других. Но думать, что на таких людях можно выйти — это новое мальчишеское безумие. Можно пролить много крови, но в этой крови можно

и самому погибнуть, и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай бог, чтобы сие не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов...» [5, с. 510]. Увы, все было именно так.

В конце XIX в. поворотным пунктом в экономической истории России стал голод 1891–1892 гг. Как пишет немецкий исследователь, «... разразившийся голод... похоронил мечту народников о крестьянском социализме и... стало пробиваться... осознание того, что путь индустриального развития не имеет альтернативы» [7, с. 287].

В начале XXI в. таким поворотным пунктом стал кризис 2008–2009 гг. Он выявил «... практически полное исчерпание запаса прочности, которым обладала отечественная экономика в середине 2000-х гг.» [3, с. 3] и «благодаря» ему настоятельная необходимость коренной ее модернизации стала очевидным фактом. Но если Комиссия по модернизации экономики при президенте России ограничивается «технократической» модернизацией, то большинство исследователей и ученых отмечают необходимость комплексного, системного подхода к модернизации.

Например, С. Д. Бодрунов подчеркивает, что «... никакой значительной, устойчивой, имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, если не изменим подходы к формированию основных институтов нашего общества» [3, с. 4–5]. При этом успех институциональной модернизации ученый связывает с верным выбором *общей концепции развития общества* и выделяет две основные модели общественного устройства: модель, построенную на отношениях контроля, и модель, в основу которой кладутся партнерские отношения. Именно преобладание той или иной компоненты (контроль — партнерство) и предопределяет тип общественного образования. Так, в случае превалирования *контроля* интересы отдельных членов общества подчиняются «долгу гражданина», т.е. интересам государства (контролера), и все институты нацелены на охрану государственных интересов. Насколько эффективна такая модель социального устройства?

С. Д. Бодрунов дает четкий ответ на этот вопрос: «Поддерживаемая правовым, репрессивным, административным и иным управленческим инструментарием, такая модель позволяет в определенный момент мобилизовать ресурсы государства на реализацию «прорывных» задач». Но поскольку на экономические стимулы эта модель реагирует слабо, то, «... несмотря на достижение зачастую отдельных высоких показателей в каких-то направлениях, такое государство становится уязвимым для рыночной конъюнктуры» [3, с. 76]. Ограниченные успехи политики «частичной» индустриальной модернизации, предпринятой С. Ю. Витте в конце XIX в., — ярчайший тому исторический пример. Экономическая «конструкция» Витте не выдержала ударов кризиса, случившегося на рубеже веков.

Надо сказать, что позже С. Ю. Витте пришел к пониманию важности для успешного экономического развития страны правильного выбора модели ее общественного устройства. В своих «Воспоминаниях...» он пишет: «... главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы». И далее: «... при освобождении крестьян весьма бесцеремонно обошлись с *принципом собственности* и нисколько в дальнейшем не старались ввести в самосознание масс этот принцип, составляющий цемент гражданского и государственного устройства всех современных государств» [5, с. 506, 508].

Но ведь и спустя 130 лет мы имеем тот же, по сути, результат! «Отечественная приватизация 1990-х гг. ... не решила главную экономическую задачу — создание предпосылок для формирования не люмпен-пролетариев, а активных частных собственников, заинтересованных в строительстве общества-партнерства» [3, с. 79]. Обратим в этой связи внимание на еще одну сторону модели контролирующего «государства-сверхкорпорации». В таком государстве корпоративная идеология стимулирует разделение общества на группы, «часть которых контролирует ресурсы общества, другая часть в той или иной мере обслуживает «контролеров», а основная

масса населения в реальной жизни отстранена от ресурсов. Это ведет к расслоению общества, деградации его элиты, развитию коррупции, неэффективности экономики и, как правило, ее распаду» [3, с. 76].

Схожие идеи развивают и зарубежные авторы, анализируя экономические институты в единстве с политическими: в то время как экономические институты играют решающую роль в определении того, будет ли страна богатой или бедной, именно политические институты определяют, какие экономические институты страна будет иметь [10]. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон выделяют две группы институтов — инклюзивные и экстрактивные. *Инклюзивные* институты (прежде всего гарантирующие права собственности) поощряют участие индивидов в различных видах экономической деятельности, более всего отвечающих их склонностям и способностям. *Экстрактивные* институты созданы для изъятия доходов у одной части общества ради выгоды другой его части.

Экстрактивные политические институты обеспечивают сосредоточение власти в руках узкой элиты, которая выстраивает экономические институты «под себя», прежде всего в интересах извлечения ресурсов у остальной части общества. Обогащение же немногих за счет многих позволяет выделять средства на дальнейшее закрепление экстрактивных политических институтов (через щедрую оплату лояльных вооруженных сил, подкуп судей, фальсификацию выборов и т.д.). Экстрактивные политические институты резко повышают ставки в политической игре, ведь тот, кто контролирует государство, контролирует *все*. В обществах с экстрактивными институтами приход оппозиции к власти, под какими бы идеологическими лозунгами это ни происходило, вызывает искушение выстроить новую властную модель по имеющемуся образцу, т.е., по сути, оставить институт власти привычно бесконтрольным ради собственных выгод. Это закладывает потенциал политической нестабильности, который при сочетании неблагоприятных обстоятельств приводит к хаосу, гражданским войнам.

С. Ю. Витте и об этом предупреждал: «... когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае» [5, с. 524].

Хотя экстрактивные институты должны создавать богатство, хотя бы для того, чтобы было что извлекать, экономический рост в социальных порядках, построенных на экстрактивных институтах, не может быть устойчивым. И разного рода «экономические чудеса» в таких социумах не переводят их в новое качество, если радикально не меняется характер политических институтов. Существование же экстрактивных и инклюзивных институтов непрочное. Частичная замена экстрактивных экономических институтов на инклюзивные может обеспечить на какое-то время высокие темпы экономического роста, но сохранение экстрактивных политических институтов неизбежно приведет к его исчерпанию. Так было и с реформами Петра I, и с результатами реформаторской деятельности С. Ю. Витте, и с периодически предпринимавшимися реформами в Советском Союзе. Особенности экономического развития современной рыночной России, к сожалению, из ряда общих примеров не выбиваются.

Отсюда следует логичный вывод, к которому приходит С. Д. Бодрунов: определение основных направлений модернизации отечественной экономики зависит от ответа на вопрос, к какому типу общественного устройства мы хотим прийти в ближайшие годы [3, с. 77]. Ответ представляется очевидным: это должно быть *партнерское общество*, в котором главным ресурсом и источником общественного богатства является *человеческий ресурс, мотивированный и свободный в принятии экономических решений* [2, с. 25]. Если С. Ю. Витте основным звеном, «ухватившись за которое, можно решить всю цепочку поставленных задач», считал строительство железных дорог, то современники таким звеном все чаще называют «всемерное развитие человеческого капитала, связанное с опережающим развитием интеллектуального и творческого

потенциала, профессиональных навыков работников» [10, с. 54–55]. Так — в теории. А что на практике?

На деле в сегодняшней России вовсе не уровень образования и квалификации работников определяет размер их заработной платы, а сфера деятельности. В 2012 г. при среднеотраслевой зарплате 26,6 тыс. рублей в месяц трудовые доходы в производстве нефтепродуктов и в финансовом секторе оценивались в 59 тыс. рублей, а, например, в текстильной промышленности и кожевенно-обувном производстве едва достигали 13 тыс. рублей. Огромен разрыв в заработной плате 10% наиболее высокооплачиваемых работников и 10% работников, получающих самые низкие трудовые доходы (97,6 тыс. рублей против 6,2 тыс. рублей в 2013 г.) [11]. Сегодня медианная заработная плата в экономике едва дотягивает до 21 тыс. рублей, «... при этом наиболее дешевая рабочая сила занята в отраслях, которые по определению являются источниками модернизации экономики» [3, с. 122].

Большинство российских работников сегодня не ощущают связи между количеством и качеством труда и своим доходом. В свою очередь, заработная плата, будучи не увязанной с количеством и результатами труда, не выполняет основополагающие функции цены труда — воспроизводственную и стимулирующую. Отрыв доходов одних субъектов от их реального трудового вклада и формирование доходов других субъектов на основе присвоения рентных ресурсов (природных, административных, политических и т.д.) имеет негативные последствия с точки зрения *мотивации совокупного работника*. Большая часть работающего населения страны исключена из распределения монопольных и рентных доходов и чувствует себя «чужой на празднике жизни». В этой ситуации, как говорил советский сатирик: «вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». Но «работа в порядке миража» не только влечет за собой негативные экономические последствия в виде низкой производительности труда наемных работников и слабого интереса к инновационному поведению у предпринимателей, но и духовно, нравственно развращает *человека труда*.

В свое время А. Д. Сахаров заметил, что нельзя быть одновременно прогрессивным в экономике и консервативным в политике. По мнению отечественных политологов, сегодня ответ на вопрос, «что вперед — политика или экономика?», для России очевиден: «... без реформы политической системы невозможно преодолеть слабость институтов, а без них, в свою очередь, — повысить эффективность социально-экономической политики и добиться качественного роста экономики» [6, с. 34]. Модернизация в экономике требует политической модернизации. Отличительная особенность политического фона современной России — отсутствие факторов, формирующих механизмы саморазвития общества, что обуславливает движение по модели не линейной структуры политического процесса с открытым будущим, а циклической, когда новые этапы являются лишь воспроизведением прошедшего. Подобная ситуация (своего рода политическое *déjà vu*) вызывает у *человека-гражданина* ощущение напрасности любых активных гражданских действий.

Но если «... в развитой стране рациональные аргументы в пользу индустриализации не требуют дополнения квазирелигиозным пылом», то «... чтобы сломать барьеры застоя в отсталой стране, чтобы воспламенить воображение людей и направить их энергию на службу экономическому развитию, требуется более сильнодействующее средство, чем обещание лучшей аллокации ресурсов... Для того, чтобы сдвинуть горы рутин и предрассудков, необходима вера», — считает А. Гершенкрон [8, с. 141, 140].

А во что верит российский народ? Как и полагается для иррационального чувства⁵, россияне верят во *власть*. Для 36% сограждан самым высоким моральным авторитетом является президент страны [12], хотя ни с какими значимыми экономическими или социальными достижениями прошедшие два десятилетия не ассоциируются (спортивные мероприятия и саммиты мало что меняют в общей картине). Естественно, пользуясь таким всенародным «кредитом доверия», власть на всех уровнях и дальше может забалтывать всю работу по новой индустриализации России, сводить ее к «политической трескотне», что на самом деле и происходит.

Таким образом, проблема реиндустриализации отечественной экономики охватывает не только способ производства. С ней соотносятся политические, социально-классовые, культурные и идеологические вопросы. Если их не решать, то характеристика России как государства, в котором *все всегда меняется так, что ничего не меняется*, останется такой же неизменной, как и сама страна.

Список литературы

1. *Ананьич, Б. В.* Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. — СПб.: ДБ, 1999. — 432 с.
2. *Бодрунов, С. Д.* К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 4 (38). — С. 4–26.
3. *Бодрунов, С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов; Институт нового индустриального развития. — СПб., 2013. — 680 с.
4. *Бодрунов, С. Д.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 1 (35). — С. 19–49.
5. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. — М.: Мысль, 1991. — 720 с.
6. Круглый стол журнала «Полис». Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. — Ч. 1 // ПОЛИС: Политические исследования. — 2013. — № 1. — С. 32–49.
7. *Цвайнерт, Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905 гг. / Й. Цвайнерт; под науч. ред. В. С. Автономова. — М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 410 с.
8. Экономическая история: хрестоматия. — М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 552 с.
9. *Якутин, Ю. В.* Актуальные проблемы реиндустриализации России / Ю. В. Якутин // Научные труды Вольного экономического общества. — 2014. — № 1. — Т. 180. — С. 49–59.
10. *Acemoglu, D.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J. Robinson. — N. Y.: Random House; Crown Publishers, 2012. — 570 p.
11. Затраты на рабочую силу и заработная плата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения 06.02.2014).
12. Путин возглавил рейтинг моральных авторитетов России. URL: <http://news.nur.kz/332891.html> (дата обращения 18.10.2014).

⁵ В Википедии *вера* определяется как признание чего-либо истинным, часто — без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего, субъективного непреложного убеждения, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

*С. Ю. Глазьев*¹

О РОЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ²

Эскалация международной напряженности и прямая агрессия Соединенных Штатов против России, которая выражается в военных действиях на Украине, все это — следствие глубинных закономерностей, связанных со сменой длинных волн в экономике и вековых циклов накопления в мировой институциональной структуре. Процессы многократно описаны в нашей и зарубежной литературе, хотя это не является частью мейнстрима — ни экономического, ни политологического. Тем не менее специалисты, которые занимаются длинными волнами, знают, что период смены технологических укладов, который мы переживаем, всегда характеризуется ростом напряженности и может вылиться в реальную войну. Гонка вооружений в космосе была раскручена США в ответ на технологические вызовы, исчерпание возможностей роста на старой технологической основе. Американцы в процессе развертывания стратегической оборонной инициативы вложили достаточно много денег в формирование комплекса информационно-коммуникационных технологий, который стал локомотивом долгосрочного подъема экономики и не только американской, но и всего западного мира, подпитанного ресурсами распавшегося Советского Союза. Гонка вооружений, которая, слава Богу, не привела к мировой войне, обернулась для нас катастрофой, а для американцев — устойчивым подъемом с темпом примерно 6–7 % в год. При этом комплекс информационно-коммуникационных технологий до последнего времени сохранял высокие темпы роста — 20...25 % ежегодно.

Сегодня возможности очередного технологического уклада исчерпаны, и мы снова оказались в ситуации неопределенности. Капитал, не находя возможностей для прибыльного вложения в привычных технологических траекториях, уходит из производственной сферы, следствием чего становится рост финансовых пирамид и спекуляций. Многие экономисты решили, что эра производственного капитализма закончилась и началась эра финансового капитализма. Но это — лишь эпизод в длинных циклах, когда производственный сектор наталкивается на технологические пределы роста, и капитал уходит в финансовую сферу. Требуется время, чтобы с помощью ученых, инженеров, предпринимателей выстроить новые технологические траектории.

В период резкого роста неопределенности возникает потребность в государственном планировании и прогнозировании. Государство должно помочь бизнесу снять риски выхода на новые технологические траектории. И вот сейчас мы переживаем именно такой период. Согласно теории вековых циклов накопления, связанных со сменой лидеров мирового развития

¹ *Сергей Юрьевич Глазьев*, Советник Президента РФ по вопросам развития интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, д-р экон. наук, проф., академик Российской академии наук.

² Доклад на Международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (Москва, «Экспо-Центр»), проведенном Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, 22–23 ноября 2014 г.

из-за смены структуры институтов, обеспечивающих экономический рост, американцы неизбежно теряют лидерство. Его перехватывает Китай, и начинается, как всегда в мировой истории, период военно-политических конфликтов, когда старый лидер изо всех сил старается удержать монополию, пытается с помощью силы, своего превосходства в военной и политической области поставить под контроль как можно больше территорий, чтобы сохранить лидерство в конкуренции с новой, растущей экономикой.

Вот Китай — в чем он превосходит сегодня капиталистический мир? — Китай придумал новую модель: она как бы социалистическая по идеологии и рыночная по форме — симбиоз государства и частного бизнеса. Китай сумел соединить то хорошее, что было в социалистической системе, с механизмами рыночной конкуренции, без которых невозможно развитие экономики. В итоге мы получили китайское экономическое чудо, которое по своей эффективности, потенциальным возможностям, креативности и по своей стабильности превосходит современный западный мир.

В этом смысле США обречены на поражение, но сначала они обязательно попытаются развязать войну в Европе. Они это делают, чтобы максимально мобилизовать своих союзников, обеспечить себе преимущество в кооперации с европейским капиталом, который так сильно от них зависит, вернуть себе контроль над Россией и, соответственно, — над Средней Азией и таким образом кардинально укрепить свою устойчивость. Но, если верить теории циклов, из этого ничего, кроме глобальных неприятностей, произойти не может — лидерство они все равно потеряют. Уже сегодня США уступают Китаю по объему ВВП (по паритету покупательной способности). Мы стали главной жертвой судорожной американской попытки сохранить свою гегемонию и стоим перед вызовом: либо мы сумеем воспользоваться окном возможностей, которое открывает смена технологических укладов, и у нас для этого есть нужный технический потенциал, либо нас сомнут в этой конкуренции старого и нового глобальных лидеров. Сегодня мало кто понимает остроту ситуации. Мы пытаемся противостоять экономическим санкциям, внушаем себе, что ничего страшного не произойдет. Тем не менее, если раньше в 2013–2014 гг. планировались переход на траекторию инновационного развития, проведение модернизации, начало технологического скачка, то сегодня мы сталкиваемся со стагнацией и падением инвестиций. И главная причина нынешнего кризиса отнюдь не санкции, а некомпетентная, ущербная для экономики страны политика Центрального банка. Это удивительное сочетание: с одной стороны, громкие заявления и амбициозные задачи, о которых говорят наши лидеры, с другой — политика денежных властей, делающая выполнение этих задач невозможным.

Экономические санкции в сочетании с политикой Центробанка обрекают нас на катастрофу. Суть санкций сводится главным образом к тому, что Запад перестает давать нам кредиты. У нас сформировалась модель экономики, которая опирается на внешние источники кредита. На сегодняшний день больше половины денежной базы сформировано под иностранные кредиты, в основном, под кредиты стран НАТО, которые запретили своему бизнесу кредитовать российскую экономику. Общий объем кредитов, которые мы должны вернуть до конца будущего года, составляет 180 млрд долларов. Если мы их возвращаем, у нас денежная база сжимается практически на треть. Добавьте к этому бегство капитала: в этом году прогнозируется уход еще 120 млрд долларов. При нынешней политике (а Центральный банк упорно не хочет ее менять) мы сталкиваемся с ситуацией прогнозируемого и даже рукотворного снижения денежной массы, которая уже сегодня абсолютно сократилась по сравнению с прошлым годом.

Это связано с тем, что капитал уходит из страны — как легально, так и нелегально. Центробанк вынужден продавать валюту, обслуживая утечку капитала, и тем самым изымать с рынка рубли. При этом для решения возникших проблем делается стратегически неправильный ход: повышается процентная ставка и одновременно ЦБ отказывается от контроля за курсом рубля. Мотивируется это школярскими рассуждениями о том, что у денежной политики может быть

только одна цель, т. е. «мы не можем одновременно ставить цель снижения инфляции и цель держать какой-то курс рубля». Все это — следствие примитивных моделей теории рыночного равновесия, которыми набиты головы наших экспертов, определяющих сегодня денежную политику, не имеющую никакого отношения к реальности. Любой человек, хоть что-то слышавший про экономическую кибернетику, знает: чтобы сложная система была управляемой, избирательная способность управляющей системы должна быть не меньше, чем разнообразие объекта управления. Поэтому нормальный Центральный банк сразу ведет управление по многим параметрам. Денежная система — это сложный объект и думать, что, подняв процентную ставку, можно прекратить бегство капитала, и капитал обратно побежит к нам — это смешно и наивно, на уровне семинара для второго курса университета. Диву даешься, как это все реализуется в политике Центробанка.

Одновременно они «бросают» рубль в свободное плавание. К чему это приводит? Из-за повышения процентной ставки кредит, и без того дорогой, становится недоступным для производственного сектора. Весь объем кредита начинает сосредотачиваться в спекулятивном секторе, потому что у нас мало отраслей экономики, которые могут «переварить» кредит под 15...20%. Отказ от ответственности за курс рубля — сигнал для спекулянтов, что можно «валить» рубль и наживать на этом огромные барыши. И когда возникает вопрос — поиграть на спекуляциях против рубля, где за один день можно заработать 5% прибыли (а это сотни процентов в годовом исчислении), или мучиться с сельским хозяйством, промышленностью, выдавать кредиты с рисками их невозврата, поскольку рентабельность у нас в среднем около 6%, а процентная ставка — выше, то финансовый капитал, конечно, выбирает спекулятивную сферу. Таким образом, Центральный банк, по сути, провоцирует своей политикой удар по валютному рынку.

При этом в экономике у нас источников кредита не остается. Под разговоры о том, что у нас лишние деньги, уже много лет проводят стерилизацию нефтедолларов. На сегодняшний день правительство изъяло из экономики 9 трлн рублей, которые висят на счете у ЦБ. Центральный банк, сталкиваясь с проблемами ликвидности, выдал экономике около 6 трлн рублей в виде рефинансирования коммерческих банков. Но эти деньги не пошли в реальный сектор. Получается, что правительство через налоговые механизмы изымает деньги, в основном из реального сектора, а Центральный банк впрыскивает деньги в спекулятивный сектор. Денежные власти, по сути, являются спонсорами «финансовой турбулентности», которая лишает производственный сектор элементарных возможностей развития и привлечения кредита. При этом все понимают, что нам нужны «длинные» деньги, без которых невозможны ни модернизация, ни освоение новых технологий; что новый технологический уклад требует огромных инвестиций в НИОКР, и все это можно сделать.

Как я уже говорил, у нас нет других вариантов: необходимо совершить «скачок» в новый технологический уклад (это нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии). Он растет с темпом 35% в год. В Академии наук и в высокотехнологичных отраслях промышленности есть определенные заделы, есть возможность их расширять, есть, вроде бы, институты, которые должны это делать, но нет механизма финансирования. Опыт совершения технологических скачков показывает: чтобы страна из отстающей переместилась в число передовых стран, необходимо примерно 10 лет, а как раз десять лет — это смена технологических укладов. Совершить скачок можно только в переломный момент, когда страны-лидеры не могут дальше расти и вынуждены заниматься технологической перестройкой, модернизацией. У них идет колоссальное обесценивание капитала, и они начинают проводить политику милитаризации: раскручивают войну, тратят огромные ресурсы на непроизводительные военные расходы. В это время у отстающих возникает возможность для рывка. Для этого норма накопления должна быть не менее 40% от ВВП (у нас сегодня — около 20%); должна работать система стратеги-

ческого планирования, которая будет правильно выбирать приоритеты и обеспечивать бизнес соответствующей научно-технической прогностической информацией.

Еще пять лет назад нам говорили, что все само собой образуется за счет сбережений населения и экономических агентов: сформируются финансовые резервы, фонды — пенсионные, инвестиционные и пр. На самом деле главный источник сбережений — население, которое сегодня превратилось из кредитора экономики в заемщика. Из-за бума потребительских кредитов население должно банкам более 10 трлн рублей, т. е. долг превышает сбережения. Финансовых институтов у нас нет, иностранный капитал ушел или уходит. Другого источника финансирования инвестиций, кроме кредитов, которые генерирует Центральный банк, просто не существует. Есть еще бюджет, но бюджет должен финансировать науку и снимать технологические риски, т. е. заниматься теми сферами деятельности, где у бизнеса нет возможности правильно спланировать инвестиции. Это прежде всего — фундаментальная, поисковая наука и, конечно, образование.

С этой проблемой сталкивались не только мы. Практически все страны, совершавшие технологические рывки, делали это за счет кредитного форсажа. Доля кредита к ВВП за десятилетие скачка возрастала в 3–4 раза. У нас доля кредита к ВВП составляет около 40 %, в Китае — 180 %, в Японии — еще больше, в Америке — 120 % и т. д. То есть наша экономика вообще работает без кредита.

Чтобы произошел подъем, государство должно организовать приток «длинных» денег, «дешевых» денег в перспективные разработки, технологии, в инвестиции, в расширение производства. Сделать это в рамках существующей экономической денежной модели мы не можем, потому что Центробанк, как я уже сказал, выдал кредита на 6 трлн рублей. Этот кредит ушел на валютный рынок. Почему это происходит? Потому что у нас на уровне подсознания есть табу на валютный контроль и на любые ограничения движения капитала. Год за годом на всех уровнях твердят, что мы ни в коем случае не должны вводить валютный контроль, регулировать движение капитала через границу, потому что это отпугнет иностранных инвесторов, которые от нас и так уходят и совсем по другим причинам. Эта догма является главным камнем преткновения при переходе к политике экономического развития. И это — не просто догма. На ней «висят» огромные экономические интересы. Из-за этого мы получили чудовищную оффшоризацию экономики, и разговоры об иностранных инвесторах не стоят выеденного яйца, потому что на 90 % — это наши бизнесмены, возвращающие деньги обратно через оффшоры. Только сначала они их вывезли без уплаты налогов, а теперь они их привозят и тоже налогов не платят. В результате бюджет теряет триллион рублей в год.

Для кого эта модель создана? Для обслуживания интересов оффшорной олигархии. Та денежная модель, которая сегодня работает в стране, создавалась как бы для иностранных инвесторов. Считалось — нельзя вводить валютный контроль, потому что мы отпугнем иностранных инвесторов. Хотя во всех странах, которые успешно растут, валютный контроль был и есть. Возьмите тот же Китай, Японию в период японского экономического чуда, даже Европа имела валютный контроль в период бурного роста. Любая страна, которая ориентируется на собственные интересы, следит за тем, чтобы капитал не «убегал» из страны. А все разговоры про хороший предпринимательский климат бессмысленны, потому что увозят капитал как раз те, для кого климат исключительно хорош. Главным экспортером капитала у нас является олигархат, который в судах все проблемы решает, у которого нет проблем с лоббированием своих интересов в госструктурах, который имеет доступ к кредитам — у них все есть. И более хорошего климата, чем у наших олигархов во взаимоотношениях с нашим государством, нигде в мире нет. В Америке — что, лучше для них климат будет? Нет, конечно. Они увозят деньги потому, что модель изначально сформулирована так: заработок — в России, а прибыли — за границей. Они себя чувствуют не российскими гражданами, а гражданами мира, поэтому качают деньги из России, а семьи держат там. Через оффшорные зоны пропускается ежегодно порядка 140...160 млрд

долларов, а возвращается только половина. Больше половины частных инвестиций у нас проходит через оффшоры. А половина капитала растворяется за границей.

Таким образом, если мы хотим наладить нормальный механизм долгосрочного кредита, нам без валютного регулирования и контроля не обойтись. Речь идет не о запретах, а об элементарном контроле для того, чтобы капитал не уходил без уплаты налогов, не уходил неизвестно куда, чтобы «стимулировался» здесь. Возможен налог на вывоз капитала. Возможен налог на финансовые спекуляции, об этом в Европе говорят уже много лет — так называемый налог Тобина. Возможны временные фильтры, чтобы отсеять спекулятивный капитал от прямых инвестиций. Существует множество способов пресечения вывоза капитала без экономической целесообразности, по причинам противоправным и спекулятивным. Если мы это делаем, у нас возникает возможность через институты развития, механизм рефинансирования коммерческих банков под обязательства производственных предприятий дать экономике столько денег, сколько нужно.

Вопрос — сколько? В чем у нас сегодня главный спор с денежными властями? Они говорят: мы не можем увеличивать кредит, потому что экономика работает на пределе возможностей. Но это — глупо. Наши расчеты и оценки показывают, что экономика работает на две трети потенциала. У нас загрузка производственных мощностей в разных отраслях колеблется от 40 до 80 %. Высок процент скрытой безработицы, множество невостребованных квалифицированных специалистов, огромное количество ресурсов. И говорить о том, что мы работаем на пределе возможностей и не способны наращивать производство, могут только люди, очень далекие от реальной экономики. Если мы сумеем ввести валютное регулирование, тогда мы сможем создать механизм долгосрочного кредита, выйти на темпы роста 6...8 % в год на базе существующих производственных мощностей и сделать технологический скачок за счет наращивания инвестиций в секторы нового технологического уклада с темпом не менее 20 % в год.

С.Д. Бодрунов¹

РЕСУРСНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИИ КАК ОСНОВА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА²

Для характеристики нынешнего состояния нашей экономики приведу несколько наиболее характерных цифр (табл. 1); здесь намеренно взяты данные по состоянию на 2013 г., до того как возникли внешние факторы, сильно осложнившие экономическую ситуацию в стране.

Таблица 1

Динамика восстановления промышленного производства (1991 г. = 100 %)

Годы	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)*
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
Добыча полезных ископаемых	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
Обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

* Прогноз Минэкономразвития России по состоянию на 01.01.2013 г.

Как видим, даже при сверхоптимистичных прогнозах, выданных нашим главным оптимистом — Министерством экономического развития, валовой внутренний продукт (ВВП) к 2015 г. должен был вырасти на 38 % по отношению: внимание — к 1991 г., а промышленность — достичь уровня 25-летней давности! Это хуже показателей за аналогичный период после Великой Отечественной войны! Не говоря уж о том, что они не реализованы и не будут реализованы, очевидно, с учетом экономической ситуации. Согласно данным Росстата, тенденция — устойчиво негативная, падение продолжается который год подряд (табл. 2).

Таблица 2

Экономическая ситуация (март 2013 г.)

Темпы роста ВВП	I полугод. 2012 г. — 4,5 %; III кв. 2012 г. — 2,4 %, IV кв. 2013 г. — 1,8 % Падение в 2,5 раза
Динамика ВВП	2010 г. — 8,2 %, 2012 г. — 2,6 % Падение в 3,1 раза Янв. 2012 г. — 5,1 %, янв. 2013 г. — 1,6 % Падение в 3,2 раза
Инвестиции в основной капитал	2008 г. — 21,2 %, 2012 г. — 19,8 % Снижение на 6,6 %
Темпы роста импорта	2010 г. — 30,1 %, 2012 г. — 3,6 % Снижение в 8,4 раза
Инфляция, январь–февраль	2012 г. — 0,9 %, 2013 г. — 1,5 % Рост в 1,7 раза

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на Международной научной конференции, посвященной 210-летию кафедры экономической теории МГУ им. М. В. Ломоносова (19.11.2014).

Сегодня ситуация усугубляется из-за введения санкций. Росстат фиксирует практически полную остановку роста промышленности, а по отдельным регионам — катастрофическое рецессивное движение, например, в Санкт-Петербурге, одном из крупнейших экономических и индустриальных центров страны, падение промышленного производства в 2014 г. приближается к 10%, что сравнимо с кризисным декабрем 2008 г. (рис. 1).

То есть сегодня наша экономика находится не просто в «стадии затухающего роста» (как говорили два-три года назад), а в ситуации полной его остановки, т. е. стагнации. А в это время Минэкономики и Минфин спорят — находимся ли мы еще в стадии стагнации или уже вступили в экономическую рецессию? Все это напоминает споры схоластов Средневековья о том, сколько чертей может поместиться на кончике иглы.

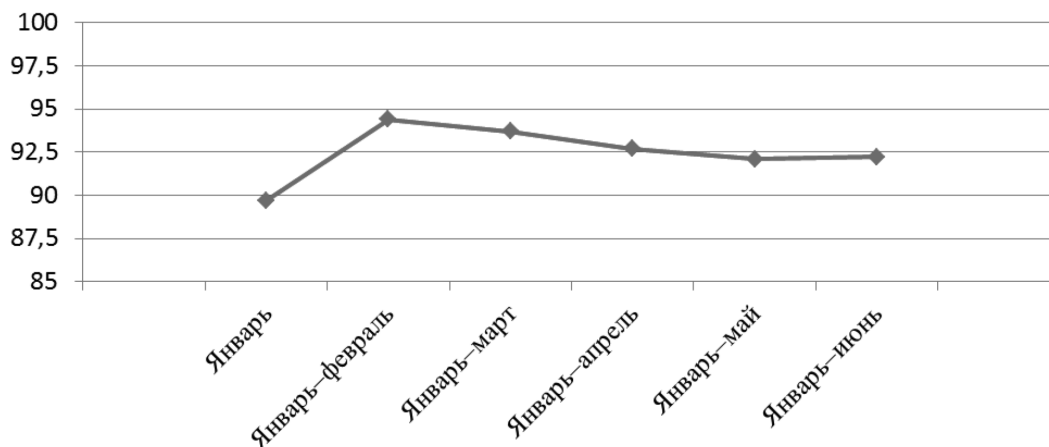

Рис. 1. Индекс промышленного производства Санкт-Петербурга (январь–июнь 2014 г.), % к соответствующему периоду 2013 г. (сайт Правительства Санкт-Петербурга, сайт АППИ)

Почему, несмотря на наличие у нас серьезнейшей ресурсной базы, мы не видим значительных позитивных сдвигов? Конечно, можно перечислить множество факторов, влияющих на ситуацию. Однако можно утверждать, что *нынешнее состояние нашей экономики в значительной степени является следствием ее глубокой деиндустриализации*, которая всегда ведет к экономическому застою.

Деиндустриализация — «Эффект 4д»:

- **де**Организация процесса *производства* (снижение уровня организации производства и управления производством);

- **де**Градация применяемых *технологий* (падение технологического уровня производства);
- **де**Квалификация труда в производстве;
- **де**Комплицирование (упрощение) *продукта* производства.

Следствиями такой *деиндустриализации* являются:

- **де**Стабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний;
- **де**Интеграция промышленных структур и связей;
- **де**...
- **де**...
- **де**...

Экономический результат — общий упадок и утрата базовых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии; социально-политические последствия — негативные.

Двадцатилетняя реализация *либерально-монетарной* модели привела к ухудшению условий производства и сжатию промышленного сектора (табл. 3), снижению устойчивости экономики и росту нашей зависимости от иностранных капиталов, технологий, продукции, потребительских товаров. В частности, производство продукции в основных базовых отраслях сократилось в разы (табл. 4), т. е. рост импорта идет за счет снижения выпуска собственной продукции. Так, в 1990 г. было произведено 129,8 тыс. станков, а в 2012 г. — 3,2 тысячи (2,5 % от уровня 1990 г.). Если в 2000 г. мы закупили машин, оборудования и транспортных средств на 10 млрд долларов, то (в прошлом году спустя 14 лет) — на 150 млрд долларов, рост — в 15 раз!

Таблица 3

**Сокращение промышленно-производственного персонала
(ППП) в промышленности и машиностроении***

Вид деятельности	1990	1995	2004	Снижение численности ППП, раз
Вся промышленность, млн чел.	21,0	16,0	11,9	1,8
Машиностроение, млн чел.	8,0	4,9	3,2	2,5
В том числе по видам, тыс. чел.:				
дизелестроение	68	40	21	3,2
горношахтное и горнорудное машиностроение	75	49	31	2,4
подъемно-транспортное »	86	70	40	2,2
железнодорожное »	153	114	85	1,8
электротехническая промышленность	545	346	252	2,2
химическое и нефтяное машиностроение	280	191	241	1,2
станкостроительная и инструментальная промышленность	279	169	88	3,2
приборостроение	748	388	170	4,4
автомобильная промышленность	814	706	566	1,4
подшипниковая »	113	75	47	2,4
тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	512	280	86	6,0
то же строительно-дорожное и коммунальное	163	105	87	1,9
машиностроение для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов	198	139	73	2,7

*Источник: ИЭ РАН, Росстат.

Доля импорта в станкостроении, легкой промышленности сегодня превышает 90 %, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании — 80 % и т. д. (рис. 2). Аналогичная ситуация и в других секторах экономики. При этом потребности наши отнюдь не сократились. Так, в 2000 г. ввезли продовольствие на сумму 7 млрд долларов, а в 2013 г. — уже на 43 млрд долларов. За 14 лет его импорт увеличился в 6 раз! Но мы же не стали в 6 раз больше есть, скорее — меньше! А тут еще — санкции! Речь идет уже не только о недостатке

Выпуск станкостроительной продукции в РФ*

Продукция	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Металлорежущие, станки, шт.	74171 (100%)	18033	8885	8283	6494	5697	5414	4867	5149	5104	4847	1882 (2,5%)
Деревообрабатывающие станки, шт.	25439	11192	10232	9732	8575	8115	6797	4489	4412	5102	4130	1800 (7,0%)
Кузнечно-прессовые машины, шт.	27302	2184	1246	1347	1198	1615	1736	1533	2106	2700	2747	1266 (4,6%)

*http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#, ИНИР.

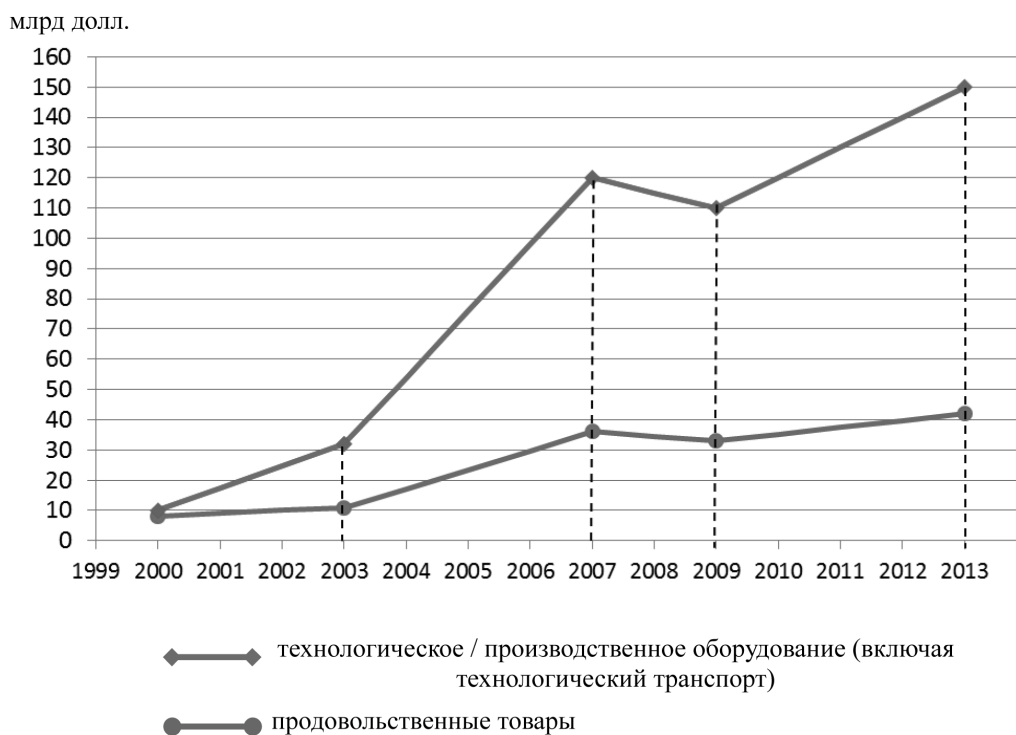

Рис. 2. Динамика ввоза продукции в РФ (источник: ФТС России)

каких-то удобных и привычных вещей, но о *продовольственной, оборонной, информационной, энергетической* и т. д. *безопасности России*.

Безусловно, огромные ресурсы России — ее преимущество, хотя в последнее время принято считать, что наличие больших природных богатств оборачивается для страны «ресурсным проклятием». Однако это утверждение справедливо, только если доходы от продажи ресурсов используются преимущественно на потребление, когда проводится *курс на проедание и резервирование*, без существенных финансовых вложений в индустриальную компоненту экономики. Я бы назвал это *политикой направленной деиндустриализации* экономики России, которая является следствием слепой веры на протяжении многих лет в непогрешимость идеологии «рыночного фундаментализма» и отсутствия в стране целенаправленной промышленной политики, что

сегодня вынуждены признать даже одни из авторов или, во всяком случае, проводников такой политики в жизнь.³

Пора радикально менять курс! *Базовой парадигмой* развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать *реиндустриализация*⁴, а *главной целью реиндустриализации* — восстановление роли и места промышленности в качестве базовой компоненты экономики страны и приоритетное развитие материального производства, шире — реального сектора экономики, *на основе нового, передового технологического уклада*, путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России. Именно эту концептуальную платформу Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте выдвинул в марте прошлого года на Совете Федерации и в марте нынешнего года на Московском экономическом форуме в качестве *доминанты* экономической доктрины России будущего периода. Сходную позицию обозначили в этом году наши коллеги из Академии наук, МГУ и других учебно-научных центров, многие специалисты сферы материального производства. И, наконец, в «Ведомостях» появилась статья министра промышленности Д. В. Мантурова, где провозглашено: «*С учетом нынешней структуры российской экономики, ее потенциала и мировой конъюнктуры в ближайшие 5...10 лет наиболее адекватной стратегией развития является интегрированная индустриализация*».⁵

Для реализации такого курса, как минимум, необходима концентрация средств и усилий на возрождении ключевых направлений высокотехнологичного материального производства, что позволит перейти к *глубокой переработке ресурсов*. Естественно, встает вопрос: *как это сделать?* Ответить на него помогают экономическая *теория* и критический анализ отечественного и международного опыта. Опираясь на разработки ИНИР и упомянутых выше специалистов, можно констатировать: *идеология «рыночного фундаментализма»* малопригодна для обеспечения прогресса высоких технологий, *как и государственные проекты*, реализуемые не столько в целях подъема экономики, сколько для *извлечения административной ренты*.

Провал этих двух моделей заставляет нас искать иной путь. Для этого необходимо учитывать, что *экономическая система России неоднородна*. В предшествующих работах я выделил *три основные подсистемы* российской экономики.

Обозначив *первую подсистему* как *традиционно-консервативную*, я включил в нее, *во-первых*, традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль такие «старые» отрасли, как аграрное производство и др.; *во-вторых*, технологические цепи прежних укладов, основанных на ручном и слабо индустриализованном труде; *в-третьих*, машинное производство продуктов невысокой степени переработки, куда в первую очередь относится сырьевой сектор, добыча ресурсов. В этой сфере сложились рыночные отношения, во многом обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальной ментальности и государственно-бюрократического протекционизма.

Вторая подсистема — условно *либерально-рыночная*. Она охватывает преимущественно сборочное производство, торговлю, логистику и сервис. В ней складываются рыночные отношения и институты, близкие к неолиберальному «стандарту», хотя и существенно модифицированные российской спецификой.

Третья подсистема — *ростки будущей новой смешанной российской экономики*, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально ориентированного регулируемого хозяйственного развития.

³ См. напр., Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики, №12, 2014, с.13, 14, 17 и др.

⁴ Применяются также термины новая индустриализация, неоиндустриализация, инновационная индустриализация.

⁵ Мантуров, Д. В. Вернуть себе рынок // Ведомости. 17.11.2014. <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/36049861/vernut-sebe-rynok>

Такая стратификация позволяет сформулировать важные направления развития каждой подсистемы в рамках решения задачи реиндустриализации экономики.

Для *первой подсистемы* важнейшей задачей является модернизация предприятий: повышение «передельности», науко- и капиталоемкости продукции, в частности, более глубокая переработка природных ресурсов и сельхозпродукции.

В рамках *второй подсистемы* необходимо усиление локализации производства, сокращение посредничества и замена сборочных производств, являющихся в большинстве случаев филиалами ТНК, современным отечественным массовым промышленным производством с высокой степенью внутривнутриотраслевой производственной кооперации. Это станет важным звеном стратегии импортозамещения, о необходимости которой в последнее время говорят руководители страны.

Главный упор следует сделать на *третью подсистему* — *развитие высокотехнологичного сектора отечественного материального производства* (кстати, в этом мы «совпадаем» с Министством промышленности).

Правительство, осознав, наконец, в какую ... яму мы попали, признало *необходимость возврата к индустриальному пути развития*. Однако в нынешних условиях оно в основном сосредоточено на быстром замещении импортной продукции в тех направлениях, которые в ближайшее время могут стать критически важными для экономики «первого плана» — потребительского сектора, здравоохранения, обеспечения важных социальных задач. Далее в повестке дня — решение задач стратегических отраслей, в первую очередь обеспечение стратегическими ресурсами и оборонной безопасности. В бюджете на эти цели выделяется 35 млрд рублей; Минпромторг готовит программу импортозамещения; через создаваемый Фонд поддержки промышленности на эти цели направят до-

Рис. 3. Риски и импортозамещение

Рис. 4. Пространство задач политики реиндустриализации

полнительно 18 млрд рублей и т. д. Эти меры должны обеспечить ежегодный прирост производства российских товаров и оборудования на 30 млрд рублей начиная с 2015 г.

Безусловно, эти планы и цифры заслуживают всемерной поддержки (рис. 3). Однако не следует забывать о нашей традиционной опасности — раздаче денег по принципу «всем сестрам по серьгам», размытости приоритетов, отсутствии четких критериев в вопросах объемов, сроков, оценки результатов.

Кроме того, для проведения эффективной импортозамещающей политики *обнародованных мер недостаточно*. Если под *реиндустриализацией* понимать переход к новой модели экономического роста за счет *повышения эффективности использования имеющихся ресурсов для производства конкурентоспособной инновационной продукции преимущественно с использованием отечественных наукоемких технологий* путем перманентного развития и модернизации производственной и технологической базы национальной промышленности, то тогда политика реиндустриализации прямо ориентирована на обеспечение заявленной руководством страны стратегии импортозамещения. Предлагаемые меры должны предусматривать принципиальное восстановление и модернизацию структуры отечественной промышленности, должны быть направлены не столько на решение сиюминутных задач импортозамещения, сколько на воссоздание базовых производственных ниш, замещение которых иностранными производителями произошло в годы деиндустриализации.

Безусловно, в первую очередь требуется материальная поддержка названных сфер (рис. 4), но одними финансовыми вливаниями не обойтись. Государство должно сконцентрировать усилия на определении *приоритетов* (и, соответственно, *ключевых проектов*) и принять *организационные решения*, носящие пролонгированный характер для реализации поставленных задач. Требуется реальная защита частного предпринимателя, поскольку современные отрасли во всем мире создаются, как правило, частным бизнесом, и импортозамещение возможно только при опоре на частный (в том числе малый и средний) бизнес.

Подчеркну одну важную вещь: несмотря на возникшее противостояние, следует сохранить высокую степень открытости экономики (за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность и безопасность граждан), помня, что искусственное ограничение импорта и экспорта технологий, приводит к снижению эффективности *промышленной* деятельности и конкурентоспособности продукции.

Все эти параметры могут быть легко конкретизированы в виде набора программных ориентиров экономической политики, что отчасти сделано сотрудниками ИНИРа, экспертами Московского экономического форума, группами исследователей под руководством академика С. Ю. Глазьева, учеными, публикующими материалы по проблемам неоиндустриализации в журнале «Экономист», и другими специалистами.

Таким образом, ответ на вопрос: как нам превратить ресурсные преимущества в высокотехнологичный экономический рост — понятен: пора отказаться от губительной деиндустриализационной политики и *перейти к реиндустриализации*.

При этом, как говорится, дьявол кроется в деталях, рассмотрение которых значительно усложняет ответ. Начав с импортозамещения — поэтапного, «послойного» — от простого к сложному, высокотехнологично- и экспортноориентированного, мы сможем осуществить не виртуальную, а подлинную реиндустриализацию страны. При этом в силу сложившихся обстоятельств становятся ясными не только глобальные цели и задачи реиндустриализации, но также приоритеты и механизмы ее реализации.

Россия сможет найти достойное решение как проблем долгосрочного характера, так и вызванных недружественным поведением ряда геополитических игроков. И, учитывая наши возможности (в том числе ресурсные), можно обоснованно полагать — все у нас получится!

О. С. Сухарев¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ РОССИИ

1. Рецессия российской экономики, факторы роста и бюджетная политика

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) ожидает замедления экономического роста в России в ближайшей перспективе и прогнозирует рецессию в экономике РФ весной 2015 г. В сентябре 2014 г. ЕБРР ухудшил прогноз динамики ВВП РФ в 2015 г.: ожидается снижение ВВП на 0,2 % вместо предполагавшегося роста на 0,6 %. И для такого прогноза имеются основания. В свою очередь, Минэкономразвития прогнозирует рост ВВП РФ в 2015 г. на 1,2 %. Проблема в том, что российская экономика уже находится в состоянии рецессии, а не стагнации, как нам представляют ситуацию. Обратим внимание на официальные данные о состоянии экономики России: средний темп экономического роста в 2012 г. составил 3,4 %, в 2013 г. — 1,3 %, в 2014 г. — 0,7 %; в первом квартале 2012 г. — 4,8 %, в четвертом — 2,1 %; в первом квартале 2013 г. — 0,8 %, в четвертом — 2 %; в первом квартале 2014 г. — 0,9 %, во втором — 0,8 %, в июне—июле — (–0,2 %). Таким образом, с 2012 по 2014 г. идет планомерное замедление темпа роста экономики. *Рецессия* — это типичное замедление темпа роста, а *стагнация* (дословно — *стоячая вода*) — это застой, когда темп не изменяется, при этом он является положительным. Стагнация охватывает обычно длинные интервалы времени, а рецессия может предполагать небольшой спад (около полугода или чуть более), предвеля депрессию. В 2011 г., проводя факторные исследования параметров экономического роста в России, автор вместе со своими учениками получил интересные результаты, которые подтвердились в последующие годы (вплоть до сегодняшнего дня). Так, изношенный основной капитал требует замены и лишь в незначительной степени может быть компенсирован трудом. При этом замещение капитала трудом и труда капиталом не имеет устойчивой закономерности ($R^2 = 0,291$). Чтобы заместить единицу труда, необходимо пять единиц капитала, откуда следуют два обстоятельства: крайний дефицит квалифицированного труда и очень низкая технологичность капитала. Это порождает проблему разделения инвестиций между трудом и капиталом; усложняет задачу импортозамещения и ограничивает возможности реализации индустриальных стратегий. Кроме того, труд в России оказывается недооцененным, что приводит к необходимости решения задачи повышения производительности труда при опережающем росте заработной платы. Факторная основа экономического роста в России с 2000–2012 гг. (рис. 1, 2) существенно не изменилась.

1. Зависимость ВВП России от инвестиций в основной капитал выше, чем от сбережений, но несколько меньше, чем от совокупных расходов на конечное потребление. Для российской экономики в рамках сформировавшейся структуры при темпе инвестиций –3,5 % прирост ВВП будет нулевым. Если же рост инвестиций замедлится до 2 %, то ВВП по-прежнему будет демонстрировать положительный рост (около 1 %).

2. В России темпы прироста ВВП и инфляции никак не связаны, коэффициент детерминации $R^2 = 0,407$. Периоды, когда темп ВВП замедляется, а инфляция ускоряется, сменяются периодами, когда темп ВВП увеличивается, а темп инфляции снижается, либо снижаются и темп ВВП, и темп инфляции.

¹ Олег Сергеевич Сухарев, зав. сектором ИЭ РАН, д-р экон. наук, профессор.

3. Затраты на технологические инновации весьма слабо влияют на динамику ВВП России, большее влияние оказывает темп роста государственных расходов на науку. Отметим, что темп прироста денежной массы, безусловно, значим для темпа роста ВВП, но теснота корреляционной связи (коэффициент детерминации) — 0,62. Иными словами, чтобы обеспечить более высокий темп роста ВВП (исходя из представленных и обработанных эмпирических данных по России), необходима большая денежная масса M^2 , т. е. более высокий уровень монетизации экономики при контролируемой инфляции (до 10...12%).

4. Динамика цен на нефть сильно влияла на темп роста ВВП в 2000–2010 гг., коэффициент детерминации $R^2 = 0,85$.

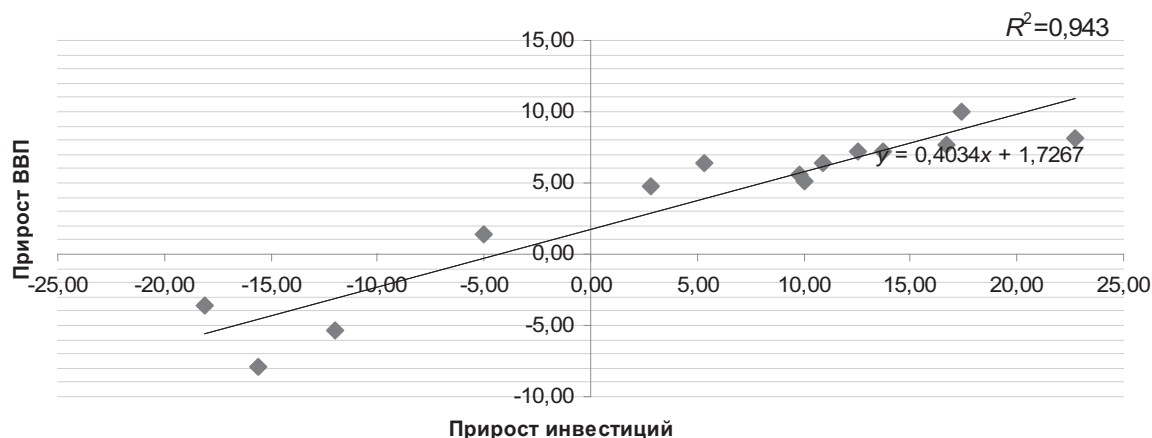

Рис. 1. Динамика ВВП РФ и инвестиций

В 2012—2014 гг. в России также наблюдается увеличение темпа инфляции: в 2012 г. средний показатель — 5,1%, в 2013 г. — 6,8%, в 2014 г. — 7,1% (по последним данным, вырос до 8,5%). Причинами ускорения инфляции являются девальвация, затратные механизмы в экономике и, возможно, «санкционное» влияние и др. Таким образом, при замедлении темпа роста, свертывании отдельных производств, росте безработицы и инфляции можно говорить о типичной стагфляции. Но бюджет на 2015–2017 гг. сверстан так, как будто этих процессов вообще нет. Планируемый рост инфляции на 2015 г. — примерно 6,5%, с дальнейшим снижением до 5...5,5% (даже до 4,5%). При сохранении «антиинфляционной» политики Центробанка, являющейся в действительности проинфляционной, такой результат невозможен. ЦБ повышает цену за кредит, полагая, что, увеличивая одну из цен, можно снизить темп инфляции. Надежда на такой исход связана с тем, что повышение цены за кредит ограничит доступ к нему. Тем самым ЦБ подчеркивает, что через процентную ставку он подавляет инфляцию, ограничивая доступ к деньгам в экономике, делая эти деньги дорогими, т. е., действуя в рамках «монетаристской парадигмы». Такой подход уменьшает объем денег в экономике и реальном секторе. Однако причина российской инфляции — не в избыточном количестве денег, она не носит монетарного характера, поэтому бесполезно ограничивать именно деньги, повышая процентную ставку.

Что делали западные страны в период кризиса 2007–2009 гг.? Они снижали процентную ставку почти до нуля при инфляции 3,4...5%. Реальная ставка процента, по существу, была отрицательной, правительства поддерживали банковскую систему, не повышая ставку процента. Если же ее увеличивали, то незначительно. Например, ставку 0,2...0,3% увеличили до 1% — казалось бы, в пять раз. Однако сама ставка была низкой, а рентабельность обрабатывающих

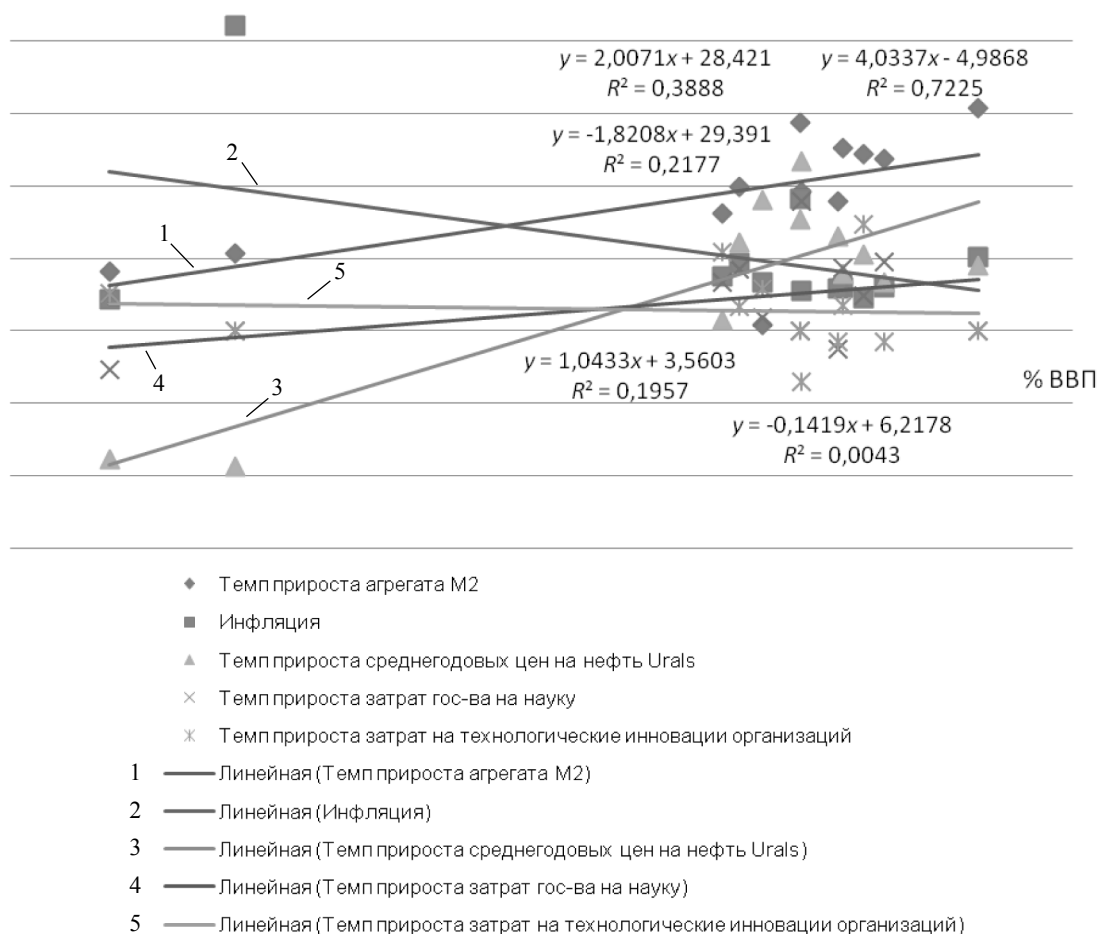

Рис. 2. Факторная оценка роста ВВП в 2000–2012 гг. (темпы прироста денежной массы $R^2 = 0,623$; инфляция — $R^2 = 0,467$; темпы прироста среднегодовых цен на нефть Urals $R^2 = 0,85$; затрат государства на науку $R^2 = 0,567$; затрат на технологические инновации организаций $R^2 = 0,127$)

секторов составляла 8...10%, иногда доходила до 15%. Российская банковская система имеет в активах 55...60 трлн рублей, но инвестирует лишь 1 трлн, в связи с чем поддержка банковской системы представляется странным решением, по сути, означает поддержку в основном спекулятивной деятельности, которая и вызывает дестабилизацию экономики. Поэтому действительные антиреcessionные инструменты, по существу, не применяются.

Недостаток инвестиционных расходов выступает одним из определяющих факторов замедления экономического роста в России. Норма накопления довольно низка, инвестиции составляют всего 19% ВВП. В развитых странах норма накопления доходит до 30%, иногда — до 32...35%. Инвестиции в новые основные фонды, технологии и формируют эту норму. Как при высочайшем износе российских основных фондов произвести новые фонды, как поднять норму накопления? Если все закупать по импорту, то возникнет зависимость

по комплектующим от иностранных поставщиков. Создание новых основных фондов на старом оборудовании ограничивает возможности быстрого развития, тем более при существующих технологических разрывах, затрудняющих развертывание серийных производств. Выходом могут стать государственные инвестиции, осуществляемые по разным направлениям, в том числе в государственном секторе.

Здесь возникает проблема распределения бюджетных инвестиций. «Проектный подход» оказывается не самым эффективным способом определения бюджетных расходов, поскольку текущее состояние объекта может резко снизить эффективность использования выделенных финансовых ресурсов. Отбор отдельных инвестиционных проектов для финансирования является низкопродуктивным, так как при подготовке проекта перспективы его реализации могут представляться хорошими, но в процессе реализации можно потерпеть фиаско. Возможна и другая ситуация: в процессе реализации позитивные ожидания подтверждаются, но предприятие, у которого этот проект не единственный, может, например, обанкротиться, в то время как часть полученных по данному проекту финансовых средств уже израсходована. Именно поэтому рассматриваться должна вся инвестиционная программа предприятия, осуществление которой может кардинально изменить параметры эффективности его хозяйственной деятельности. Пусть имеется N фирм (инвестиционных программ), каждая программа состоит из n проектов, каждый из которых в год t (инвестиционная программа рассчитана на срок T) характеризуется определенным коэффициентом отдачи на совершенные затраты. Надо найти средний коэффициент отдачи по всей программе за каждый год и по всем предприятиям, претендующим на финансовые ресурсы. Далее производится анализ инвестиционных программ, вошедших в портфель предприятий. Полученная структура портфеля для ожидаемого совокупного дохода от реализации «портфеля» сопоставляется с требуемой величиной инвестиций на каждую программу. Если полученная величина инвестиций больше требуемой, значит, имеется избыток средств, который необходимо использовать альтернативно. Когда полученный объем инвестиций меньше требуемой суммы, конкретная программа не проходит данный тест, но некоторые ее проекты могут быть профинансированы. Сумма инвестиционных затрат на проект сопоставляется с полученной суммой инвестиций на программу, и проходит проект, покрывающий эту сумму. Такой портфельный анализ и анализ отдельных проектов можно использовать при наличии четкой зависимости между величиной единовременных затрат, объемом производственной продукции, которая полностью потребляется рынком, величиной условно постоянных и переменных затрат. То есть предполагается, что с уменьшением (увеличением) величины инвестиций будет уменьшаться (увеличиваться) объем производимой продукции и потребляемой рынком. Для России приоритетным должно быть финансирование серийных производств с высокой добавленной стоимостью, высоким коэффициентом локализации в обрабатывающих секторах, имеющих перспективу выхода не только на внутренний, но и на внешние рынки (с обеспечением (финансированием) международной патентной защиты).

Увеличение государственных инвестиций предполагает изменение акцентов в бюджетной политике и даже в бюджетном планировании. Это необходимо для решения задач индустриализации экономики и преодоления сырьевой зависимости. Данное условие становится принципиально важным, поскольку при множественных коррекциях бюджетного процесса, предложениях по изменению Закона о бюджете РФ, улучшению контроля и т. д. общая (и главная) парадигма бюджетной политики более 20 лет остается, по сути, неизменной (если не считать косметических изменений). Это находит отражение в трех базовых позициях:

1. Предлагаемые Правительством РФ принципы формирования бюджета справедливы, однако, расходы бюджета детерминируются фискальными ограничениями, а распределение расходов — социально-экономическим эффектом, который, видимо, связан с этими фискаль-

ными ограничениями и ими же будет определяться, что не учитывается в постановке бюджетных задач. Таким образом, бюджетная логика не снимает этих фискальных ограничений, которые динамически изменчивы, но в значительной степени определяются стереотипными установками правительства. Важно исходить из необходимости преодоления фискальных ограничений, выяснения их природы в экономике и согласованности бюджетных назначений с целями развития страны. Так называемое контрциклическое регулирование привязывается к колебаниям цены на нефть и, по сути, не имеет отношения к циклической динамике и внутренним процессам экономического развития России.

2. Сохраняется сугубо монетаристский подход — обеспечение бездефицитности бюджета, формирование расходов по доходам и расширение налогооблагаемой базы. При этом основная идея — достижение макроэкономической стабильности и сбалансированности бюджета — предопределяет все решения и возможности бюджетных расходов, независимо от состояния подсистем экономики, финансируемых из бюджета. Однако при таком подходе, как правило, отсутствует анализ того, насколько бюджет государства выполняет монетизирующую функцию, даже при наличии бюджетного правила, которое никак не влияет на исполнение этой главной функции бюджета. Влияние на экономику денежно-кредитной и бюджетной политики состоит в монетизации соответствующих субъектов хозяйственной деятельности, только каналы этой монетизации и мультиплицирующий эффект — различные.

3. Стратегия реализации бюджетной политики предполагает определение направлений расходов в соответствии с нормативами: диверсификация экономики и ее модернизация, социальные обязательства, качество госуслуг и обновление инфраструктуры (укрупненные разделы — направления приоритетных бюджетных расходов). Против таких общих разделов нечего возразить. Однако, что стоит за этими позициями, что «внутри» каждой из них — вот определяющий вопрос, который требует точного ответа в рамках конкретизации мер бюджетной политики и определения размера бюджетных назначений (ассигнований).

На мой взгляд, развитие бюджетной политики следует осуществлять в рамках шкалы «потребности — возможности — результаты», а не только по результатам. Управление дефицитом должно быть привязано к этой же схеме, поскольку выделение финансов в щадящем режиме в целях бездефицитности и макроэкономической стабильности может привести к консервации отсталости, что снижает эффективность бюджетных назначений в будущем. Для этого важно учитывать потребность и возможность развития объекта — получателя бюджетных средств, а также результаты, оценивая их с используемыми методиками бюджетной эффективности, учитывая социальную и экономическую (экологическую) эффективность, представляя эффективность как динамически изменяющийся параметр, когда неэффективное сегодня становится эффективным завтра, иногда даже без дополнительных ресурсов. Такие эффекты трудно учесть, а для их продуктивного использования необходимо долгосрочное бюджетное планирование.

2. Индустриальная политика и импортозамещение

Настоящий этап развития мировой и российской экономики характеризуется управляемым обострением экономических отношений, принимающим вид торговой (санкционной) и информационной войны. Впервые в современной мировой истории такие неправомерные действия осуществляются без санкции Совета Безопасности ООН в отношении государства — постоянного члена СБ ООН, государства, которое было одним из организаторов ООН. Проблема в том, что предсказать, как распределятся издержки санкционной войны, практически невозможно. Россия активизировала создание национальной платежной системы, разворачивает стратегию импортозамещения, принимает меры по поддержке отечественного агропроизводства. Однако ожидать, что это сразу запустит новую модель роста, преждевременно из-за не-

высокого уровня технологичности промышленности, отсутствия свободных производственных мощностей, недостаточности инвестиций и т. п.

Стратегия импортозамещения прежде всего должна осуществляться в оборонных секторах промышленности. Во всех других секторах импортозамещение будет носить стохастический характер, поскольку Запад будет ограничивать возможности закупки Россией передовых технологий, как это было в 1990-е, 2000-е гг. и в советское время, задолго до украинского кризиса. Стратегию импортозамещения можно осуществить в космической сфере, в области атомной энергетики, микроэлектроники, транспортного и энергетического машиностроения. Объем задач настолько велик, что они не могут быть решены за короткое время. Необходимы программа индустриализации, ввод новых производственных мощностей и повышение технологичности существующих. Поскольку жизненный цикл создания многих видов изделий довольно продолжителен, сразу обеспечить необходимый уровень предложения невозможно. Более того, важно обеспечить рост спроса на эти виды отечественного оборудования.

Из-за высокого уровня фрагментации и дифференциации промышленных систем России любое вливание кредита приведет к росту цен, который не должен гаситься монетарным сдерживанием, необходимы источники генерации роста цен в области тарифов, ценообразования естественных монополистов, ограничения сверхприбылей. Первоначально нужно сделать ставку на корпорации и компании с замкнутым циклом производства, поскольку только они могут обеспечить выпуск изделий необходимого качества.

Сегодня многие отрасли промышленности сильно зависят от иностранного оборудования. По данным Минпромторга РФ (обследование за июнь 2014 г.), доля импорта в станкостроении — более 90 %, тяжелом машиностроении — 60...80 %, легкой промышленности — 70...90 %, электронной — 80...90 %, фармацевтической и медицинской — 70...80 %, машиностроении и пищевой промышленности — 60...80 %. Более того, в 2013 г. 95 % авиаперевозок осуществлялось на самолетах иностранного производства.

Для сокращения этой зависимости необходима система мероприятий, направленных на повышение локализации отечественного производства. Есть два варианта: 1) «отверточное» производство, под которое отечественные производители делают какие-то детали и узлы; 2) выпуск изделий собственной разработки, для изготовления которых покупаются импортные комплектующие и узлы. В первом случае локализация не является определяющей стратегией промышленного развития. Для России важен второй тип стратегии локализации.

В государственном секторе промышленности (оборонные производства) влияние государства понятно. А как быть с частным собственником, владельцем машиностроительного предприятия, как заинтересовать его в реализации стратегии локализации? Акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью как организационно-правовые формы организации и развития бизнеса ограничивают развитие производственного сектора, поскольку финансовый эффект от эксплуатации собственности считается приоритетным. В свое время «золотая акция» не стала инструментом решения данной проблемы, поэтому понадобятся соответствующие изменения акционерного законодательства.

Отверточные технологии должны блокироваться на законодательном уровне — их развешивание на территории России в стратегической перспективе нецелесообразно. России придется решать задачу создания секторов машиностроения с поддетальной и предметной, а также технологической и функциональной специализацией. В перспективе акцент должен быть сделан на поддетальную специализацию, хотя будущее машиностроения видится в комбинации доминирующих функциональной и технологической специализации (при сохранении поддетальной и предметной).

Следует учитывать причины неудач при развертывании инновационной экономики, которые привели к рецессии (снижению темпа экономического роста до нуля, росту инфляции и безработице):

во-первых, в России не созданы стимулы для развития фундаментальной и прикладной науки. На фундаментальные исследования нет спроса, отсутствует должное финансирование, так что эта деятельность превращается в «домашнее хобби» верных науке ученых. Прикладные исследования и НИОКР не пользуются спросом, поскольку промышленность не видит оснований для внедрения новых результатов. Кроме того, существует большая проблема с фундаментальной основой прикладных исследований;

во-вторых, существует проблема дисфункции организаций и государственного управления. Она выражается в несогласованности действий, недостаточности финансирования (инвестиций), отсутствии серийных производств, нерешенности структурных проблем организации секторов промышленности;

в-третьих, спрос на наукоемкую продукцию недостаточен, а усилия по его созданию не предпринимаются. Все действия пока сводились к отбору идей и проектов, сбору неких предложений, при этом тема потребительской базы секторов промышленности отходила на второй план. Я поставлю вопрос так: возможны и нужны ли российский мобильный телефон, компьютер, телевизор, радиоаппаратура, холодильник, пылесос, автомобиль (если говорить не об отверточном производстве)? Иначе говоря, необходима постановка задач по номенклатуре продукции, для производства которой понадобятся средства производства, и тогда может возникнуть спрос, в том числе (со временем) и на НИОКР.

Проблема импортозамещения в российских условиях имеет ряд особенностей:

1. Краткосрочное улучшение экспортных возможностей российского машиностроения, как и многих видов обрабатывающих производств, отмечалось только после девальвации второй половины 1990-х гг. и после мирового кризиса второй половины 2000-х гг. Тогда наблюдалось «вынужденное импортозамещение» по отдельным производствам. Но в целом на протяжении последних двадцати лет коэффициент структурной независимости обрабатывающих производств ухудшался: увеличивалась зависимость от импорта в сфере производства машин и оборудования, формировались элементы «импортной инфраструктуры».

2. Увеличение импорта приводит к вытеснению отечественных товаров с внутреннего рынка. С ростом цен спрос на импорт сокращается, но повышение цен затрагивает и отечественные производства. Здесь включаются два основных механизма. Первое: национальная промышленность зависит от поставок из-за рубежа технологий, оборудования, комплектующих, некоторых производственных компонентов, тех или иных видов сырья. С ростом цен на импортные составляющие отечественного производства повышается цена конечной продукции. Второй механизм общего повышения цен связан с требованиями повышения заработной платы, ренты и прибыли при высокой зависимости совокупного потребления внутри страны от импортных товаров, низкой эластичности спроса на импорт по цене и высокой по доходу. Значительная длина спекулятивных цепочек, построенных на обслуживании и распространении импорта на отечественном рынке, мультиплицирует повышение цен.

3. Если в общем национальном потреблении преобладает импорт, то экспорт низкого уровня переработки (добавленной стоимости) не сможет обеспечивать повышение вознаграждения за труд в течение длительного времени. Рост цен, ухудшающий паритет покупательной способности и паритет цен, приведет к снижению доходов даже от сырьевого экспорта.

Следовательно, одним из основных направлений индустриальной политики должно стать создание средств производства для добывающего сектора России, а также оборудования для агропромышленного комплекса, который способен производить дешевое и экологически чистое продовольствие.

3. Приоритетные направления государственного развития технологической базы

Если проектировать государственные программы исходя из необходимости балансирования бюджета или поддержания инфляции (скажем, не выше 5...6% в год), то объем финансов, планируемых на эти программы исходя из ограничения государственных расходов для обеспечения названной инфляции, может оказаться недостаточным для реализации большинства государственных программ. Тогда провал задач по обеспечению стратегических государственных интересов (приоритетов) неизбежен. Таким образом, имеется явный конфликт целей содержательного и инструментального, результирующего характера. Программы, направленные на обеспечение макроэкономической стабильности, часто называют гетеродоксальными стабилизационными программами. При этом обычно исходят из наличия инерционных эффектов инфляции, которые нельзя преодолеть без воздействия на долгосрочные контракты и институты установления заработной платы, определяющие эффект такой инерции. Кроме того, в рамках гетеродоксальных программ обычно присутствует такая логика: развитие производительных секторов хозяйства, сфер деятельности, в том числе и в приоритетных программах, провоцирует инфляцию, следовательно, должно быть приторможено.

Таким образом, подобные программы влияют на пропорции цен и занятость, но никак не затрагивают базовую проблему экономической структуры: принципы функционирования секторов, межсекторные взаимодействия, соотношение дохода и риска по различным видам деятельности. Чтобы задействовать эти элементы, включить их в макроэкономический анализ и регулирование, требуется проектный подход, затрагивающий базовые параметры экономического развития, а не только инструментальные проявления. Для управления программами целесообразно использовать принцип «2 А» — «адекватности — адаптивности».

К основным принципам планирования государственных программ развития, которые выступают инструментами реализации стратегических национальных приоритетов, обеспечивают соотношение стратегических национальных приоритетов и государственных программ, можно отнести принципы:

- 1) целевой заданности (результативности);
- 2) определения области приложения;
- 3) функциональной полноты;
- 4) необходимого разнообразия;
- 5) восприятия мероприятий программы всеми звеньями системы управления и контроля. Одной из задач планирования должна стать адаптация прежних структур к ожидаемым нововведениям;
- 6) устойчивости к изменениям (внешним и внутренним);
- 7) монетарного наполнения, т. е. обеспечения в полном объеме финансовым ресурсом для решения задач государственной программы.

Во-первых, нужно определить цели планирования, получить полное представление о желательном (или нежелательном) состоянии экономики и области приложения мероприятий, включенных в государственную программу. Во-вторых, следует проанализировать, насколько хорошо планирующий орган понимает социальные проблемы и существуют ли институциональные возможности их разрешения, насколько необходима разработка программы. В-третьих, требуется разработать несколько проектировочных вариантов программы, которые, по мнению плановика, способны обеспечить достижение цели (целей).

В-четвертых, следует сформировать критерии отбора подходящего варианта программы, выполнить сравнительный анализ различных вариантов исходя из ресурсной обеспеченности и с учетом ограниченности по времени. В-пятых, необходимо осуществить выбор и адаптацию выбранного варианта к условиям экономического окружения при эффективном взаимодействии всех разработчиков аналогичных программ по другим стратегическим приоритетам.

Совсем не обязательна разработка государственной программы по каждому стратегическому национальному приоритету, обозначенному главой государства или утвержденному законодательно, возможно достижение успеха по выбранному стратегическому приоритету на стыке нескольких программ.

Прежде чем проектировать государственную программу, нужно определить, какую нишу в экономической структуре она займет; вес и значение программы в бюджете страны, набор программных мероприятий, их содержание и ресурсное обеспечение (включая финансы).

Принцип функциональной полноты позволяет ответить на вопрос, что будет с системой при реализации программных мероприятий, какие функции и как она будет (или не будет) выполнять; определить, какие функции важны для исполнения. Здесь возникает проблема меры, полноты функций и институциональной достаточности. Объем функций зависит от того, какие действия необходимо осуществить, какие агенты вовлекаются в новую схему взаимодействия, какие при этом совершаются операции, решаются задачи, происходят изменения, возникают доходы и издержки.

Программа задает разнообразие функций экономической системы, определяет ее возможности. Известное из кибернетики правило гласит: система сохраняет устойчивость, если разнообразие управляющего звена не ниже разнообразия управляемого объекта. При разработке государственной программы следует исходить из данного принципа.

При реализации программных мероприятий можно столкнуться с сопротивлением или неверным восприятием со стороны агентов. Поэтому важно определить, каким образом и стоит ли вообще преодолевать это сопротивление, какую роль оно играет в стратегической перспективе.

Устойчивое управление программой развития достигается при строгом соблюдении пяти первых и седьмого принципов. Неустойчивость является признаком дисфункции планирования и реализации программ, при этом не удастся решить задачу фактического обеспечения стратегических национальных приоритетов. Подчеркнем, что невыполнимость седьмого принципа «о монетарном наполнении» реализации программы ведет к потере устойчивости программных мероприятий. Монетарное наполнение означает, по сути, ресурсное снабжение мероприятий государственной программы. Иными словами, реализация стратегических национальных приоритетов в отведенное время возможна только за счет концентрации необходимых ресурсов, которыми обладает страна и которые она способна создавать и использовать.

Основные цели формирования государственной программы можно свести к следующим:

- обеспечение реализации содержательных (качественно обозначенных) целей и результатов программы к намеченному периоду, что позволило бы достичь необходимых стратегических целей (национальных приоритетов);
- обеспечение необходимых темпов роста дохода от реализации программы и развития области, которую она описывает;
- обеспечение минимальных рисков (или совокупного риска) путем их хеджирования государством;
- обеспечение приемлемых темпов роста основного капитала;
- решение задач занятости населения и развития человеческого потенциала;
- решение оборонных задач и обеспечение национальной безопасности;
- коррекция стратегии национального развития и формирование системы стратегических национальных приоритетов.

Основными институтами, осуществляющими промышленную политику в России, являются: Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг Рос-

сии)²; Министерство энергетики Российской Федерации; Ростехнадзор России; Министерство экономического развития РФ; Торгово-промышленные палаты РФ; Министерство финансов РФ (ответственность бюджета за выполнение финансовых назначений по программам развития), крупные корпорации, естественные монополии, промышленные группировки, альянсы (российские и международные), общественные ассоциации, союзы промышленников и предпринимателей, профсоюзы и т. д.

В последние 20 лет (после отказа от централизованного планирования) федеральные программы развития являются в России основным инструментом индустриальной политики. Остановимся на работе института программ развития секторов и видов деятельности. Федеральная целевая программа (ФЦП) представляет собой комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, увязанных по задачам, ресурсам и срокам осуществления и обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации³. За период 2006–2013 гг. были осуществлены ФЦП со следующими объемами финансирования (табл. 1).

Таблица 1

Федеральные целевые программы в промышленности (2006–2013 г.)*

Год финансирования	Государственные капитальные вложения, млн р. **	Текущие расходы, млн р. **		Общий объем финансирования **		Расходы на НИОКР, % к 2006 г. **
		НИОКР	Прочие нужды	млн р.	% к 2006 г.	
2006	9551,67	10826,96	7391,05	27769,68	100,00	100,00
2007	2309,393	15325,69	11499,27	29134,35	117,37	141,55
2008	52746,72	18074,66	28603,83	99425,22	456,03	168,14
2009	39483,72	27050,79	30295,38	96829,9	482,57	250,34
2010	34126,87	27248,22	24239,59	85614,69	462,40	251,67
2011	42575,96	42092,40	19790,66	104459	598,60	388,77
2012	36687,21	50712,42	18924,99	106324,6	649,38	468,39
2013	28749,46	49564,44	19035,78	97349,67	632,91	457,79

* Источник: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/1/2014>; расчеты авторов.

**Значения величин приведены к 2006 г. с учетом уровня инфляции за ряд лет.

С 2014 г. реализуется госпрограмма «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», включающая 17 подпрограмм: Автомобильная промышленность; Сельскохозяйственное машиностроение, пищевая и перерабатывающая промышленность; Машиностроение специализированных производств; Легкая промышленность и народные художественные промыслы; Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса; Транспортное машиностроение; Станкоинструментальная промышленность; Тяжелое машиностроение; Силовая электротехника и энергетическое машиностроение; Металлургия; Лесопромышленный комплекс; Развитие системы технического регулирования, стандартизации и обеспечение единства измере-

² Безусловно, важна роль Министерства обороны и внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, выступающих заказчиками.

³ Источник: <http://www.programs-gov.ru/>

ний; Химический комплекс; Конструкционные и функциональные композиционные материалы нового поколения; Технологии редких и редкоземельных металлов; Современные средства индивидуальной защиты и системы жизнеобеспечения подземного персонала угольных шахт; Обеспечение реализации государственной программы.

Как выполняются данные программы и насколько они эффективны? Дадим общую характеристику, например, программы «Национальная технологическая база». Для ее оценки используются три целевых индикатора: количество переданных в производство технологий (индикатор 1); количество патентов и других документов, удостоверяющих новизну технологических решений (индикатор 2) и количество разработанных технологий, соответствующих мировому уровню (индикатор 3) (табл. 2).

Таблица 2

Программа «Национальная технологическая база» на 2007–2012 гг. *

Индикатор	Целевые индикаторы (плановые (прогнозные) значения)						Фактически достигнутые целевые индикаторы						
	2007	2008	2009	2010	2011	Итого	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Итого
1	8...12	41...47	61...69	36...41	48...53	194...222	9	97	61...69	13	56...60	5	241...253
2	16...22	49...56	58...65	31...36	32...38	186...217	10	94	58...65			10...12	172...181
3	11...17	42...48	55...63	32...37	36...44	176...209			55...63		42...50	12	109...125

*Источник: Постановление Правительства РФ от 29.01.2007 № 54 (ред. от 06.10.2011).

По показателю «количество переданных в производство технологий» программа выполнена с превышением целевых индикаторов. По двум другим показателям наблюдается некоторое отставание от запланированного уровня, однако, возможно, это объясняется неполнотой информации на сайте — отсутствуют данные о выполнении второго индикатора за два года и третьего — за три.

Таким образом, отсутствует общий подход к анализу эффективности ФЦП (тем более в аспекте их согласования), а также недостаточно данных для его проведения сторонним пользователем информации и даже участником программы. Судить об эффективности программы можно только на основании системы количественных и качественных показателей, однако особую важность приобретает согласование программ, которое сегодня невозможно из-за отсутствия общих требований и принципов планирования в стране. Это напрямую относится к управлению технологическим развитием, предполагающему наличие системы стратегического планирования, элементом которой должны быть отдельные программы развития технологий и видов деятельности.

4. Приоритеты бюджетной политики и развитие производственных секторов экономики

Направления развития российской экономики, связанные с соответствующими бюджетными назначениями, могут быть сведены к следующим:

- создание стабильно развивающихся государственных инновационных предприятий, осуществляющих серийный выпуск качественной новой продукции различного назначения, разработанной и запатентованной в России;
- возврат кадров (инженеров и специалистов) в реальный сектор экономики как условие реализации программ развития;
- тщательный отбор исполнителей госбюджетных работ, чтобы исключить «измельчание» лотов и тендеров (особенно при системе электронных торгов) и обеспечить эффективное расходование бюджета.

К государственным предприятиям, отвечающим новым требованиям по эффективности использования бюджетных средств, которые составляют базу их развития и функционирования, следует отнести:

- инновационные фирмы, имеющие собственные КБ и проводящие полномасштабные НИОКР по своему направлению;
- средние по числу занятых и капиталу предприятия, специализирующиеся на одном-двух продуктовых направлениях, являющихся безусловными приоритетами для государства;
- фирмы, отказавшиеся от полного цикла производства в пользу широкой кооперации с аналогичными специализированными государственными фирмами (в случае создания полноценного внутреннего отечественного рынка элементной базы, комплектующих, узлов и деталей машин);
- фирмы, в которых работают высокопрофессиональные специалисты, получающие высокую заработную плату и полный гарантированный социальный пакет услуг;
- предприятия, обеспеченные самым современным оборудованием, отвечающим требованиям эргономики, и программными продуктами;
- фирмы, разрабатывающие и реализующие перспективные планы своего развития на основе расширения производства продукции, востребованной в стране и конкурентоспособной на мировом рынке.

Выполнение требований, предъявляемых к предприятиям государственного сектора, обеспечит целевое использование бюджетных ресурсов, позволит исключить ряд проблем, приводящих к неэффективности бюджетных расходов, решить которые при существующем разнообразии самостоятельных, не управляемых государством фирм очень непросто. К таким решениям, реализуемым в госсекторе, можно отнести:

- отказ от проведения торгов по самым критичным направлениям; распределение заказов на априори эффективных госпредприятиях; сокращение времени и расходов на торги (проблема — торги, тендеры, конкурсы, которые ведут к потере эффективности, неоправданным издержкам, не выявляют эффективного результата и не снижают коррупции при распределении бюджета);
- беззалоговая система контрактации госзаказов, увеличивающая издержки и сроки (проблема — залоги, обеспечение контрактов необоснованно завышены, неравный доступ и коррупция);
- упрощение и контролируемость налогообложения; единая система бухгалтерского и статистического учета (проблема — разные системы налогообложения у исполнителей — по НДС, прибыли и т. п.);
- государственный контроль качества продукции (проблема — службы качества, системы менеджмента качества — разные или вообще отсутствуют у исполнителей бюджетных работ, которые могут выиграть торги);
- упрощение процессов планирования и отчетности по выполняемым работам (проблема — разные подходы, а для повышения эффективности использования бюджетных средств необходимы единые);
- неразрывность, равномерность (по периодам) и соблюдение плановых объемов денежных поступлений из бюджета (проблема — финансы поступают неравномерно в течение года при общем смещении к четвертому кварталу);
- гибкость корректирующих действий, изменений планов и программ при государственной необходимости (проблема — невозможность отклониться от условий контракта или изменить их при нежелании «стороннего» исполнителя).

Таким образом, структуризация расходов бюджета, подходов к регулированию и управлению в государственном секторе является сутью бюджетной политики и в конечном счете определяет ее эффективность. Мультипликация расходов по разным направлениям бюджета различна, поэтому необходимо не только определить «правильную» структуру бюджета, но и обосновать ее величиной мультипликатора и социальной значимостью расходов, а также обеспечить эффек-

тивный контроль за расходованием бюджетных средств и санкций за нарушения бюджетной дисциплины.

Подводя итог, сформулируем основные направления стратегии развития реального сектора экономики России в контексте задачи импортозамещения.

Во-первых, стратегия развития реального сектора должна строиться исходя из постановки структурной задачи развития российской экономики. У нас имеются секторы, где рентабельность и заработная плата относительно высоки, а риск реализации деятельности относительно низок — это финансы, банки, услуги, добывающие секторы; есть также обрабатывающие секторы, где рентабельность относительно невысока, а риск деятельности относительно высок. Возникает структурный перекося. Чтобы его преодолеть, методы структурной политики и макроэкономическая политика должны быть направлены на нивелирование разницы между этими группами по рентабельности и риску.

Во-вторых, необходимо стимулировать инвестиции в реальный сектор, снижение процентных ставок и использование банками своих ресурсов для финансирования проектов реального сектора, в первую очередь связанных с развертыванием продуктовых серий. Процентная ставка должна быть дифференцированной по секторам (цена кредитного ресурса зависит от задач импортозамещения в тех или иных отраслях).

В-третьих, необходимо стимулировать реинвестирование прибыли, снижение налога на прибыль для широких серий и наукоемкой продукции, направление прибыли компаний обрабатывающего сектора на развитие и расширение производственных мощностей. Возможен вариант регрессионного налога на прибыль, если она направляется на обновление фондов (инвестиции) отечественного производства.

В-четвертых, в оборонном секторе необходима стратегия стопроцентного импортозамещения с развертыванием заказов для отечественных производств (вспомогательное оборудование, комплектующие и отдельные узлы). Необходимо задействовать все ресурсы для разработки отсутствующих технологий либо организовать их заимствование с помощью технической разведки.

В-пятых, необходима система мер по повышению качества серийных выпусков с одновременным принятием протекционистских мер.

Выделим пять базовых взаимосвязанных направлений: 1 — повышение эффективности добывающих и энергосырьевых секторов, увеличение степени переработки сырья (лесопромышленный комплекс, нефтехимия); 2 — инфраструктурные проекты (ж/д магистрали, газо- и нефтепроводы, дороги); 3 — стимулирование развития экспортных и внутренних производств — продуктовых серий (внутренняя и международная конкурентоспособность); 4 — базовое и специальное машиностроение (спецтехнология); 5 — использование патентной базы России, выход на мировой рынок, развертывание «защищенных производств» и использование технологических заделов. Важнейшими принципами управления развитием научно-технического комплекса России, опирающегося на развитую индустрию и задающего параметры ее развития, должны быть принципы, которые некогда явно или неявно применялись при организации и планировании в области научно-технического развития страны. К ним относятся принципы: структурной иерархии функций, задач и ресурсов для их выполнения; планирования рубежных показателей развития; состоятельности организаций в научно-технической сфере; системности решения задач развития научно-технического комплекса; специализации производств; планирования, учета и контроля, импортозамещения и др.

Таким образом, важно сосредоточиться на стимулировании развития экономики России, на решении структурных и производственно-технологических задач в системной постановке, используя различные варианты экономической политики для воздействия на государственный и частный секторы (с учетом их взаимосвязи и взаимодействия) для достижения общей цели и упорядочивая бюджетные ассигнования исходя из стратегических целей.

Д. Б. Эпштейн¹

ЭМБАРГО, АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И СМЕНА ПАРАДИГМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Данная статья инициирована дискуссией, начатой работами С. Д. Бодрунова [1], А. В. Бузгалина, А. И. Колганова [2], А. В. Бузгалина [3], К. А. Хубиева [4], А. В. Бузгалина [5], В. М. Кулькова [6].

Как известно, 7 августа наше правительство в ответ на санкции Запада объявило о запрете поставки ряда продуктов из стран Евросоюза, Австралии, Канады, Норвегии и США. Чего ожидать от этой меры — потерь для населения или подъема сельского хозяйства? Напомним, что с 2013 г. экономика России пребывает в состоянии стагнации. Останавливаться долго на причинах сложившейся ситуации не будем, скажем лишь, что в основном — это результат недостаточно активной экономической политики в предыдущие десятилетия, в том числе промышленной, аграрной, социальной. Сыграл свою роль избыток сырьевого экспорта, который приводил к экономически неоправданному снижению или стабилизации курса доллара. Это не беспокоило наше руководство, видимо, потому, что немного помогало снижать инфляцию. Курс доллара с начала 2000 г. и до 2013 г. продержался примерно на уровне 30 рублей, хотя в России была очень высокая инфляция, в разы превосходившая темпы роста цен в большинстве стран-конкурентов. В результате российские товары дорожали ежегодно на 10...12% и более, а цены на импортные почти не менялись, поэтому «импорт» успешно теснил на рынках отечественные товары. Рентабельность производства из года в год снижалась: в 2005 г. она составляла (по всей экономике) 13,5%, в 2012 г. — 8,6%, а в 2013 г. — около 6,5%. А если не учитывать рентабельность добывающих отраслей (в том числе нефти и газа), которая в три раза выше средней, то рентабельность остальной части реальной экономики будет почти нулевой.

Лишь в 2014 г., когда падение нашей экономики стало явным, курс доллара немного вырос, но это усилило инфляцию... Вот тот общеэкономический фон, на котором было принято решение об эмбарго на ввоз продовольствия. И тут возникают три основных вопроса: 1) не наступит ли вновь эпоха дефицита, 2) каковы будут изменения цен на продовольствие и 3) каковы в связи с санкциями перспективы отечественного сельского хозяйства? Разберемся последовательно с каждым.

Начнем с первого вопроса. Безусловно, эпоха дефицита в результате санкций нас не ожидает. Те продукты, к которым привыкло подавляющее большинство нашего населения, не исчезнут, так как применяемые правительством меры не отменяют действие рыночных механизмов. А пока рыночные механизмы действуют и, добавлю, пока рынок разумно, т.е. в интересах развития экономики и роста благосостояния большинства населения, регулируется государством, продукты не будут исчезать, а доходы населения будут постепенно расти.

Вообще-то, эмбарго — нерыночная мера, это мера сугубо политическая. Если можно, то лучше вместо эмбарго существенно повышать налоги на ту или иную продукцию. Но эмбарго все же оставляет некоторый простор для развития рынка, например, за счет поставок из других стран. Поэтому лакуны в поставках продовольствия, возникшие в результате эмбарго, рынок

¹ Давид Беркович Эпштейн, гл. научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук, профессор, д-р экон. наук.

заполнит, тем более что правительство принимает для этого определенные меры. Разумеется, в первый период возможны какие-то отклонения по качеству, прежде всего у новых поставщиков, и здесь требуются контроль и регулирующие меры правительства. Но контролировать надо не только содержание антибиотиков, вредной микрофлоры и искусственных консервантов, а и другие параметры качества! Пример из личного опыта: недавно купил в известной торговой сети Петербурга сыр, который появился на фоне сокращения поставок импортных сыров. Он оказался таким соленым, что без риска для здоровья есть его было просто нельзя. Соль добавляется в качестве консерванта в огромных количествах не только в сыры, но и в колбасы, полуфабрикаты, в рыбную продукцию и т.д. Наверняка есть какие-то технические и медицинские ограничения по ее содержанию в продовольственной продукции, но их никакой государственный орган, видимо, не контролирует. Бывая в ряде развитых стран, могу уверенно сказать, что по количеству соли в продуктах Россия — лидер.

Обратимся к влиянию продуктового эмбарго на цены. Они начали довольно быстро расти. Иногда это объясняют тем, что продукцию везут из Южной Америки, с Дальнего Востока, а это связано с большими транспортными затратами. Конечно, логистика на цены влияет, и транспортные расходы при прочих равных увеличиваются. Но мы уже много лет получаем продукты, причем скоропортящиеся, из Египта, Израиля, Бразилии, с Кубы..., и они были доступны по ценам. Так что существенного роста цен логистика дать не должна. Но в рыночной экономике есть другие факторы роста цен. Если мы резко уменьшаем предложение товаров на рынке, а платежеспособный спрос остался прежним, то, грубо говоря, появляется «дыра» в предложении, которая должна быть быстро заполнена. И если она тут же не заполняется, то цена начинает расти. Это экономический закон, и он имеет две стороны — плохую и хорошую. Плохая — в том, что цена растет, и мы вынуждены платить больше или отказаться от продукта. Хорошая сторона состоит в том, что рост цены повышает интерес поставщиков и производителей к данному виду продукции. Предложение начинает расти, и лакуна заполняется. Даже если цену сдерживать, то провал в предложении все же будет заполняться. Владельцы торговых сетей из-за эмбарго недополучают доходы и начинают искать новых поставщиков. Но это процесс небыстрый.

Правительство тоже не хочет повышения цен и активно помогает искать поставщиков, стараясь держать цены под контролем. И все же они растут весьма быстро. Уже пересмотрены правительственные прогнозы инфляции на 2014 г. примерно с 6,5 до 8,5%. Обычно в первую очередь начинают расти цены в розничной и оптовой торговле, а до нашего сельскохозяйственного производителя этот импульс повышения цены или вообще не доходит, или доходит в очень слабом виде. Но в этом году цены быстро росли и до объявления эмбарго, особенно на мясо птицы и свинину. Уже к концу июля цены на мясо и мясопродукцию выросли (к уровню декабря 2013 г.) на 11%, на молоко и молочную продукцию — на 9%, на рыбу — на 7,1% и на столько же на продукты питания в среднем. Это связано, в том числе, с удорожанием импорта из-за начала роста цены доллара уже в 2013 г. Не надо забывать, что рост цен в предыдущие годы во многом связан с тем, что государство в течение длительного периода разрешало нашим монополистам повышать цены на электроэнергию, горючее, топливо, газ, воду и т.д. на 10...15% в год. А это тянуло за собой все остальные цены. Вроде бы, приняты решения о более жестком регулировании цен на эти виды ресурсов, но у монополистов очень сильное лобби, так что посмотрим на результаты. В этом году рост цен связан частично, как мы уже сказали, с удорожанием доллара, т.е. импорта.

И теперь самый важный вопрос, когда же придет долгожданная продовольственная независимость?! Насколько реальны перспективы повышения эффективности отечественного сельского хозяйства? Сможем ли мы выйти на приемлемый уровень продовольственной независимости, которая является одним из важнейших факторов политического суверенитета и стратегической безопасности страны.

В сельском хозяйстве больших запасов нереализованной продукции, которую можно быстро передать в торговлю (за исключением, разве что, зерна), практически не бывает. Минимальный срок сколь-нибудь существенного увеличения продукции в сельском хозяйстве — это год, но последние два года, особенно после вступления в ВТО и резкого уменьшения господдержки кредитования за счет субсидирования процентной ставки, ввод крупных проектов в свиноводстве и птицеводстве уменьшился. Так что рассчитывать на очень быстрое замещение импорта отечественными продуктами не приходится. А замещать надо огромные объемы. Так, весь импорт продовольствия (не только по странам, продукция которых попала под запрет) в последние годы превышал 40 млрд долларов и составлял по мясу порядка 25% от потребления (по говядине — около 35%, по свинине — около 30%, по птице — около 10%), по молочной продукции — около 25%, по овощам — около 15%. Пожалуй, лишь по мясу птицы, где импорт сравнительно невелик, можно ожидать быстрого его замещения. В целом, нужно не менее 5 лет (в зависимости от вида продукции) с очень хорошими капиталовложениями и господдержкой, чтобы добиться реальной продовольственной независимости даже при отсутствии конкуренции со стороны импорта. А поскольку на место импорта из Европы, США, Канады и т.д. уже пошли поставки из других стран, этот процесс может занять вдвое больше времени.

На совещании в Екатеринбурге в начале сентября глава Минсельхоза Николай Федоров отметил, что мы можем себя обеспечить хлебом, картофелем, растительным маслом, сахаром². Это вполне справедливо. А вот с молоком пока проблемы. В стране давно идет сокращение поголовья крупного рогатого скота (КРС), не увеличивается производство молока, лишь чуть больше 50% молока производится в сельхозорганизациях и фермерских хозяйствах, а вторая половина — в личных подсобных хозяйствах, где оно в основном и потребляется. В этих условиях нарастить объемы перерабатываемого молока надлежащего качества, подходящего для производства масла, сыров, йогуртов и другой кисломолочной продукции, без кооперации мелких товаропроизводителей непросто.

Отсюда вывод: для обеспечения продовольственной независимости понадобится значительный период. Нельзя забывать, что сегодня часть семян, племенной птицы и скота, комбикормов, премиксов, техники и технологий завозится из-за рубежа. Так, импорт комбикормов, концентратов, премиксов, витаминных препаратов, аминокислот и ферментов для сельскохозяйственных животных превышает 200 млн долларов в год. Правда, эти затраты составляют около 3% от общей стоимости кормов промышленного производства, потребленных сельскохозяйственными организациями, но значительная доля премиксов, витаминных препаратов, аминокислот и ферментов — импортные.

Так же обстоит дело по многим важным для производства позициям, т.е. доля наших инноваций в росте эффективности сельскохозяйственного производства явно недостаточна. Следовательно, продовольственная независимость недостижима без развития собственных инноваций и собственной науки, а у нас даже поддержка сельскохозяйственного машиностроения недостаточна. Для развития отечественных инноваций надо было прежде всего укреплять науку и создавать работоспособную внедренческую инфраструктуру для продвижения собственных научно-технических достижений. У нас же в последние годы вместо планомерной работы на этих направлениях обвинили фундаментальную науку в неэффективности, отобрали у РАН, РАСХН, РАМН право руководить институтами и передали их в подчинение госорганам, т.е. чиновникам. Теперь же затевается что-то вроде «укрупнения науки», подобно укрупнению колхозов и совхозов в советский период, причем без детального анализа каждого конкретного случая. Все доводы сводятся к полезности централизации ресурсов, как будто практика не по-

² Хлеб насыщенный: в Екатеринбурге прошло совещание по продовольственной безопасности в Уральском Федеральном округе. <http://urbc.ru/1068031866-hleb-nasuschnyy.html>

казала, что у каждой отрасли есть свои пределы централизации, а фундаментальная наука — это особо чувствительная отрасль. Небольшой институт, если ему не мешать, может принести больше пользы, чем искусственно созданный консорциум, которым управляет волонтаристски настроенный бюрократ. Разумеется, есть отрасли науки и проблемы, требующие большей концентрации управления. Именно их и надо сначала вычленивать, иначе никакой концентрации не получится: просто «сожгут» часть научных учреждений и заберут часть зданий в крупных городах. Пока же все делается в спешке, с опорой не на ученых, а на чиновников, что ведет к росту бюрократизма. Академия наук возражает, но слышат ее плохо. Надеюсь, на каком-то этапе возобладает разумный подход, как это у нас нередко бывает, в последний момент и именно по требованию главы государства.

Конечно, у нас есть Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на период до 2020 г., утвержденная Минсельхозом и Правительством. Но выделяемые средства недостаточны, так как рентабельность отрасли имеет тенденцию к снижению (а без субсидий рентабельность сельскохозяйственных предприятий за последние 6 лет составляет в среднем $-1,8\%$). Тем не менее до 2016 г. планируется заметное снижение господдержки из федерального бюджета. Есть в программе и другие пробелы, особенно в части поддержки инноваций, технического обновления, помощи малым формам хозяйствования.

Для реальной продовольственной независимости, особенно по мясу, молоку, рыбе, овощам и фруктам, нужны серьезные инвестиции и господдержка. Минсельхоз запросил минимум 636 млрд рублей на ближайшие шесть лет (до 2020 г.), т.е. в среднем 106 млрд рублей в год. Но если в последние годы при выделении порядка 200 млрд рублей мы имеем рентабельность с субсидиями $7\ldots 10\%$, а без них — не выше нуля, значит, добавка в 100 млрд рублей увеличит рентабельность не более чем до $10\ldots 15\%$. А для устойчивого развития ее надо довести хотя бы до 20% , т.е. господдержку необходимо, как минимум, удвоить. Кстати, при этом наша поддержка в расчете на гектар будет не в 10 раз, как сейчас, а лишь в 5 раз меньше, чем, например, в ЕС.

Еще одна проблема нашего производителя — очень дорогие кредиты, под $15\ldots 20\%$ в год. А без кредитов для увеличения оборотных средств при низкой рентабельности даже посевную не провести. Без инвестиционных кредитов не поднять конкурентоспособность сельского хозяйства. Надежные инвестиционные проекты в сельском хозяйстве (применяющие конкурентоспособную технологию и способные выйти на проектную мощность в течение $2\ldots 4$ лет с учетом времени строительства) должны получать кредиты под $3\ldots 5\%$. Первый вариант для этого — субсидирование процентной ставки. Под такие проекты возможно даже эмиссионное финансирование под строгим контролем государственных банков, дабы исключить увод средств. Если коммерческий банк считает, что не может дать кредит под процент ниже уровня инфляции, опасаясь обесценивания активов, то государство (государственный банк), имея соответствующие резервы, вполне может это делать, причем без увеличения инфляции, если одновременно финансируется совокупность производств, связанных цепочкой поставок. Для контроля целевого использования банки могут в счет кредитов сами проводить оплату ресурсов по договорам их приобретения сельскохозяйственными производителями.

Есть еще одна проблема, требующая государственного участия, о которой мы уже упоминали. У нас большая часть продукции создается в сфере мелкотоварного производства — в личных подсобных и фермерских хозяйствах, которым необходима помощь в сферах сбыта и переработки продукции. Во всем мире большую роль в этом играют фермерские кооперативы. Они нередко имеют свои розничные сети, приносящие существенную дополнительную прибыль сельскохозяйственным производителям и, самое главное, создающие канал, без которого мелкотоварное производство не может существовать. У нас же, где дороги хуже, а расстояния между городами в среднем намного больше, система потребкооперации, выполнявшая в совет-

ский период аналогичные функции и имевшая предприятия во всех регионах, прекратила свое существование в девяностые годы. Тогда все надежды были на то, что рынок «сам все выстроит», но рынок новой системы так и не выстроил. И не выстроит! Почему — это отдельный вопрос, сегодня вполне понятно, что без помощи и реального участия государства столь необходимые для развития мелкотоварного сектора кооперативы не появятся. А это одно из важных условий роста эффективности и конкурентоспособности нашего сельского хозяйства, в том числе и роста продовольственной независимости.

Чтобы серьезно расширять производство, наши производители должны быть уверены, что смогут с прибылью продавать существенно возросшие объемы продукции. А кто дает им сегодня такие гарантии? Да никто! Пока эмбарго объявлено на год, да и то с оговорками. А где государственные доплаты к ценам, которые давно предлагает аграрная экономическая наука для обеспечения минимальной рентабельности и стабильной заинтересованности наших производителей зерна — базовой культуры всего сельского хозяйства? Их тоже пока нет. Мы вновь убеждаемся: будет ли использован нашим сельским хозяйством тот шанс, который возник с введением санкций, существенно зависит от действий государства.

Требуемые изменения в агропродовольственной сфере ставят перед государством и его экономической политикой непростые задачи. Одновременно другие отрасли и сектора экономики выдвигают в качестве приоритетных свои задачи, причем задачи различных отраслей не просто конкурируют за ресурсы, но и опираются, как полагает С. Д. Бодрунов, на разные цивилизационные типы. Он, в частности, предлагает оригинальную методологию «... выделения трех уровней исследования структуры экономики: 1) технологических укладов, 2) социально-экономических отношений и экономико-правовых институтов, 3) цивилизационных и социокультурных инвариантов и трендов. При таком подходе очевидно выделение трех подсистем экономической системы России» [1, с. 10]. Какие же это подсистемы?!

«Первая подсистема — традиционно-консервативная — в соответствии с указанными тремя уровнями включает:

1 — традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль отрасли (аграрное производство и другие «старые», растущие из XIX — начала XX в. отрасли материального производства); технологические уклады, основанные на ручном и слабо индустриализированном труде; машинное производство продуктов невысокой степени переработки, включая сырьевой сектор;

2 — рыночные отношения, обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальных отношений, государственно-бюрократического протекционизма и патернализма;

3 — «традиционные российские цивилизационные инварианты», тяготеющие к идеологии консерватизма.

Вторая подсистема — либерально-рыночная, для которой характерны:

1 — преимущественно сборочные производства, являющиеся частью сети транснациональных корпораций (торговля, сервис, финансы, посреднические сферы);

2 — близкие к «классическим», хотя и существенно модифицированные российской спецификой, рыночно-капиталистические экономические отношения и институты;

3 — преимущественно либерально-западническая идеология.

Третья подсистема — ростки будущей новой смешанной российской экономики, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально ориентированного регулируемого хозяйственного развития. Эта система должна, преодолев основные недостатки прошлого (дефицит, бюрократизм директивного планирования, уравниловку), использовать опыт советской экономической системы и ее достижения, до сих пор востребованные (в том числе в военно-промышленном комплексе), а также опыт таких стран, как Китай, Вьетнам, и др. Данная подсистема должна включать: 1 — высокотехнологичные

производства, характерные для 5-го и 6-го технологических укладов, а также кластеры, объединяющие производство, науку и образование; 2 — программирование и селективное регулирование рыночного хозяйства, государственно-частное партнерство и другие смешанные формы хозяйства, интегрирующие преимущества рынка и государственного регулирования; 3 — *идеологию опережающего развития на основе критической интеграции цивилизационных достижений Запада и традиционных российских ценностей*» [1, с. 10].

Приведенная точка зрения удачно схватывает многослойность и разнохарактерность экономики, институтов и господствующих ментальных особенностей. Второй сектор можно расширить, если включить в него не только «сборочные производства, являющиеся частью сети транснациональных корпораций», но и достаточно развитые перерабатывающие отрасли, созданные отечественным бизнесом (при той или иной поддержке государства). В идеологии «слоев», управляющих этими отраслями, присутствуют не только либерально-рыночные взгляды, но и существенные элементы державности, национальной гордости, признания особой социально-политической роли государства в России. В их ментальности сочетаются (отнюдь не без борьбы) «рыночный фундаментализм» и признание необходимости государственного регулирования, стремление к импортозамещению. Что касается третьего сектора, то он, по справедливому замечанию С. Д. Бодрунова, лишь формируется и пока представлен только ростками. Между тем, до последнего времени именно идеология «рыночного фундаментализма», признающая финансово-налоговое манипулирование основным инструментарием, оказывала наибольшее влияние на правительственные программы и действия в постсоветский период. С. Д. Бодрунов справедливо отмечает: «Неполнота, нецелостность экономической системы в переходный период чреваты серьезным экономическим упадком, что и произошло в России из-за форсированного разрушения плановой экономической системы при одновременном замедлении отладки экономических отношений и институтов новой, рыночной, системы» [1, с. 7]. Выход же состоит в том, что «... парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации — восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач» [1, с. 9].

Против доминирования «рыночного фундаментализма» в экономической теории и, что сегодня более важно, преобладания государственного регулирования экономики выступает А. В. Бузгалин. На основании опыта последних 25 лет он справедливо утверждает: «... мы все больше убеждаемся в том, что «свободная рука рынка» указывает не в ту сторону» [5, с. 53], и предлагает, в частности, такие инструменты государственной политики:

- «... систему отношений селективного регулирования и государственного, и частного секторов при помощи дифференцированных налогов, кредитов, государственных закупок, инвестиций и др. (то, что принято называть промышленной политикой);
- индикативные параметры ожидаемого развития («контрольные цифры»);
- программы экономического развития, главными из которых в настоящее время должны стать программы (1) качественного обновления сфер, обеспечивающих общедоступность и приоритетное развитие человеческих качеств (образование, включая воспитание, здравоохранение и массовый спорт, культура) и (2) научно-технического рывка и технологического перевооружения ключевых сфер реального сектора» [5, с. 54].

Указанные в последнем пункте приоритеты ясно демонстрируют, что А. В. Бузгалин с А. И. Колгановым выступают не против реиндустриализации, а против возможного акцента на восстановлении в промышленности технологического уровня, структуры и объемов советского периода [2].

Убедительную критику априорных положений «рыночного фундаментализма» о государстве как плохом собственнике и плохом предпринимателе дает Д. Е. Сорокин, остроумно аргументируя, в частности, тем, что, «... принимая в качестве исходного положения тезис о «плохом государстве», мы обрекаем себя на бездействие. Ведь «плохое государство» не только не сможет проявлять должную инвестиционную активность, но и точно так же — институциональную активность», на которую уповают «рыночные фундаменталисты» [3]. Да и нет, видимо, примеров долгосрочного, успешного и устойчивого развития экономики, в основе которого не лежало бы непосредственное регулирование экономики, подкрепленное, как минимум, государственными инвестициями в инфраструктуру. Задача обновления индустриального базиса страны сегодня — это уже не только инициатива промышленных и академических кругов, но и позиция Президента страны³.

В этой связи особенно важны два вопроса: 1) каков должен быть алгоритм действий правительства для реального и достаточно быстрого продвижения в направлении новой индустриализации России и 2) какие кадры могут осуществить необходимый и решительный поворот в экономической политике? Свой ответ на первый вопрос предложил С. С. Губанов. Особенно важны, на наш взгляд, такие из предлагаемых им мер, как «седьмой шаг», связанный с «... организацией и постановкой новой модели народнохозяйственного планирования, органически соединенного с макроэкономическим планированием на уровне формируемых общенациональных корпораций» [7]. Из него логически вытекают следующие шаги. «*Восьмой шаг* — разработка и реализация общегосударственного плана неиндустриального импортозамещения, в увязке с планом формирования экономики отечественных ТНК... Создание отечественного производства технологически передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств, суперЭВМ, авиационных и прочих двигателей, робототехники, операционных систем и программного обеспечения, оборудования для постнефтяной энергетики, автоматизированных комплексов, машин, приборов, первоклассных научных и учебных лабораторий. *Девятый шаг* — восстановление и обновление единой системы обязательных государственных стандартов качества продукции производственного и потребительского назначения; введение жестких экологических нормативов и стандартов, а также плановых нормативов рециркуляции ресурсов» [7, с. 18].

Для осуществления этих шагов, очевидно, нужны серьезные кадровые изменения на достаточно высоком уровне. Ведь у нас последние десятилетия требовались для осуществления правительственной политики не хозяйственники, не знатоки реального производства, не управленцы, прекрасно знающие промышленность, а кадры совсем иного типа — *институционалисты*: юристы, финансисты, работники банков, чиновники, умеющие успешно двигаться по карьерной лестнице, и т. д. Они и хотели бы выполнить требования высшего руководства страны, но не имеют соответствующих навыков. Разумеется, политическая обстановка, необходимость отстаивать экономически свое право на стратегическую независимость работают на патриотические слои бизнеса и страны в целом. Но последуют ли соответствующие изменения в верхних управляющих эшелонах — это предстоит увидеть.

³ «Наша задача в ближайшие годы — осуществить индустриальный рывок, создать сильные национальные компании в обрабатывающих секторах, способные производить конкурентоспособную продукцию... Проекты в промышленности и сельском хозяйстве получают доступ к кредитным ресурсам по низкой процентной ставке через инструменты проектного финансирования». (Выдержки из стенографического отчета о пленарном заседании «Развитие России: в поисках новых возможностей». 2 октября 2014 г.) <http://kremlin.ru/transcripts/46713>

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. — 2014. — № 2 (40). — С. 5–16.
2. Бузгалин, А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Социс*. — 2014. — № 1. — С. 80–94.
3. Бузгалин, А. В. Преобразование экономической системы России / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Д. Е. Сорокин // *Проблемы современной экономики*. — 2014. — № 3 (41). — С. 46–48.
4. Хубиев, К. А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности / К. А. Хубиев // *Проблемы современной экономики*. — 2014. — № 3(41). — С. 49–53.
5. Бузгалин, А. В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» / А. В. Бузгалин // *Проблемы современной экономики*. — 2014. — № 3 (41). — С. 53–55.
6. Кульков, В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? / В. М. Кульков // *Проблемы современной экономики*. — 2014. — № 3 (41). — С. 56–59.
7. Губанов, С. С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики / С. С. Губанов // *Экономист*. — 2014. — № 4. — С. 3–32.

Ю. А. Маленков¹, В. В. Шишкин², Г. В. Кудрявцева³, В. И. Шишкин⁴

ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И РЕЗЕРВНЫЙ ФОНД КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РЕЦЕССИИ И КРИЗИСА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага.

Древняя китайская пословица

Новые проблемы развития экономики РФ, вызванные снижением цен на нефть, принятием санкций рядом зарубежных стран, сокращением притока инвестиций и замедлением роста валового внутреннего продукта, требуют разработки стратегических антирецессионных мер и механизмов регулирования.

Негативные процессы в экономике развиваются быстро: ослабляется курс рубля, замедляется рост промышленности и т. п. Во многих отраслях необходимо уже сегодня пересматривать программы модернизации оборудования, так как возможностей для их финансирования и реализации в полном объеме уже нет. Все более реальна угроза перехода из фазы роста экономики в фазу рецессии (экономический спад и сокращение объемов ВВП). При этом необходимо учитывать, что быстрая или медленная, длительная рецессия ведут к потере экономической устойчивости и глубокому кризису.

Меры по стабилизации национальной экономики носят в основном финансовый и фискальный характер и не способствуют улучшению ситуации в промышленности, агрокомплексе, науке и образовании. Перспектив снижения налоговой нагрузки, что могло бы существенно ускорить развитие экономики в условиях сокращения притока средств от продажи нефти и газа, практически нет. Финансовый рычаг является основным. По существу, сегодня все упирается в главную проблему — как государственная финансовая поддержка может защитить промышленность и другие отрасли РФ от рецессии, которая, как правило, завершается стагнацией и глубоким кризисом.

Главными финансовыми ресурсами страны являются Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (далее — резервные фонды). При этом отмечается тенденция сокращения этих фондов: «Резервный фонд на 1 января 2014 года составил 2 трлн 859,72 млрд рублей, Фонд национального благосостояния (ФНБ) — 2 трлн 900,64 млрд рублей. Совокупный объем Резервного фонда на 1 декабря 2013 года равнялся 2 трлн 885,29 млрд рублей, ФНБ — 2 трлн 922,79 млрд рублей. Таким образом, Резервный фонд в декабре сократился на 25,57 млрд рублей, ФНБ уменьшился на 22,15 млрд рублей» [1].

¹ Юрий Алексеевич Маленков, профессор кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук.

² Виктор Викторович Шишкин, докторант кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, канд. экон. наук.

³ Галина Васильевна Кудрявцева, профессор кафедры диагностики функциональных систем факультета прикладной математики-процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета, д-р биол. наук.

⁴ Виктор Иванович Шишкин, профессор кафедры диагностики функциональных систем факультета прикладной математики-процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета, д-р мед. наук.

В настоящее время российские компании переходят от стратегий развития к стратегиям защиты и стабилизации. Практически повсеместно проекты, сопряженные с рисками, заменяются консервативными, их минимизирующими. При этом в первую очередь сокращаются затраты на инновации и научные исследования. Но главной стратегической угрозой экономики РФ сегодня является не столько снижение темпов роста валового продукта, сколько снижение темпов инноваций и ухудшение их качества, так как в современной экономике именно инновации являются основным фактором роста, развития и конкурентоспособности.

Невозможно заставить частный бизнес увеличить вложения в инновационные направления, когда ближайшее будущее представляется неопределенным и хаотичным. Это означает, что в экономике РФ, в которой и раньше темпы инноваций были невысокими, ситуация ухудшится, если не принять своевременные меры. Снижение темпов инноваций неизбежно ведет к ускорению рецессии, снижению уровня производительности труда, росту затрат на производство, банкротствам предприятий, целых отраслей и регионов. Решающее воздействие на улучшение экономики могут оказать только стратегически обоснованные меры государства по экономическому стимулированию наиболее важных направлений развития. Наиболее действенными из них являются ресурсы резервных фондов РФ. От того, как их используют, зависит будущее страны — переход к экономическому росту или в зону рецессии и кризисов. Сегодня средства резервных фондов — это главный инвестиционный ресурс экономического развития, который оценивается в огромную сумму — 3 трлн рублей.

В настоящее время рассматриваются и планируются следующие направления использования резервных фондов:

- в инфраструктурные проекты (Российские железные дороги, модернизация БАМа и Транссиба, проект «Росатома» по строительству АЭС и др.);
- в нефтегазовый комплекс (Роснефть, первоначально запросившая 2 трлн рублей для покрытия текущей задолженности, и проекты в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и на шельфе Арктики [2], Газпром и другие компании);
- на оказание помощи компаниям, пострадавшим от санкций;
- Министерству финансов (500 млрд рублей в 2015 г.) для компенсации потерь от падения цен на нефть [3];
- на развитие нанотехнологий России (создание Фонда развития российской наноиндустрии, 100 млрд рублей). Полученные деньги фонд собирается инвестировать «исключительно при софинансировании со стороны крупных, финансово стабильных российских компаний в соотношении 50 на 50, на пять-десять лет и доходностью не ниже 10%». Это будут портфельные инвестиции или инвестиционные займы. Кроме того, часть средств будет направлена в действующие успешные проекты «Роснано» [4].

Какие результаты можно прогнозировать при реализации данных направлений? *По существу, это стратегия размещения крупных инвестиционных средств в узкоотраслевые, низкодоходные и проблемные направления, которые не способны предотвратить рецессию и ее отрицательные последствия в экономике РФ.* Проблема в том, что все указанные направления, даже если некоторые из них окажутся успешными, не затрагивают наиболее важные и критичные направления развития экономики РФ:

- инновационное развитие основной массы промышленного производства;
- улучшение ситуации в агрокомплексе;
- подъем уровня инноваций в стране, особенно в области ключевых технологий.

Возникает парадокс: с одной стороны, все согласны, что инновации необходимы для развития экономики и ее роста; с другой — именно инновации, особенно в промышленности, авиастроении, энергетике, биоинженерии, строительстве остаются вне сферы распределения резервных фондов.

Инвестиции в крупные инфраструктурные проекты, возможно, стимулируют некоторую инновационную активность, но в узких сегментах и ненадолго, не влияя на экономику в целом.

Между тем, назначение резервных фондов — рост благосостояния страны в целом. В классической экономической теории еще А. Пигу обратил внимание на необходимость более широкого подхода к сути понятия благосостояния нации, включив в него не только доходы, но и обеспеченность основными жизненными благами (в том числе жильем), улучшение условий труда и др. [5]. Благосостояние РФ зависит от того, удастся ли преодолеть тенденцию экономического спада и инициировать динамичный экономический рост.

Использование средств резервных фондов, на наш взгляд, должно рассматриваться как *инвестирование в приоритетные направления развития экономики с минимизацией рисков невозврата и «проедания»*. Докапитализация банков, финансовая помощь ресурсодобывающим компаниям, которые недостаточно используют внутренние резервы развития, являются задачами второго ряда по сравнению с приоритетной — обеспечить быстрый инновационный подъем всей экономики. Поэтому средства резервных фондов, направляемые на инновационное развитие, следует освободить от всех видов налогообложения. Если этого не сделать, то, во-первых, сумма финансирования снизится на сумму налогов (на 50...60%) и оставшейся части не хватит для решения задач инновационного реинжиниринга экономики. Во-вторых, налогообложение средств резервных фондов лишено экономического смысла, так как означает возврат в госбюджет большей части средств, направляемых на подъем экономики. По существу, направляемые средства совершат бесполезный кругооборот, при этом результаты проектов, финансируемых суммой в 100 млн рублей и 40 млн рублей (при налогообложении), будут качественно различными.

Предлагается ввести ряд новых принципов в управление инвестированием средств резервных фондов:

1. Необходимо воздействие государства не на отдельные отрасли, а на ключевые направления развития экономики и достижение приоритетных целей, которые должны быть сформулированы системой государственного стратегического управления.

2. Инновационные проекты, финансируемые за счет резервных фондов, должны давать гарантированные осязаемые целевые результаты в короткие сроки (не более 3–4 лет). Сегодняшний подход в корне неверен — государство выделяет средства и ожидает новых проектов по принципу «кто-что придумает». Министерству экономики и другим профильным министерствам необходимо сформулировать наиболее важные для развития РФ цели и оценивать предложения по их достижению. Главными целями инновационных проектов в сложившейся экономической ситуации должны быть удешевление существующих технологий, создание условий для снижения цен в экономике, роста производительности и качества труда, обеспечения лидерства в ключевых областях науки и техники.

3. Для эффективного управления расходованием средств резервных фондов необходим единый государственный контроль их использования. Целесообразно создать управление инвестиционными ресурсами резервных фондов РФ в Министерстве экономического развития или отдельный орган с прямым подчинением президенту РФ. Без действенного контроля процесс инвестирования превратится в процесс быстрого распыления средств, как это происходило в последние десятилетия в СССР и в 1990-е гг. в России.

4. Необходимо использовать основные принципы стратегического менеджмента, в том числе принцип синтеза стратегического планирования, реализации и контроля: Стратегический менеджмент = Стратегическое планирование и прогнозирование + Реализация + Контроль эффективности + Персональная ответственность за достижение результатов [6].

5. В управлении средствами резервных фондов необходимо применить принцип антизатратного финансирования и возврата вложенных в проекты средств. Для этого средняя доходность инвестиций резервных фондов должна быть не ниже 15% (иначе результаты будут «съедены» инфляцией). Средние сроки окупаемости инновационных проектов должны составлять не более 3–4 лет, а не 10...20, что характерно для многих крупных российских проектов. Сегодня основная часть заявок в резервные фонды не содержит расчетов сроков их окупаемости и рентабельности

или показывает очень низкие уровни реальной доходности, что означает формирование затратных механизмов. Экономическое обоснование инновационных проектов крайне слабое. Применяемые методы дисконтирования необоснованно занижают экономический эффект и срок окупаемости, обесценивают их, учитывают не все экономические результаты. Для экономического обоснования целесообразно использовать методологию расчетов полных экономических результатов, которая показывает реальную экономическую эффективность проектов [7].

Если управление инвестициями резервных фондов не будет отвечать этим принципам, то государство быстро потеряет контроль над эффективностью их использования, в очередной раз упустит стратегические возможности быстрого инновационного подъема и окажется в положении банкрота, не имея средств на первоочередные нужды.

Для инициирования инновационных процессов в экономике РФ в целом предлагается отказаться от упрощенного и ведущего в тупик принципа инвестирования средств резервных фондов в несколько ресурсных и инфраструктурных мегапроектов, характеризующихся низкой доходностью и не решающих проблемы инновационного развития страны.

Нами предлагается для подъема экономики РФ направить *1 трлн рублей резервных фондов (это 10 000 (десять тысяч!) проектов по 100 млн рублей каждый)* на генерацию сети инновационных проектов развития страны по следующим направлениям:

1. *Промышленность*, упадок которой ведет к краху государства. В первую очередь на развитие производства новых станков с ЧПУ и новых технологий, удешевляющих современные производства. «Ситуация в отечественной промышленности непосредственно зависит от состояния машиностроения, определяющего уровень развития всех видов деятельности... Необходимо как можно быстрее начать обеспечение машиностроительных производств наукоемким, металлообрабатывающим оборудованием с использованием компьютерных программ. В противном случае нам придется столкнуться с невозможностью производства конкурентоспособной продукции (в том числе по оборонному заказу) и с ростом технологической зависимости народного хозяйства от импорта машиностроительной продукции» [8].

2. *Авиастроение*, многие разработки в котором находятся в стадии завершения, не требуют астрономических расходов и могут дать быстрые результаты, например, новые авиадвигатели и др.

3. *Энергосберегающие технологии*, в том числе на основе нанотехнологий. Вложение средств не «в финансовые фонды нанокорпораций с 10% годовых», а в научно-исследовательские лаборатории университетов страны на конкретные цели, включая разработку примесей для изготовления особо прочных дорожных покрытий, энергосберегающих линий передачи тепла и электроэнергии, средств тепловой изоляции домов и другие направления, обеспечивающие качественные сдвиги в энергосбережении и снижение общих затрат.

4. *Биотехнологии* — ситуация с «эболой» показывает, что без собственных разработок в этой сфере страна находится в зоне крайне высоких рисков. Также необходимы новые технологии производства качественных и дешевых лекарств.

5. *Селекция* (вместо ГМО) — выведение новых более эффективных сортов зерновых и других видов агропродукции, высокоурожайных, устойчивых к вредителям и неблагоприятным изменениям климата.

6. *Агрокомплекс* — подъем производительности и качества фермерских и кооперативных агрокомплексов посредством государственной поддержки в виде беспроцентного кредитования и финансирования разработки и внедрения новых агротехнологий. Целесообразно финансирование проектов внедрения новых технологий и их массового распространения.

7. *Внедрение дешевых альтернативных источников энергии*. Сегодня даже в Скандинавии целые районы и города обеспечивают свои потребности за счет солнечной энергии. Гораздо большие возможности по использованию солнечной энергии имеются в Крыму и на юге России, но они не ис-

пользуются. Нужно срочно доработать и внедрить новые, дешевые источники солнечной, ветровой, приливной и других видов энергии.

8. *Разработка новых компьютеров* на базе принципиально новой технологии. Доработка одного из таких российских суперкомпьютеров, существенно превосходящих зарубежные аналоги по производительности, в 1990-е гг. требовала всего 3...5 млн долларов, которых «не нашлось» (при этом количество частных фирм в стране стоимостью в десятки и сотни миллионов долларов росло быстрыми темпами). Нельзя упускать возможности создания принципиально новых компьютерных технологий.

9. Целесообразна разработка *новых операционных систем*, более эффективных, чем Майкрософт, ставшая стандартом документации, которая сегодня застыла в развитии, не содержит качественных улучшений, ненадежна и недостаточно производительна.

10. Разработка и внедрение *новых дешевых и эффективных медицинских технологий и материалов*, что позволит повысить уровень жизни населения и снизить затраты на медицинское обслуживание.

11. Разработка эффективной *системы государственного стратегического управления*, которая должна создать надежную защиту от постоянно возникающих стратегических просчетов, связать воедино стратегии регионов и стратегию развития РФ, обеспечить управление стратегическим развитием страны в изменяющейся среде, оптимизировать распределение стратегических ресурсов.

12. Разработка и внедрение *национальной системы автоматизированного распространения инноваций*, с помощью которой можно обеспечить доступ к результатам инновационных разработок, а также контроль общества за эффективным расходованием средств резервных фондов. Эта система позволит ускорить распространение знаний в регионах и отраслях и одновременно будет служить средством предотвращения коррупции и расхищения средств резервных фондов.

Запуск этих проектов может радикально улучшить ситуацию в экономике РФ. Для их эффективной реализации необходимо выполнение всех указанных выше принципов. При этом особое значение имеет требование не только разработки инновационных проектов, но и их реального внедрения в течение ближайших 3–4 лет. Для этого договора на выполнение проектов должны заключаться одновременно с организацией-разработчиком (или группой ученых, изобретателей, инноваторов) и организацией, внедряющей эти разработки (предприятием, агрокомплексом, медицинскими организациями и др.).

Еще один крупный резерв развития — это неиспользуемые интеллектуальные ресурсы. В России множество «застывших» проектов и изобретений, на которые были затрачены большие средства, но не хватило денег для их реализации. Сегодня многие из них можно реализовать.

Основой перехода на новый уровень развития страны является инновационное развитие промышленности, опора на собственный промышленный потенциал и стратегию реиндустриализации [9]. Реализация инновационных разработок в РФ по опережающим направлениям научно-технического прогресса, несомненно, изменит облик всей экономики РФ. Но для этого Министерство экономического развития РФ должно вплотную заняться управлением реальным экономическим развитием, как это делал в свое время Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ) в СССР. Следует вспомнить опыт успешного и быстрого внедрения в СССР инноваций и изобретений на базе НПО (научно-производственных объединений), когда научные разработки прямо из лабораторий шли на испытания и в серийное производство.

Запуск множества инновационных проектов по наиболее важным направлениям развития страны с условием их обязательного внедрения в течение трех-четырех лет и окупаемости может радикально преобразовать экономику страны и поднять уровень развития, повысить ее устойчивость даже к самым неблагоприятным изменениям.

Без решительных мер, по оценкам специалистов Высшей школы экономики, «Резервные фонды все равно будут израсходованы в ближайшие годы, но уже без всякого эффекта и влияния

на инновационный рост: «В ближайшие пять — семь лет резервный фонд России, накопленный за счет нефтегазовых доходов, может быть исчерпан. С таким неутешительным прогнозом выступили эксперты «Центра развития» ВШЭ <...> дополнительных нефтегазовых доходов в 2015–2017 гг. не хватит для компенсации недополученных не нефтегазовых доходов и поступлений, учтенных в источниках финансирования дефицита федерального бюджета» [10].

Сегодня еще есть возможность воздержаться от ошибочного вложения дефицитных средств резервных фондов в «гигантские проекты», которые будут бесполезны, если не поднять экономику РФ в целом. Гигантомания в нашей стране всегда приводила к неудачам и растратам дефицитных ресурсов. Какая польза от новых железных дорог и нефтяных платформ, если по ним нечего возить, а нефтепродукты и перевозки нечем оплачивать?

Также малоэффективен вариант финансирования за счет резервных фондов дефицита бюджета — это лишь поддержит существующий уровень, который нужно радикально менять.

Сегодня необходим быстрый подъем не отдельных отраслей экономики, а всей экономической жизни страны на основе новой сильной мотивации населения и инициирования крупномасштабного веера направлений инновационного развития, обеспечивающих научное и научно-производственное лидерство. Только тогда станет возможным прорыв в развитии с темпами не ниже, чем у Китайской народной республики. Этого можно достичь на основе разработки и реализации 10 000 инновационных эффективных проектов по наиболее важным, ключевым направлениям.

Для этого, как гласит древнекитайская мудрость, нужно найти силы сделать первый шаг на дороге в 10 000 ли — запустить в экономике страны 10 000 инновационных проектов, направленных на достижение конкретных целей научно-технического и научно-производственного лидерства в мире.

Список литературы

1. Минфин представил сведения о текущих объемах Резервного фонда и Фонда национального благосостояния <http://www.ntv.ru/novosti/830159/> (дата обращения 25.10.14)
2. Роснефть нашла применение 2 триллионам рублей из ФНБ <http://newsland.com/news/detail/id/1448732/> (дата обращения 25.10.14).
3. Финансовые резервы России тают на глазах <http://haqqin.az/news/32597> (дата обращения 25.10.14)
4. Анатолий Чубайс просит 100 миллиардов. <http://www.dni.ru/economy/2014/9/26/281794.html> (дата обращения 27.10.14)
5. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния / А. Пигу; пер. с англ. — М. 1985. — Т. 1,2.
6. Маленков, Ю. А. Стратегический менеджмент / Ю. А. Маленков. — М.: Проспект, 2011. — 224 с.
7. Маленков, Ю. А. Новые методы инвестиционного менеджмента / Ю. А. Маленков. — СПб.: Издат. дом «Бизнес-Пресса», 2002. — 208 с.
8. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов; Институт нового индустриального развития (ИНИР). — СПб., 2013. — 680 с.
9. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики — возможности, ориентиры, императивы, ограничения, риски / С. Д. Бодрунов; Институт нового индустриального развития (ИНИР). — СПб., 2013. — 37 с.
10. Трифонова, М. Резервный фонд опустеет за пятилетку / М. Трифонова. — 2014 г. — 05 июня. <http://www.utro.ru/articles/2014/06/05/1199146.shtml> (дата обращения 14.11.14)

А. В. Тебекин¹

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Поводом для участия в дискуссии о перспективах российской экономической системы стали статьи С. Д. Бодрунова «Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства» (Экономическое возрождение России. 2014. № 2), А. И. Колганова и А. В. Бузгалина «Реиндустриализация как ностальгия?» (Социс. 2014. № 1, 3).

Рассматривая системный подход как методологическую основу исследования отечественной экономики, остановимся на принципах данного подхода (табл. 1). Особое внимание обратим на такую характеристику признака «системности», как степень сложности системы. Именно отказ от сложности во времена перестройки и последующей приватизации привел к утрате потенциала российской экономической системы. Не случайно описываемые процессы получили название «примитивизация экономики».

Таблица 1

Принципы системного подхода

Принцип	Свойство системы
Целостность	Свойство объекта, рассматриваемого как совокупность составляющих его элементов, организованных в соответствии с определенными принципами
Иерархичность	Расположение элементов в системе осуществляется на основе подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня
Структуризация	С позиций системного анализа в рамках процесса управления означает, что вся совокупность объектов и процессов, имеющих отношение к поставленной цели, разделяется на изучаемую систему и внешнюю среду. В системе выделяются составные части — как подсистемы и элементы изучаемой системы, а возможные внешние воздействия могут быть представлены в виде совокупности элементарных воздействий. Структуризация позволяет анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры. С позиций методологии управления необходимо учитывать, что процесс функционирования системы обусловлен не столько свойствами ее отдельных элементов, сколько свойствами самой структуры
Множественность	Множественность элементов системы и происходящих в ней процессов позволяет использовать множество кибернетических, экономических и математических моделей для описания отдельных элементов и системы в целом
Системность	Все объекты управления представляют собой системы той или иной степени целостности и сложности. Это позволяет рассматривать систему одновременно как единое целое и как подсистему для вышестоящих уровней

Последствия примитивизации российской экономики были губительны в первую очередь для перерабатывающих производств. В период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

¹ Алексей Васильевич Тебекин, профессор ГБОУ «Московский центр инноваций и научно-технического творчества», д-р техн. наук, д-р экон. наук.

автору довелось анализировать проблемы развития сферы перерабатывающих производств в России. Отправной точкой исследования явилась оценка развития экономики России Всемирным банком, который на протяжении длительного периода выражает обеспокоенность по поводу того, что Россия умышленно завышает роль перерабатывающих отраслей в структуре ВВП, занижая вклад в ВВП энергетического комплекса в целом и нефтегазового комплекса в частности.

Чтобы оценить, насколько субъективна позиция Всемирного банка в отношении российской экономики, был проведен краткий ретроспективный анализ динамики промышленного развития России на примере трансформации системы управления промышленностью [10]. Если во времена СССР насчитывалось несколько десятков союзных министерств промышленности (только министерств машиностроения было порядка десяти), то в начале XXI в. не осталось ни одного!!! [10]. Система управления промышленностью сжалась до уровня федеральных агентств в рамках министерства, которое в период доминирования в отечественной экономике энергетики называлось Министерством промышленности и энергетики, а ныне, в период преобладания торговли, именуется Министерством промышленности и торговли. Эти «довески» к промышленности, соединенные союзом «и», на самом деле уже давно масштабнее самой отечественной промышленности. Увы, сегодня отечественная промышленность является «довеском» то к энергетике, то к торговле (преимущественно импортом) [9].

Говоря о роли перерабатывающих производств в российской экономике, вспомним, что отправной (и фактически единственной) точкой всех вариантов оценки перспектив экономического развития России являются прогнозы мировых цен на отечественную нефть, точнее, на экспортную нефтяную смесь URALS [10]. URALS — это сорт высокосернистой российской нефти (содержание серы — порядка 1,3%). Из-за низкого качества нефти URALS, обусловленного высоким содержанием не только серы, но также тяжелых и циклических углеводородов, стоимость этой смеси определяется дисконтированием цены относительно марки Brent.

Ни один сценарий социально-экономического развития России последних лет, включая прогнозные сценарии Минэкономразвития на 2015–2017 гг., не предполагает, что формирование доходов государства будет преимущественно связано с продукцией перерабатывающей сферы (машиностроения, легкой промышленности или, например, электронной промышленности с продукцией, созданной на основе нанотехнологий). Речь идет исключительно о поставках сырья, поскольку URALS даже не предполагает глубокую переработку нефти, представляя собой смесь из нефти, добываемой в Ханты-Мансийском автономном округе, Татарстане и Башкортостане. Смешение потоков производится, чтобы снизить процент серы.

Последовательный развал отечественной перерабатывающей промышленности привел к деиндустриализации нашей экономики, под которой понимают процесс социальных и экономических изменений, вызванных снижением или полным прекращением индустриальной активности в стране, особенно в тяжелой промышленности и индустриальном производстве.

Основные признаки (симптомы) деиндустриализации выделены А. Каинкроссом [1] (табл. 2). Отметим, что в российской экономике наиболее ярко проявились первые три симптома деиндустриализации, действие четвертого пока демпфируется потоком нефтедолларов. Не менее пагубны для российской экономики социальные последствия деиндустриализации. Технологии перераспределения национальных богатств посредством приватизации привели к появлению класса богатых и новому отношению к способам обогащения. Не секрет, что и сегодня во многих случаях предприятия сферы перерабатывающих производств возглавляют не профильные специалисты по соответствующим видам производств, а юристы и финансисты. Почему? Да потому, что эти предприятия по-прежнему рассматриваются не как источники создания добавленной стоимости в результате глубокой переработки материальных ресурсов, а как имущественные комплексы, являющиеся предметом купли-продажи, переходящим из рук в руки, подчеркивая имущественную солидность обладателя. Эта новая ментальность изменила образ жизни тех,

Основные признаки (симптомы) деиндустриализации

Симптом	Характеристика
Снижение объемов	Последовательное снижение объемов промышленного производства или занятости населения в производственном секторе, отличающееся от процессов затяжных циклических рецессий экономики
Переход от производства товаров к производству услуг	Процесс перехода от производства товаров к производству услуг, при котором в конечном продукте уменьшается доля промышленного производства и увеличивается доля услуг. Это же относится к изменению соотношения количества населения, занятого в производстве товаров и производстве услуг. При этом абсолютный рост производства услуг (или населения, трудоустроенного в этом секторе) при отсутствии снижения объемов производства не означает процесса деиндустриализации
Сокращение объемов промышленного экспорта	Сокращение объемов промышленного производства в структуре экспорта страны или региона
Дефицит торгового баланса	Длительное сохранение дефицита торгового баланса, приводящее к невозможности расплачиваться за импорт и вызывающее новый виток падения промышленного производства

кого почему-то принято называть эффективными менеджерами. Манипуляции с имуществом охватили умы российских «эффективных менеджеров» вплоть до Министерства обороны времен А. Э. Сердюкова. В фаворе был Департамент имущественных отношений — на рекламу по набору юристов и специалистов по оценке имущества тратилась значительная часть рекламных ресурсов министерства. А ведь оборона заключается отнюдь не в распродаже госимущества.

Фактов упадка отечественной экономики в сфере перерабатывающих производств, а также малого и среднего предпринимательства можно привести очень много. Для наглядности приведем еще один пример, который ярко демонстрирует, что беды экономического развития России заключаются не только в качестве решения народно-хозяйственных задач, но и в самой их постановке. Ведь правильная постановка задачи — 50% успеха. Речь идет об анализе Послания Президента Федеральному собранию 2004 г., выполненном Г. Б. Клейнером, который, в частности, отмечает, что вопрос о факторах и источниках экономического роста в России неизменно остается «за кадром» [6]. При этом он приводит три «показательных примера»:

1. «Тщетно ... искать в Послании слово *«промышленность»*. Очевидно, экономический рост предполагается реализовать в каких-то иных, непромышленных подразделениях народного хозяйства».

2. «... нет в Послании и слова *«наука»*... Создается впечатление, что развитие науки как специфической сферы (и, казалось бы, как всем известно — фундаментального фактора странового экономического роста в XXI веке) тоже не имеет для нашей страны самостоятельного значения. Не случайно науку как таковую в течение двух последних административных макрореформ «интегрировали» то с одним, то с другим навязанным ей сверху партнером: то с промышленностью, то с образованием...» (не правда ли, мысли схожи с теми, что мы привели выше в отношении промышленности — авт.). Г. Б. Клейнер иронично отмечает: «В свете такой тенденции не будет удивительным, если после следующей реорганизации наука окажется в социальном блоке (на том, например, основании, что средний возраст доктора наук вплотную приблизился к пенсионному)!»

3. «Не будет обрадован и тот, кто станет искать в тексте Послания слово *«предприятие»*. Оно встречается лишь дважды: первый раз в связи с требованием равенства условий налогообложения

для предприятий, работающих в одной сфере, второй — в контексте необходимости развития транспортной и портовой инфраструктуры».

Рассматривая эти примеры, Г. Б. Клейнер заключает: «Возникает предположение, что в представлении авторов Послания экономический рост создается не на предприятиях, не за счет применения наукоемких технологий, не на микроэкономической «земле», а где-то наверху, в макроэкономических «небесах», «там, за облаками»... И экономический рост наступит не тогда, когда предприятия будут производить и потреблять больше высококачественных товаров и услуг, а граждане — покупать товары и услуги конечного потребления (полагаем, что отечественные — авт.), а когда каким-то образом улучшится российский «экономический климат» и из неких чудодейственных облаков, пришедших из иных краев, на Россию прольется «золотой» дождь» [6]. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. С такой оценкой мы целиком и полностью согласны.

К сожалению, приходится констатировать, что позиция Всемирного банка в отношении российской экономики не является предвзятой, и деградация системы промышленного производства в стране, сопровождавшаяся перманентными захватами (в том числе рейдерскими) промышленных территорий, сделала отечественное производство малоконкурентоспособным на фоне других сфер деятельности. Говоря о продолжавшихся длительное время рейдерских захватах промышленных территорий, включая официальную составляющую этих захватов, можно выделить три основных направления развития событий.

Во-первых, в лучшем случае с крупных предприятий выводились наиболее ценные активы — основные производственные фонды — в малые предприятия, не обремененные высокими налогами. Целью реализации таких схем была максимальная эксплуатация малыми предприятиями производственного оборудования до полного его износа. Понятно, что в силу своей ментальности многие новые хозяева захваченного оборудования не ставили задачу восстановления основных производственных фондов. Поэтому рассчитывать на продолжение такого угасающего бизнеса, как правило, не приходится.

Во-вторых, в худшем (и достаточно распространенном) случае речь идет о «перепрофилировании промышленных территорий», т.е. о продаже их под жилищную, офисную и другую застройку на месте разрушенного производства. Достаточно взглянуть, например, на промзону ЗиЛ, конкурс на проект развития которой власти Москвы объявили еще в конце 2011 г.² Разумеется, ничего от промзоны на этой территории не останется.

И только третье направление развития промышленного производства сохранило исторически привычный почерк, насколько это возможно в условиях слабых конкурентных позиций перерабатывающих производств в современной российской действительности.

Таким образом, в силу «трансформации» менталитета многих участников российского экономического рынка значительная часть отечественных предпринимателей еще во времена приватизации 1990-х гг. и в последующем, в 2000-х гг., была нацелена не на созидание, а на перераспределение уже созданных имущественных ценностей (в лучшем случае — на использование необновляемых мощностей до их полного морального и физического износа). Фактически — это болезнь отечественной экономики, сформировавшаяся на уровне мировоззрения у нескольких поколений участников российского экономического рынка, справиться с которой будет очень не просто в течение достаточно длительного периода. И эта социально-психологическая проблема ничуть не менее важна, чем нынешние экономические проблемы России.

Не случайно в последние десятилетия индекс предпринимательской уверенности в сфере обрабатывающих производств в России находится в среднем на уровне — 5%, причем достаточное количество персонала (+15%) не может компенсировать недостаточный объем заказов (–20%), связанный с оценкой рисков потенциальными инвесторами. Указанные риски фактически

² <http://stroimsk.ru/kakim-stanet-zil>

определяют уровень инновационной активности промышленных предприятий в России, который на протяжении последних десятилетий никак не может превысить 10%. А поскольку при определении инновационной активности промышленных предприятий одновременно учитываются доли *технологических, организационных или маркетинговых инноваций*, уровень инновационной активности следует признать неудовлетворительным.

Таким образом, в период пятого технологического уклада Россия существенно утратила свои экономические позиции на фоне основных игроков на мировой экономической арене, что отмечают А. И. Колганов и А. В. Бузгалин [7]. Об этом же пишет С. Ю. Глазьев: «... стремительная деградация научно-производственного потенциала предопределяет сползание российской экономики на периферию мировой экономической системы» [4]. В этих условиях рассмотрение взаимосвязи технологических укладов и происходящих под их воздействием социально-экономических изменений, описываемых Д. Беллом [2], Э. Тоффлером [11], М. Кастельсом [5], Т. Сакайей [8] и др., о чем пишет С. Д. Бодрунов [3], на уровне не описательного рассмотрения, а формирования цельных теорий действительно затруднено.

Роль постиндустриальных тенденций, роль услуг в обществе будущего, роль экономики знаний и т.д. на фоне нынешней деиндустриализации российской экономики кажутся нам преувеличенными. Сегодня с позиций российских реалий представить когнитивные технологии в качестве базовых для седьмого технологического уклада достаточно сложно. В значительной степени это объясняется отсутствием практического выхода от нанотехнологий — базовых технологий шестого технологического уклада. Единственным «достоинством» «Российской корпорации нанотехнологий»³ является то, что она первой из государственных корпораций завершила реорганизацию и с 11 марта 2011 г. была перерегистрирована как открытое акционерное общество «Роснано»⁴. По поводу остальных «экономических успехов» этой монополии напомним, что в сентябре 2014 г. ОАО «Роснано» обратилось в правительство РФ с просьбой выделить из Фонда национального благосостояния (ФНБ) 100 миллиардов рублей для развития венчурных проектов.

Фактическая монополия на развитие новых технологий также является существенной проблемой для перспективного развития российской экономической системы.

Резюмируя, отметим, что попытка эффективного перехода с пятого на шестой технологический уклад в России на сегодняшний день очень проблематична: крайне сложно «перескочить» с полуразрушенной четвертой ступеньки при существенно просевшей пятой на шестую. К тому же, все TOP 30 российских ТНК находятся на третьей ступеньке, представляя в основном нефтегазовую сферу, металлургию и банковский сектор.

Позиции лидеров мировой экономики в этом смысле принципиально иные. Там в условиях насыщенного рынка процесс постиндустриального развития представляется эволюционным. В этом смысле рост доли услуг в структуре ВВП, а также рост роли экономики знаний вполне естественны. В России же из-за значительной деформации уровней технологических укладов как ступеней лестницы поступательного развития, в которой каждая предыдущая ступенька является фундаментом (опорой) для движения вверх (развития экономики), требуется капитальный ремонт. Рассмотрение инструментов для подобного капитального ремонта — тема отдельной дискуссии.

Список литературы

1. Cairncross, A. What is deindustrialisation? / A. Cairncross // Blackaby, F (Ed.) Deindustrialisation. — London: Pergamon, 1982. — Pp. 5–17.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — М.: Академия, 2009. — 786 с.

³ Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий».

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 2287-р.

3. *Бодрунов, С. Д.* Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. — 2014. — № 2.
4. *Глазьев, С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М.: Экономика, 2012.
5. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
6. *Клейнер, Г. Б.* Микроэкономические факторы и ограничения экономического роста / Г. Б. Клейнер // *Всероссийская виртуальная энциклопедия*. — 2005. — 27 октября.
7. *Колганов, А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // *Социс*. — 2014. — № 1.
8. *Сакайя, Т.* Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего / Т. Сакайя // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 1999.
9. *Тебекин, А. В.* Экономический кризис как объективная реальность и предмет изучения и управления / А. В. Тебекин // *Экономическая история мира* / под ред. М. В. Конотопова. — Т. 6., кн. 2. — М.: Российская академия наук; КноРус, 2012.
10. *Тебекин, А. В.* Апрельские тезисы 2009 года (О мировом экономическом кризисе) / А. В. Тебекин, М. В. Конотопов // *Инновации и инвестиции*. — 2009. — № 1.
11. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: Изд-во АСТ, 2010. — 784 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

В. Б. Сироткин¹

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К ПРИНЯТИЮ РАЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В бихевиористических теориях фирмы и индивидуума отрицается принцип максимизации полезности и предполагается, что человек принимает решения исходя из устремления к удовлетворенности. В классической экономической теории, где субъекты рассматриваются как не зависящие один от другого, конфликт интересов экономических субъектов не представляется актуальным. Если мы хотим объяснить поведение субъекта не с позиций максимизации прибыли, а как стремление к удовлетворенности (размером прибыли, долей на рынке и др.), то реальная ситуация будет содержать такие элементы, как просчет поведения конкурентов, выторговывание и оппортунизм. Психологи утверждают: а) поиск иного стиля поведения возникает, когда результаты не соответствуют уровню устремлений; б) уровень устремлений начинает снижаться до уровня практически достижимых целей; в) если устремления и результаты приводятся в соответствие слишком медленно, то эмоциональное поведение (апатия, агрессия и др.) заменяет рациональное адаптивное поведение [11].

Чтобы добиться желаемых результатов, индивиды должны действовать согласованно. Проблема коллективных действий возникает из-за конфликта между индивидуальной и групповой выгодой. Стремление к индивидуальной выгоде оборачивается ущербом для других. Разрешение конфликта возможно, если согласие индивида отказаться от возможности поступать по собственному желанию является единственным способом получить то, что ему нужно.

Поведенческая экономика исследует систематические когнитивные ошибки и отступления от рационального выбора, которым подвержены люди. Одной из таких ошибок выступает следующее стандартное допущение в моделях рационального выбора: удовлетворение, получаемое от блага, определяется в первую очередь его абсолютным качеством. Сторонники теории неконтролируемого рыночного поведения полагают, что поведение индивидов преследует цель получения максимального абсолютного блага, а государственная власть препятствует решению этой задачи. Такой подход игнорирует свойство человека получать удовольствие от увеличения индивидуального относительного блага. Во многих случаях рыночные силы неспособны направлять поведение индивидов на достижение общих целей. Требуется государственное вмешательство для контроля за распределением коллективных благ. Возникает вопрос: какой принцип целесообразно применять, чтобы поддерживать компромисс между справедливостью и эффективностью, богатыми и бедными.

Актуальность исследования вопросов регулирования коллективных действий объясняется тем, что в большинстве существующих дискуссий на эту тему неверно трактуются истинная

¹Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, засл. работник Высшей школы РФ.

природа свободы и стоящие перед нами проблемы увеличения блага. Политики при обсуждении законов и решении вопросов перераспределения средств в обществе продолжают эксплуатировать идею злодеев и жертв. Экономисты сосредоточились на вопросах экономического роста. В результате мы не достигаем ни справедливости, ни увеличения общего блага. Вместе с тем существует иная, прагматическая, точка зрения, согласно которой эффективное решение о причинении вреда одного лица другому определяется сопоставлением величины ущерба каждого.

При таком подходе к решению проблемы коллективных действий целесообразно позволить богатым оплачивать свой высокий статус и за счет этих средств компенсировать небогатым отсутствие высокого статуса. Повысив ставки налога на людей с высокими доходами и вводя налоги на действия, причиняющие вред, можно снизить налоги на полезную деятельность и увеличить общий размер коллективных благ, увеличив таким образом долю каждого индивида [1].

При создании общества следует договориться о правилах, в соответствии с которыми будет распределяться собственность между его членами. Правила зависят от особенностей людей, которые захотят жить в таком обществе. Если общество состоит из более производительных участников, то наименее производительным участникам в нем будет некомфортно. Наоборот, наиболее эффективные участники будут ущемлены в обществе, члены которого имеют низкую производительность.

Обычно основанием для закона выступает принятый принцип. При решении проблемы борьбы с отрицательными экстерналиями² повсеместно использовался моральный принцип «злодея и жертвы»: во всех случаях тот, чьи действия приводят к неблагоприятному эффекту, обязан устранить его последствия для других. При таком подходе причиной ограничения свободы индивида выступает предотвращение вреда для других.

В 1959 г. американский ученый Рональд Коуз утверждает [1]:

1. Частные стороны могли бы своими силами решить многие проблемы, которые, как считается, требуют государственного регулирования.
2. Если бы частные стороны могли договориться, то бремя борьбы с экстерналиями следовало бы возложить на ту сторону, для которой оно имеет меньшую тяжесть.
3. Из-за практических препятствий заключение эффективных договоров между частными сторонами в большинстве случаев невозможно.³
4. При наличии практических препятствий к заключению эффективных частных договоров целесообразно государственное вмешательство для ограничения вредного поведения.
5. Государство должно принимать такие эффективные решения, которые были бы приняты, если бы частные стороны могли на практике договориться друг с другом — издержки борьбы с экстерналиями следует возложить на тех, для кого они менее обременительны.

Р. Коуз иллюстрировал свой подход «издержек и выгод» таким примером. Существует конфликтная ситуация: шум от фабрики мешает врачу, ведущему прием пациентов. При использовании подхода по принципу «злодеев и жертв» врач не создает шума, поэтому он жертва, виновником выступает хозяин фабрики. Если запретить шум, то хозяину фабрики будет причинен вред. Когда хозяин фабрики и врач заинтересованы в поиске наименее затратного решения проблемы, они будут сопоставлять «издержки — выгоды» существующих вариантов поведения для разрешения конфликта. Допустим, что переезд врача на новое место потребует 10 тыс. долларов, а создание звукоизоляции обойдется хозяину фабрики в 5 тыс. долларов. Эффективным решением проблемы следует признать то, которое обходится дешевле — установку звукоизоля-

² Экстерналии – побочные эффекты от деятельности, оказывающие влияние на других.

³ Главным препятствием для эффективных частных соглашений выступают высокие транзакционные издержки сделок: выработка условий соглашения, контроль за выполнением обязательств, принуждение к исполнению обязательств.

ции. Коуз утверждал, что, если бы государство не признало фабриканта ответственным за шум, лучший вариант для врача — оплатить 5 тыс. долларов за установку звукоизоляции. Если же фабриканта признают виновным, то он выплатит врачу компенсацию за причиняемый ущерб в 20 тыс. долларов, поэтому ему выгодно уплатить врачу за переезд 10 тыс. долларов. В этом случае решение проблемы шума будет стоить в два раза дороже, чем при установке звукоизоляции. Коуз полагал, что, определяя права и обязанности сторон при выработке коллективных решений, следует стремиться воспроизвести такие решения, к которым стороны пришли бы при возможности договориться.

Идея в том, что общий экономический выигрыш становится максимальным, если дефицитные блага распределяются при готовности их оплачивать. Такой подход вызывал и вызывает протесты сторонников равномерного распределения покупательной способности.

Принцип эффективности при возмещении ущерба, предложенный Р. Коузом, основан на предположении, что конфликт между индивидуальной и групповой выгодой возникает всегда, когда оценивают не абсолютные, а относительные преимущества отдельных членов группы. Сложная система мотиваций, определяющих поведение человека, содержит такую ценность, как наличие высокого индивидуального статуса внутри группы.⁴ Отдельные индивиды готовы добровольно оплачивать свое относительно высокое положение среди других. У регулятора появляется возможность эксплуатировать готовность платить за статус и использовать полученные средства для компенсации людям с низким статусом.

Чтобы избежать путаницы в вопросе распределения общих благ, отметим, что мы обсуждаем отношения между частными лицами, а не между частными лицами и регуляторами, несущими ответственность за вред, причиняемый одними индивидами другим. Например, если дерегулирование деятельности ученых советов в вузах позволило отдельным лицам получать ученые степени, уплачивая вознаграждение регуляторам (членам совета, научным руководителям и др.), то правительству следует использовать силу и принуждение, чтобы не допустить захвата органов контроля группами частных интересов. В высшей школе в сфере подготовки кандидатов и докторов наук сформировался теневой рынок статусов, который подрывает существовавшие правила и нормы иерархии. Защитники рыночной формы координации в деятельности индивидов критикуют попытки правительства воспрепятствовать разрушению коллективного блага — организационного капитала высшей школы.

Американский исследователь Роберт Френк (1945 г. р.) отмечает существование скрытого рынка высокого статуса. В любом трудовом коллективе наиболее производительным работникам платят значительно меньше, а наименее производительным — значительно больше величины вносимого ими вклада. Лучшие работники ради высокого статуса в группе соглашаются с относительно низкой оплатой, а те, кто безразличен к высокому статусу, получают скрытую прибавку к заработной плате. В случае трудовых коллективов компенсация позиционных экстерналий не требует сложных договоренностей, в других случаях трансакционные издержки препятствуют эффективным соглашениям.

Утверждение Р. Френка опровергает традиционное экономическое положение, согласно которому зарплата работников соответствует величине их трудового вклада. Скрытое перераспределение, отражающее выгоды и издержки существования на различных ступенях социальной лестницы, предусмотрено практически любым частным трудовым договором [1].

⁴ Ф. Хирш в 1976 г. предложил называть позиционными те блага, оценка которых в значительной мере зависит от контекста. Здесь контекст означает не абсолютное, а относительное распределение благ между членами группы. Непозиционные блага — это блага, при оценке которых контекст имеет незначительное значение. Общественные блага непозиционны, так как не должны быть источником относительных преимуществ, в отличие от местных благ, предоставляемых всем в одинаковом количестве и качестве.

Затронутые нами вопросы использования относительных благ как стимулов к поведению носят междисциплинарный характер. Рассмотрим кратко, как определяют эту проблему известные социологи. Для этого воспользуемся одной из немногих работ в мировой социологии, посвященных зависти (фундаментальному феномену общественной жизни человека) — книгой немецкого ученого Гельмута Шёка (1922–1993) «Зависть: теория социального поведения». Выделим следующие утверждения [2]:

1. Зависть и страх перед завистью других являются неустраняемыми элементами человеческих отношений. Зависть — это энергия, которая находится в центре жизни человека как социального существа и возникает как только два индивида начинают сравнивать себя друг с другом. Каждый человек должен быть склонен к зависти — без нее нельзя представить игру социальных сил. Человек всегда найдет то, чему можно завидовать, поэтому ликвидировать причины зависти невозможно.

2. Все культуры создавали концептуальные и ритуальные средства для защиты от тех, кто не имеет преимуществ, но радуется, когда другой утрачивает свои преимущества. Человек как социальное существо не смог бы построить социальные системы, если бы не существовали социальные запреты на объекты его зависти: табу на открытую декларацию зависти. Намеренные попытки заставить жертву сравнивать себя с более удачливыми людьми пытаются представить как новую идею, инновацию, позволяющую устранить неравенство и освободить завистника от зависти. Зависть к отдельным классам и группам в разные эпохи имеет свои образы, причины и объекты дискриминации, исследованием которых занимались Ф. Бэкон, Алексис де Токвиль, Ф. Ницше, Г. Зиммель, Ортега-и-Гассет, Я. Буркхард, О. Шпенглер и другие известные ученые. Каждый человек боится зависти. Эта первичная тревога существует на всем протяжении культурного развития человечества. Она привела к возникновению социальных институтов, которые позволили улучшить жизнь. Манипулирование стремлением к социальному равенству определяется способностью политиков влиять на чувство зависти своих избирателей.

3. Зависть — один из самых часто скрываемых фактов человеческой жизни на всех уровнях культурного развития. Концепт зависти для теоретиков и критиков социального устройства становился все более неудобным при использовании для объяснения социальных фактов. В начале XX в. специалисты по социальным наукам активизировали вытеснение концепта зависти и перешли к абстрактным терминам справедливости.

4. Материальные блага в обществах перераспределяются в первую очередь под давлением зависти, а не разума. Институт жалоб и доносов является наиболее дешевым способом социального контроля одних членов общества другими. Содержание мотивации доносителей включает не жадность, а месть, зависть, национализм и злобу. Легитимируя зависть людей, радикальные перераспределительные программы подрывают и/или тормозят те установки и способы мышления, без которых невозможны доверие и кооперация между большими группами ради достижения коллективных целей.

5. Появление крупных частных состояний, демонстративного потребления и роскоши возбуждает жадность среднего человека. Нереалистичные требования низших классов после распространения демократических институтов и контраст между теоретическими правами и практической невозможностью использовать их с выгодой для себя приводят к ослаблению легитимной власти и увеличению числа жаждущих вседозволенности. Социальная зависть толпы может быть направлена против институтов и людей, которые выступают предпосылкой экономического развития (среднего класса работодателей, банков, импортеров, иностранных компаний и др.). За короткий период простые люди способны превращать добродетели в недостатки и находить козлов отпущения. Вымогательство начинает восприниматься как норма. Страх правительства перед завистью играет важную роль в развязывании классовых конфликтов, ведущих к революции.

Из представленных утверждений известных экономистов и социологов следует:

а) не только абсолютный размер блага, но и сопоставление индивидуальных благ присущи природе человека и могут быть использованы как стимулы определенного поведения;

б) господствующая теория рационального поведения⁵ не учитывает стремления к относительному благу и дает неверное представление о мотивации тех, кто конкурирует на рынке, и о реальных изменениях;

в) факты, наблюдаемые в экономиках переходного периода, невозможно описать и объяснить в рамках традиционной микроэкономики, базирующейся на идее общего экономического равновесия и максимизирующего поведения. В переходные периоды осуществляется быстрое и существенное перераспределение коллективных благ, а мотивы участников этих процессов содержат относительные оценки и ожидания. В условиях активизации перераспределительных процессов действия руководителей фирм ориентированы в первую очередь на вытеснение из сферы бизнеса конкурентов, а не на максимизацию прибыли по детально разработанному плану;

г) высокие транзакционные издержки препятствуют формированию эффективных договоров, определяющих права и обязанности частных лиц, поэтому государство должно сдерживать зависть одних людей по отношению к другим, влиять на системы убеждения и мотивы поведения;

д) экономика не отделена, а соединена с политикой, поэтому позицию, согласно которой экономисты исследуют вопросы формирования богатства, а политики — его распределения, нельзя считать удовлетворительной;

е) принуждение с использованием силы необходимо для предотвращения захвата группами частных интересов органов контроля за коллективными благами. В долгосрочной перспективе применение насилия нельзя признать эффективным.

Сближению границ «зоны безразличия»⁶ — области, внутри которой исполнителю безразлично содержание приказа руководителя (в том смысле, что он не сомневается в его правомерности), способствуют следующие факты:

1. Ежегодный рост потребительских цен и тарифов, который с начала 1990-х гг. выступает главным стимулом развития отечественной экономики, и сопутствующие такому «стимулированию» крах предприятий, бегство капитала из страны и «перекачивание» рентабельности из обрабатывающих отраслей к монополиям [8, 9].

2. Замедление экономического роста: остановился рост потребления — главный фактор поддержки темпов роста ВВП в экономике [3, 6].

3. Государственный бюджет объявил режим экономии, и его приоритеты расходятся с целями стимулирования экономического роста — растут расходы на оборону и снижаются на развитие экономики и человеческого капитала [6]. При этом руководство страны «скрывает» бюджет: за пять лет (с 2012 г.) доля закрытых расходов увеличивается более чем вдвое и в 2016 г. составит 24% всех госрасходов⁷ [6]. Ведомства могут объявлять закрытыми любые расходы — формально это в их компетенции. Таким образом, развитие депрессии усугубляется мерами бюджетной экономии, что может обернуться растущей безработицей и падением реального уровня жизни населения.

⁵ Ортодоксальная экономическая теория поведения основана на бескомпромиссном допущении о том, что субъекты экономики рациональны, в том смысле, что они выбирают наивыгоднейшие решения; никакие компромиссы с «несовершенной» действительностью и новейшие исследования не отменяют данного допущения и построенных на его основе логических схем. Принципы и правила принятия решений, используемые в ортодоксальной теории поведения фирмы и отрасли, и их критика подробно рассмотрены в кн.: *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. — М.: Дело, 2002.

⁶ Термин «зона безразличия» использован У. Барнаром (1886–1961) при ранжировании приемлемых и неприемлемых для исполнителя приказов руководителя.

⁷ Возможно, правительство увеличивает резервы, предназначенные для ликвидации чрезвычайных ситуаций.

4. Сокращаются перечисления из федерального бюджета в дотационные регионы. Снижается устойчивость региональных бюджетов, для которых прибыль — одна из основных налоговых баз. Главная причина сокращения поступлений в бюджеты территорий не снижение налогов, а уменьшение перечислений из федерального бюджета [3].

5. Растущий дефицит рабочей силы ослабляет власть работодателей. Недостаток рабочей силы восполняется за счет гастарбайтеров, в основном мусульманского вероисповедания из Азии. Такая политика активизирует преступность на национальной и религиозной почве [4, 10].

6. Конфликты между феодальными элитами Северного Кавказа, которые последние двадцать лет вынуждена улаживать Москва [7].

Перечисленные явления помогают радикальным политикам манипулировать поведением простых людей, не искушенных в том, какие действия власти соответствуют компромиссу между коллективным и индивидуальным благом. Нам следует учиться существовать внутри парадоксов — принимать одновременно несколько противоречащих друг другу целей и идей, сопутствующих коллективным действиям. Примитивные ненаучные действия регуляторов ограничивают многообразие управляемой системы, удерживающее ее от распада, а также долгосрочный экономический рост. Задача интеллектуальной элиты — предотвратить нерациональные, нереалистичные действия политиков, преследующих сомнительную краткосрочную выгоду от коллективных действий.⁸ Решение этой важнейшей задачи современности возможно, если мы откажемся от междисциплинарного принципа организации общественных наук и попытаемся создать новую теорию, объединяющую экономику, социологию, политику и право.

Список литературы

1. *Френк, Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо / Р. Френк; пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
2. *Гельмут, Ш.* Зависть: теория социального поведения / Ш. Гельмут; пер. с англ. — М.: ИРИСЭМ, 2010.
3. Экономика России сохраняет медленный рост. Региональные бюджеты в целом пока слабо профицитны // Эксперт. — 2013. — № 44. — 4–10 нояб. — С. 94.
4. *Соколов, М.* Урок спецслужбам / М. Соколов // Эксперт. — 2013. — № 43. — С. 112.
5. Россия готовится к десяти тощим годам // Ведомости. — 2013. — 7 нояб.
6. Экономика у нуля // Ведомости. — 2013. — 22 окт. — С. 5.
7. Между мафией и революцией // Ведомости. — 2013. — 19 июня. — С. 6–7.
8. Кризис еще можно остановить // Эксперт. — 2013. — № 43. — 28 окт. — 3 нояб. — С. 15.
9. *Гурова, Т.* Записки для Белого Дома / Т. Гурова [и др.] // Эксперт. — 2013. — № 43. — 28 окт. — 3 нояб. — С. 17–22.
10. *Скоробогатый, П.* Бунт районного масштаба / П. Скоробогатый // Эксперт. — 2013. — № 42. — С. 16–21.
11. *Саймон, Г. А.* Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении. Теория фирмы / Г. А. Саймон. — СПб.: Экономическая школа, 1995.

⁸ После Второй мировой войны существует традиция, согласно которой администрация президента и правительственные органы США приглашают ведущих экономистов, социологов и политологов участвовать в выработке государственных решений.

С. Г. Важенин¹, В. В. Сухих²

ПОТЕНЦИАЛ КОНКУРЕНТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КОМПАНИЙ В РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Внимание экономистов и политиков к проектам реиндустриализации (неоиндустриализации) [4, с. 4–26] обусловлено экономическим и технологическим отставанием России от развитых стран, что угрожает ее национальным интересам и качеству жизни населения. Реиндустриализация российской экономики заключается в проектировании и развертывании внутренних индустриально-технологических цепочек, выпускающих готовые изделия как промышленного, так и потребительского назначения [5, с. 26]. С учетом утраты значительной части советских наработок в сфере НИОКР и высокотехнологичных производств выполнить эту задачу силами государства или отдельных компаний без сотрудничества с частными компаниями, без их предпринимательских инициатив, финансовых вложений, умения оперативно реагировать на стремительные изменения в современной экономике невозможно. Поэтому сегодня как никогда актуальны проблемы налаживания масштабного и долговременного сотрудничества между государством и частными компаниями, а также между самими компаниями.

Взаимодействию государства и частного бизнеса посвящено немало работ (см., к примеру, [11, с. 149–180]). Гораздо меньше попыток найти способ снижения потерь от конкуренции частных компаний, уменьшающей их потенциальный вклад в реиндустриализацию. Отношения между компаниями, как правило, определяются конкуренцией за финансовые ресурсы, потребителей и партнеров, что снижает желание компаний сотрудничать не только с существующими, но и с возможными конкурентами. Усиление конкуренции между регионами внутри страны, а со вступлением России в ВТО — и с зарубежными компаниями приводит к ожесточенной конкурентной борьбе между российскими компаниями, переходящей порой в войну на тотальное уничтожение соперников. Подобные войны ослабляют российскую экономику в целом и не соответствуют современным подходам к конкуренции и взаимодействию конкурентов. Зарубежный опыт доказывает, что высокая финансовоемкость разработки и внедрения новых технологий требует сотрудничества и взаимодействия сразу многих крупных компаний. Поэтому для реиндустриализации России необходимо, в том числе, сотрудничество и взаимодействие всех участников рынка для внедрения и освоения нового технологического уклада.

Вместе с тем отказ от конкурентной борьбы и замена ее директивным управлением со стороны государства невозможны, так как конкуренция является ценным институтом и механизмом регулирования социально-экономических отношений. Значимость конкуренции в контексте реиндустриализации проявляется в ее понимании как процедуры открытия (термин Ф. Хайека), «порождения» новых знаний и использования новых ресурсов [12, с. 3–4, 11–12].

Поэтому при проектировании и осуществлении реиндустриализации необходим новый подход к политике компаний, объединяющий преимущества сотрудничества с выгодами от конкуренции. На наш взгляд, для реиндустриализации следует использовать потенциал новых

¹ *Сергей Григорьевич Важенин*, заведующий сектором территориальной конкуренции Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), канд. экон. наук, e-mail: svazhenin@mail.ru

² *Василий Валентинович Сухих*, научный сотрудник сектора территориальной конкурентоспособности Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург), канд. экон. наук, e-mail: vsuhih@mail.ru

форм сотрудничества компаний в конкурентной экономике, активно изучаемых и внедряемых на Западе, однако практически не задействованных в нашей стране. Особенно перспективным представляется *конкурентное сотрудничество*, или *коопетиция*, так как этот подход показал свою эффективность в развитии наукоемких и высокотехнологичных отраслей Японии и ряда западных стран.

Как замечает Ю. Я. Ольсевич: «Неопределенность в экономике — одно из сущностных свойств хозяйства, означающее частичную непознаваемость механизма функционирования хозяйственной системы как субъектами хозяйства, так и экономической наукой. В условиях неопределенности решения, принимаемые субъектами хозяйства и государством, не могут быть полностью обоснованными и однозначно рациональными» [21, с. 47]. В основе проблемы неопределенности в экономической теории лежит присущая экономическому процессу устремленность в будущее. Блага производятся для того, чтобы удовлетворять потребности. Однако, как подметил Ф. Найт, приступая к производственной деятельности, невозможно точно предсказать, каковы будут ее результаты в физическом измерении, к какому количеству и качеству благ приведет расходование ресурсов. Сложно спрогнозировать и потребности, для удовлетворения которых предназначены блага [20, с. 229–230].

Неопределенность усиливают постоянные изменения, вызванные прежде всего научно-техническим прогрессом, порой кардинально меняющим потребности и способы их удовлетворения. Возникают угрозы, которые невозможно предвидеть и нельзя полностью устранить. При столь неблагоприятных условиях компании постоянно ищут новые стратегии и тактики собственного выживания, повышения жизнестойкости и процветания [30, с. 43–50].

Существуют две стратегии выживания компании, причем обе созданы с отсылками на биологические теории. В концепции «дарвиновской борьбы за выживание» хозяйственная деятельность компаний представляется как непрерывная конкурентная война с поглощением слабых при постоянной эволюции выживших в еще более опасных хищников. Данная стратегия была бы крайне эффективной, если бы не многочисленные внешние факторы — от необходимости соблюдать правила, установленные не компанией, и заканчивая все большим влиянием на деятельность компаний отношения к ней людей и общественной поддержки. «Майкрософт» может быть крайне эффективной и жесткой компанией, но потеря значительной части прибыли на территории Евросоюза была вызвана не низкой конкурентоспособностью компании, а разбирательствами, которые были инспирированы общественным мнением и вылились в многомиллионные штрафы [14]. Люди, не доверяющие самой эффективной компании, способны сделать ее неэффективной несмотря на всю ее стратегию и тактику.

Вторая концепция основана на предположении, что конкуренция хозяйствующих субъектов сильно отличается от борьбы без правил. Целью компаний становится не тотальная победа, а длительное выживание. Согласно этой стратегии, компании делают упор на жизнестойкость, умение, скорее, выдерживать удары, чем наносить их, громя конкурентов. При таком подходе изменяется само отношение к конкурентам, за которыми признается право на существование из-за больших издержек на их уничтожение. Если борьба с конкурентами может угрожать существованию компании, пусть даже возможная победа обеспечит увеличение прибыли, решение принимается в пользу относительно мирного сосуществования ради снижения рисков.

Экономисты стабильно отмечают рост неприятия рисков крупнейшими компаниями в развитых странах, по крайней мере с 1970-х гг. П. Бернштейн указывает, что после краха рынков акций и облигаций 1973–1974 гг. на фоне скачков цен на нефть у крупнейших американских корпораций боязнь потенциальных потерь оказалась сильнее притягательности потенциального выигрыша, что повлияло на стратегические решения. Когда нестабильность охватила сферы, в которых она ранее не причиняла особого беспокойства, менеджеры начали заботиться не столько о заработках, которые стали менее предсказуемыми, чем хотелось бы им и акционерам компаний, сколько о вы-

живании компаний [3, с. 208]. Это определило общую готовность экономистов и предпринимателей к пересмотру устоявшихся взглядов на конкуренцию и отказу от рисков конкурентного противостояния в обмен на повышение жизнестойкости компании через конкурентное сотрудничество.

На протяжении длительной экономической истории целью компаний провозглашалось тотальное превосходство вплоть до монополизации рынка. Достигалась эта цель прежде всего уничтожением конкурентов, порой методами, далекими от экономических: с помощью военной силы или государственного вмешательства. Некоторым компаниям (таким, как английская Ост-Индская, управляющая под конец своего существования значительной частью Индостана, или Русско-Американская компания, имевшая исключительные права на освоение Аляски) удавалось получить монополию, однако выгода компаний вступала в противоречие с интересами общества и государства, что приводило к ликвидации монополистов. Исторический опыт обусловил появление антимонопольного законодательства и провозглашение незыблемости конкуренции, гарантированной государствам во благо экономического развития всего общества.

Антимонопольное законодательство снизило остроту конкурентной борьбы, уменьшив выгоды от победы в ней. В наши дни выигрывающая конкурентную борьбу компания рискует не только попасть под государственные санкции, но и столкнуться с враждебными действиями собственных партнеров и покупателей. Партнеры, поставщики и потребители любой компании заинтересованы в конкуренции, так как, допустив монополию, они становятся уязвимыми в будущем. Так что участие в конкурентной борьбе, независимо от ее исхода, увеличивает риски компании. О'Шонесси выделяет три способа разрешения конфликтов между соперничающими фирмами: правовой, сотрудничество и конкурентная борьба [22, с. 270]. В современных условиях выгоднее использовать первые два как менее рискованные.

В современном экономическом пространстве, конкурируя за будущее, компании все больше зависят от способности предвидеть изменения или от умения создавать будущее, контролируя изменения, чтобы снизить потенциальные риски от внедрения новых продуктов и технологий [29, с. 29–31]. Создание будущего требует согласованности множества интересов. К примеру, в битве за формат DVD сошлись интересы кинобизнеса, телевидения, кинопроката, производителей теле-, видео- и компьютерной техники. Это привело к изменению отношений между старыми конкурентами — производителями аудио- и видеотехники, вызвало потребность в сотрудничестве. Подобные процессы налаживания сотрудничества компаний-конкурентов в установлении новых стандартов характерны для всех высокотехнологичных отраслей промышленности.

Изменились и конкурентные преимущества, обеспечивающие успех компаниям. Компании, наблюдая за конкурентами, анализируя их действия, занялись взаимным копированием, что приводило к успеху. От соревнования товаров, мало различающихся по внешнему виду и потребительским качествам, и конкуренции в сфере организационной структуры компаний начался переход в сферу репутации, имиджа и брендов [9, с. 134–150; 10, с. 136–143].

В новых условиях фирмы должны не только меняться сами, но и менять свои отношения с окружающим миром, в том числе с конкурентами. Джеймс Ф. Мур одним из первых отметил изменение приоритетов в политике компаний: переход от установок на конкурентную борьбу к стратегиям, ориентированным на сотрудничество [26, с. 73–75]. Новые отношения компаний не уничтожают конкуренцию, но вводят ее в определенные рамки, минимизируя риски и взаимные убытки. В. В. Радаев определяет современную конкуренцию не столько как столкновение, чреватое конфликтами, сколько как постоянное соотнесение деловых стратегий: «Конкуренция уподобляется групповому забегу на длинную дистанцию, когда каждый участник избегает столкновения с другими, но постоянно с двух сторон чувствует локти соперников. А постоянное наблюдение за их скоростью помогает каждому из участников соревнования выработать свои собственные ритм и стратегию» [25, с. 56].

Конкурентное сотрудничество — это новый и очень важный стратегический инструмент успешной работы в условиях неопределенности для осуществления эффективной реиндустриализации.

Как уже говорилось, компании все больше ориентируются не на прибыль, а на выживание, укрепление своей жизнестойкости. *Жизнестойкость* — это способность организационной структуры противостоять угрозам, быстро восстанавливаться [31, с. 72]. Этот термин стал популярным в российской бизнес-среде и экономической литературе после выхода на русском языке работ Й. Шеффи [32] и Д. Кутю [19], даже несмотря на то, что в обеих работах из-за их прикладного характера теоретического обоснования термина и самого явления жизнеспособности не было.

Есть и весьма скептические взгляды на жизнестойкость, в частности, Э. Пенроуз [23, с. 172–191] указывала, что если живые организмы подчиняются биологическим законам, то фирмы, руководимые людьми с уникальными мотивациями и целеполаганиями, вовсе не будут демонстрировать одинаковые реакции и одинаковый выбор альтернатив. Ущербность биологических аналогий из-за свободы воли человека трудно отрицать, однако и компании все меньше зависят от решений отдельных людей, превратившись в надиндивидуальные механизмы принятия решений, где формализация управления все больше стирает различия в реакциях на внешние и внутренние угрозы. Поэтому к современной компании правомерно относиться как к некоему квазиживому организму, действующему и реагирующему иначе, чем отдельный человек.

Сложность изучения жизнестойкости заключается в том, что «это качество, о наличии которого узнаешь лишь после того, как пришлось им воспользоваться» [19, с. 92]. Компаниям приходится учиться выживать еще до того, как в этом возникла необходимость, и без четкого понимания, какие именно и когда возникнут угрозы. Можно предположить, что жизнестойкость зависит от умения снижать риски и умения не рисковать, а также от умения сотрудничать и завоевывать доверие (риски, разделенные с другими участниками рынка, делают потери компании минимальными). Чем с большим числом экономических агентов сотрудничает компания, тем выше ее жизнестойкость, хотя с увеличением числа партнеров могут возрасти и риски. Однако сложно спорить с утверждением, что «сотрудничество — это рискованный, но и неизбежный выбор бизнеса» [28, с. 35]. Компаниям приходится все чаще сотрудничать для достижения своих целей, поэтому у ряда экономистов и практиков бизнеса возникла идея: почему бы не расширить традиционное сотрудничество и не посмотреть, можно ли получить выгоду от сотрудничества (или, по крайней мере, разделить риски) с конкурентами, раз уж они все равно существуют.

Ученые и практики бизнеса разработали концепцию доверительного взаимодействия и сотрудничества конкурентов. Такое взаимодействие обозначено термином «коопетиция» (Coopetition от COOperation — кооперация + comPETITION — конкуренция). Авторство этого термина принадлежит Р. Норде, генеральному директору Novell. Первоначально наиболее широкое распространение это понятие получило в компьютерной индустрии, столкнувшейся с задачей поиска новой формы организации взаимодействия между фирмами, разрабатывающими программное обеспечение и оборудование. Коопетиция рассматривалась как наиболее эффективный способ реализации инновационных разработок.

М. Кабрера выделяет три особенности коопетиции [15]:

1. Открытый обмен информацией и опытом, благодаря которому укрепляется доверие между конкурентами (как это произошло после подписания меморандума о взаимопонимании между компаниями «Форд» и «Тойота»).
2. Сосредоточенность на создании нового, так как коопетиция особо эффективна в тех отраслях, где создаются новейшие и сложнейшие технологии, требующие огромных затрат.
3. Заключение соглашений с партнерами, умеющими делать то, что не умеет делать ваша компания.

Теория коопетиции развита А. Бранденбургером и Б. Нейлбаффом [6]. Они рассматривают в рамках теории коопетиции взаимоотношения бизнеса и клиентов, конкурентов и партнеров как

игру, к которой могут подключаться новые участники, а старые участники могут применять новые правила или же меняться ролями, становясь из партнеров конкурентами, из потребителей — партнерами и т.д. Сложность ролей участников игры возрастает в теории коопетиции в разы, так как одних и тех же игроков авторы концепции предлагают рассматривать в нескольких ипостасях. В мире бизнеса все может внезапно поменяться: вчерашний партнер может стать конкурентом, и наоборот. Нанося вред интересам своего сегодняшнего конкурента, можно создать проблемы своему завтрашнему партнеру и проиграть. Неопределенность будущего заставляет гадать — не станут ли теперешние конкуренты жизненно необходимыми «дополнителями» или партнерами и не пора ли налаживать с ними сотрудничество уже сегодня?

Использование теории игр для понимания коопетиции предполагает сложности с доверием в условиях, когда правила игры могут постоянно меняться по решению отдельных людей и компаний. При этом рассмотрение проблемы доверия ограничивается парой страниц и простым тестом на доверие. Для доказательства своих преимуществ рекомендуется соглашаться на контракты с оплатой по результатам работы, предлагать гарантию, давать потребителям возможность бесплатно попробовать продаваемый им продукт, а также рекламировать свои услуги и товары [6, с. 276–277]. Подобная ограниченность в рассмотрении доверия исключает возможность тщательного анализа весьма частой ситуации недоверия. Насколько конкуренты готовы доверять друг другу в сохранении взаимовыгодных условий сосуществования на рынке? Просчитывают ли они собственные экономические потери в случае успешной (и тем более неуспешной) стратегии вытеснения из бизнеса своих конкурентов? Насколько они готовы признать саму возможность коопетиции и правомерность рассмотрения своих действий в рамках этой концепции? На многие подобные вопросы каждой компании приходится отвечать самостоятельно.

Определить ценность коопетиции для конкретной компании можно путем расчета добавленной стоимости. Добавленная стоимость — это показатель того, что каждый игрок привносит в игру, это разница между тем, что другие игроки могут сделать с вашим участием, и тем, что они могут сделать без вас. Если компания требует больше, чем вносит, то другим игрокам выгодней обойтись без нее [6, с. 64–65]. Таким образом, участники игры постоянно должны рассчитывать как свою долю добавленной стоимости, так и вклад прочих участников, чтобы не потребовать для себя несоразмерно большой выгоды (что может вынудить других участников обойтись без этой компании в будущем сотрудничестве) и не снизить свою выгоду за счет незаслуженных претензий партнеров.

Существование и даже процветание конкурентов может быть выгодным. В эссе 1758 г. «О зависти в торговле» шотландский философ и экономист Дэвид Юм, рассматривая тему давних враждебных отношений англо-французского экономического соперничества, написал: «Я решаюсь думать, что поступаю не только как человек, но и как британский подданный, когда желаю процветания торговле Германии, Испании, Италии и даже самой Франции. По крайней мере, я уверен, что Великобритания, как и все эти страны, находилась бы в более цветущем состоянии, если бы ее государи и министры прониклись чувствами широкого доброжелательства по отношению к другим народам» [33, с. 80–85]. По нравам того времени, когда целью соперничества было тотальное уничтожение конкурента, заявление парадоксальное. Однако это утверждение стало одним из принципов коопетиции. А. Бранденбургер и Б. Нейлбафф отмечают, что иногда лучший способ добиться успеха — это дать возможность преуспеть другим [6, с. 55]. Процветающий конкурент будет вести более осторожную и менее агрессивную политику, так как ему есть что терять при нарастании напряженности — ценовых войнах и пр. В то же время конкурент на грани разорения опасен и готов идти на крайние меры, чтобы нанести смертельный удар торжествующему «победителю». По мнению сторонников коопетиции, смириться с существованием конкурентов можно, рассматривая их как «дополнителей» компании, приносящих пользу несмотря на конкурентное соперничество.

Наличие общих интересов предполагает заинтересованность в сотрудничестве. К примеру, все компании по производству, продаже и обслуживанию автомобилей заинтересованы в развитии дорожной инфраструктуры и предпринимают совместные усилия по улучшению дорог. Все они заинтересованы в «автомобилизации» населения, в программах по доступности автомобильного кредита, недорогого автострахования и т.д. Следовательно, им выгодно сотрудничать по нескольким направлениям, оставаясь конкурентами по основной деятельности. Иногда для развития отрасли в целом компания готова делать конкурентам подарки, например, бесплатно предоставляя им уникальные технологии и материалы. Так, крупнейшая компания по производству электромобилей «Tesla» объявила, что подарит патенты на свои изобретения всем производителям электроавтомобилей. Владелец компании американский миллиардер Элон Маск не опасается за свой бизнес, считая, что технологическое лидерство определяется не патентами, а способностью компании привлекать на работу лучших инженеров [34].

Приверженцы теории коопетиции предлагают рассматривать бизнес-сотрудничество в конкурентных условиях как совместное выпекание пирога: «сотрудничество при выпечке, конкуренция при дележке». Чем слаженней и эффективней будет сотрудничество при «выпечке», тем больше будут части готового продукта, доставшиеся каждому из конкурентов. Классическим примером являются совместные усилия автопроизводителей США по расширению автомобильных трасс, что повлекло за собой увеличение продаж автомобилей. Также указываются программы развития новых технологий, объединяющих конкурентов, каждый из которых не в состоянии инвестировать дорогостоящие исследования в одиночку. Однако эти яркие примеры коопетиции были бы невозможны без координирующей роли государства, гарантирующего равенство участников в получении результатов совместных усилий. И в США, и в Японии программы НИОКР объединяют компании-конкуренты под эгидой правительства. Государство становится внешним гарантом доверия, но оно не может активно вмешиваться во все подобные проекты коопетиции.

Что же позволяет достичь доверия и запустить процессы коопетиции в условиях без внешнего гаранта доверия? Коопетиция требует высокой сознательности и рациональности от предпринимателя, готовности пересмотреть отношения с конкурентами и трезво оценить выгодность и эффективность сотрудничества. При коопетиции очень важны личные отношения — этика и честность в компании повышают ее ценность как партнера и «дополнителя». Завоевав подобное доверие, компания укрепляет свою жизнестойкость. Так как ее уход с рынка принесет потери конкурентам, они объективно заинтересованы в ее успехе. Экономика все больше зависит от доверия. Необходима стратегия конструирования доверия, создание целой цепи доверительных отношений и отношений дополненности и незаменимости [8, с. 22–34].

Пионером в использовании коопетиции является Япония. Страна со скудными природными ресурсами и технологическим отставанием от стран Европы и США нуждалась в принципиально новом подходе к модернизации экономики. Организация кооперации промышленности впервые была опробована в 1912 г. для разработки железнодорожной техники. Высокая эффективность начинания позволила распространить его на другие отрасли промышленности. Инициативу в кооперации и коопетиции, как правило, проявляло государство, оно же избирало участников из частных компаний и определяло их права на использование совместно полученных результатов. Такая форма организации технического прогресса первоначально применялась, как правило, в тех случаях, когда государство выступало одним из главных заказчиков новой техники. Опыт межсекторальной кооперации, полученной в период индустриализации, стал основой, на которой строятся современные японские национальные программы [1, с. 34–36].

Государство активно поддерживало межфирменные союзы ученых и инженеров, позволяющие специалистам не замыкаться на проблемах своих компаний, а обсуждать и решать проблемы, актуальные для всей экономики или отдельных отраслей промышленности. Государство сдерживало чрезмерную конкуренцию, которая могла нанести вред стране и самим компаниям. Государство

принимало меры к тому, чтобы приобретение новшества содействовало техническому прогрессу не только купившей его фирмы, но и всей отрасли производства. Когда японские компании — производители стали — Nippon Steel и Nippon Kokan в 1956 г. хотели купить лицензии на новую технологию, их конкуренция была выгодна австрийской фирме Alpine — продавцу технологии, но создавала невыгодную ситуацию для японской стороны. Благодаря вмешательству чиновников профильного ведомства министерства внешней торговли и промышленности было достигнуто соглашение между конкурентами, согласно которому лицензию покупала одна фирма, но с правом на продажу сублицензии. После завершения сделки и получения лицензии сублицензия была передана конкуренту. В выигрыше оказались обе японские компании (они получили новую технологию по более низкой цене) и сталелитейная промышленность Японии в целом [1, с. 83].

Сложившаяся в Японии политика кооперации и коопетиции в НИОКР была оформлена в 1962 г. принятием закона о научно-технической кооперации, где прописано право на кооперацию промышленных фирм как субъектов научно-технической деятельности. Угроза для свободы конкуренции снималась двумя обстоятельствами.

Первое — ограничение коллективных исследовательских работ так называемой доконкурентной стадией. Разрешается объединять усилия для решения фундаментальных научных проблем, исследования новых физических принципов и способов их использования, нахождения принципиальных технических решений и проверки таковых на макетах, экспериментальных установках и образцах, но не для создания конкретной рыночной продукции. Чтобы перейти от совместно полученных результатов к товару, готовому для продажи, необходима основательная конструктивная и технологическая проработка. На базе принципиальных решений, апробированных на «доконкурентной», коллективной стадии, могут появиться десятки и сотни разнообразных устройств и систем. Вот здесь и разворачивается острейшая конкурентная борьба за то, чтобы быстрее и эффективнее использовать совместно созданный научный задел. В такой форме кооперация не убивает конкуренцию, а даже усиливает ее, помогая всем участникам повысить свой технический уровень.

Второе — частные фирмы, принимая участие в коллективных исследовательских работах, не подменяют ими свою собственную исследовательскую базу, а лишь дополняют ее, полностью сохраняя и продолжая развивать свой исследовательский потенциал. Кроме всего прочего, собственный технический потенциал является решающим условием равноправного участия в кооперации и возможности извлечь из нее максимальную выгоду [1, с. 89–93].

Опыт Японии был востребован другими развитыми странами. В частности, в США также был создан гибкий хозяйственно-правовой механизм, допускающий широкое разнообразие форм организации индивидуальной и кооперативной деятельности в сфере НИОКР и освоения их результатов, комбинирования ресурсов частных, правительственных организаций и университетов для решения крупномасштабных задач [17, с. 85]. Аналогичный механизм был создан и в Евросоюзе, что позволило ему реализовать свои авиакосмические программы.

В российской экономике коопетиция по-прежнему редкое явление. Потенциал конкурентного сотрудничества остается недооцененным либо вообще не замечается. Практически отсутствует стремление к сотрудничеству с конкурентами, что обусловлено большей зависимостью политики российских компаний от мнений и антипатий их владельцев, чем у аналогичных по размерам западных корпораций, управляемых наемными менеджерами. Некоторым компаниям наличие конкурентов требуется для поддержания боевого настроя и соревновательного духа, для самосовершенствования в процессе борьбы. Но рано или поздно придет осознание, что конкуренты — это неизбежность, с которой надо не только смириться, но и попытаться использовать себе во благо. Свою роль должны сыграть развитие антимонопольного законодательства и борьба с коррупцией.

Отметим и положительные тенденции. На коопетицию работают процессы консолидации бизнес-сообщества, в частности, успешная работа Торгово-промышленной палаты РФ и регио-

нальных торгово-промышленных палат. Увеличивается количество региональных и всероссийских организаций, объединяющих предпринимателей по территориальному или производственному признаку. В рамках подобных организаций закладываются основы коопетиции: взаимодоверие и взаимопонимание, осознание общих интересов и готовность решать противоречия цивилизованным путем.

Из анализа открытых источников следует, что российские компании готовы осуществлять или уже осуществляют конкурентное сотрудничество по нескольким направлениям:

1. Взаимодействие с органами государственной власти, решение правовых проблем регулирования бизнеса. Здесь, помимо Торгово-промышленной палаты РФ, активно действует Российский союз промышленников и предпринимателей.

2. Решение отраслевых проблем развития.

3. Подготовка кадров. После распада СССР многие предприятия отказались от поддержки профильных учебных заведений, что спустя 20 лет привело к нехватке специалистов в целом ряде отраслей, прежде всего в металлургии и машиностроении.

Однако создание доверия между конкурентами и коопетиции затруднительно без координирующих усилий государства [27, с. 155–172]. Поучителен в этом плане опыт прошлого. В царствование Петра Великого русское купечество не было объединено, каждый действовал сам за себя, в итоге — пропадали поодиночке, процветали обман покупателей и партнеров. Занимавшийся торговыми делами И. Т. Посошков, обвинял русских купцов в постоянных обманах и неспособности договориться ради сохранения собственных интересов при конкуренции с иностранными торговцами: «... купечество у нас в России чинитца вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою союзнства ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают, а в зарубежных торгах коварства между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества» [24, с. 103]. Поэтому власти, понимавшие важность развития экономических отношений и необходимость процветания купечества, учредили гильдии, объединившие всех купцов и регламентирующие не только правила торговли и промышленности, но и купеческое добронравие. Гильдии помогли купцам выработать меры, необходимые для сохранения доверия в экономике, способствовали повышению самосознания и самоорганизации.

В современной экономике развитию коопетиции способствует создание кластеров и технопарков. К сожалению, российский опыт организации кластеров и технопарков как площадок для потенциальной кооперации и коопетиции слишком невелик, предпочтение отдается слияниям и поглощениям компаний, а не разным формам сотрудничества, тем более с конкурентами. С нашей точки зрения, это обусловлено недостаточным вниманием к проблемам жизнестойкости компаний и низким уровнем доверия в экономике России. Тем не менее сама логика экономического процветания, ныне прочно завязанная на лидерстве в НИОКР, требует от российских компаний пересмотра взглядов на конкуренцию, а от государства — концентрации усилий на разработке программ кооперации и коопетиции. Коопетиция является важнейшим фактором успеха реиндустриализации. Без принятия стратегий, выработанных на основе этого подхода, сложно добиться сотрудничества частных компаний.

Рассматривая проблемы коопетиции, обратим внимание на *территориальный аспект*, тем более что проблемы конкурентного сосуществования территорий все активнее обсуждаются чиновниками и экономистами [7, с. 61–70]. Конкуренция между компаниями происходит на определенной территории и может быть (как и сотрудничество) источником как развития, так и кризиса для региона. Способность региона конкурировать зачастую определяется его умением обеспечить честную конкуренцию, стремясь избежать и чрезмерной монополизации части рынка, и излишней конкурентной войны. Важность соблюдения соответствия между конкуренцией и сотрудничеством можно понять на примере Свердловской области. В области наряду с общими про-

блемами, присущими всем регионам России, существуют проблемы, связанные с особенностями хозяйственного и ресурсного развития. Распад после 1991 г. единого хозяйственного механизма на части, принадлежащие порой враждебным и настроенным на конкуренцию частным структурам, губительно сказался на индустриальном потенциале Свердловской области. Сейчас принимаются программы по построению новых производств, соответствующих технологиям XXI в. Однако их освоению мешают отсутствие кооперации и коопетиции в пределах области, политика крупных компаний, которые жертвуют интересами региона ради решения корпоративных задач.

Преимущества коопетиции в научно-техническом сотрудничестве должны помочь в реализации программ реиндустриализации области. Правительством Свердловской области и Институтом экономики УрО РАН была разработана и принята программа развития кооперации на территории области до 2020 г. [13]. Программа рассчитана на поддержку внутриобластных производств и защиту промышленности от внешних угроз, в том числе через осознание общих интересов и организацию сотрудничества для достижения взаимовыгодных результатов. Пока же соперничество коммерческих структур ставит под угрозу развитие всей области. Еще в 2009 г. отмечался ряд проблем в металлургическом комплексе. Машиностроительные предприятия Свердловской области не обеспечивают конкурентные требования к продукции, ее приемлемую стоимость и сроки поставки, которые выше, чем в других регионах РФ и у зарубежных поставщиков. Поэтому при наличии источников сырья и производства нужного оборудования в границах области идет его закупка в других регионах. Например, УГМК закупает кокс в ОАО «Алтайкокс», который аффилирован к структуре УГМК. В то же время ОАО «НТМК» с января 2009 г. из-за отсутствия спроса закрывает две коксовые батареи. Отечественные машиностроительные предприятия не в состоянии обеспечить комплексность поставки и финансовые условия реализации крупномасштабных проектов реконструкции. Так, проводимая ОАО «НТМК» полномасштабная реконструкция производства проходит с участием австрийского концерна «Siemens-Voest-Alpine», который инвестирует средства в развитие комбината на условиях «связанного» кредита. При таких условиях участие «наших» машиностроителей невозможно. Производители машиностроительной продукции других регионов предоставляют рассрочку по платежам, а местные на такую уступку не идут. Отсутствуют региональные цепочки и механизм взаимного финансового погашения для «расшивки» неплатежей. Необходима проработка различных механизмов расчетов.

При внутриотраслевых поставках в металлургии не удается сохранить внутрирегиональные связи. ОАО «Первоуральский динасовый завод» закупает глинозем в Казахстане, поскольку глинозем с предприятий Свердловской области (Богословского и Уральского алюминиевого заводов) дороже, а качество продукции хуже. ОАО «КУМЗ» закупал алюминий на 2009 г. в Казахстане и в Африке, хотя рядом находится УАЗ, который может в полном объеме закрыть его потребность в алюминии.

При проведении ОАО «НТМК» тендера на поставку прокатных валков с участием ОАО «Кушвинский завод прокатных валков» (Свердловская область) и ЗАО «Магнитогорский завод прокатных валков» (Челябинская область) цена, выставаемая ОАО «КЗПВ», практически в два раза выше. В результате прокатные валки закупаются в Челябинской области.

По результатам ряда совещаний промышленники Среднего Урала высказали готовность к производственной кооперации. Однако корпоративные интересы по-прежнему ставятся выше региональных, в частности, сохраняются странные отношения между соседними заводами «КУМЗ» и «УАЗ», когда первый завод закупает алюминий в Сибири, а второй встает на консервацию, так как его алюминий не находит покупателя [2].

Становление конкурентного сотрудничества поможет по-новому взглянуть на взаимодействие в бизнесе, а понимание общности интересов в развитии своего региона позволит разработать программы повышения качества и конкурентоспособности продукции местных заводов. Поддержка металлургии и машиностроения имеет первостепенное значение для региона, поэтому суще-

ствующие проблемы, когда сырье и продукцию предприятий Свердловской области не покупают местные же предприятия, необходимо решать.

Одним из путей решения проблем является создание новых производственных и исследовательских площадок в рамках программ развития промышленных парков и кластеров. Именно кластеры, как справедливо подчеркивают Н. В. Кузнецов и М. А. Перун [18, с. 138], играют ведущую роль в достижении конкурентной устойчивости региона, создавая необходимую критическую массу для успеха в конкурентной борьбе за стратегические ресурсы, место и роль в глобализируемой экономике. Бизнес-сообществом совместно с органами власти Свердловской области начаты проекты по созданию нескольких высокотехнологичных кластеров: Титановой долины, IT-кластера в Екатеринбурге, фармакологического кластера и т.д. Отметим детально проработанный проект Уральского строительного кластера (УСК), который, помимо прочего, обеспечит предприятиям области совместный доступ к новому оборудованию и новым материалам. Инициатором создания кластера является Союз предприятий строительной индустрии Свердловской области, самый крупный из союзов строительного комплекса в России — в его состав входят более 220 предприятий. Создание УСК позволит:

- выработать общую политику участников строительного рынка в сфере стандартов, подготовки кадров, внедрения современных технологий и материалов, информатизации коммерческих процессов и др.;
- консолидировать строительные организации региона для участия в федеральных и региональных конкурсах, тендерах наравне с другими крупными строительными структурами и организациями;
- повысить конкурентоспособность продукции и услуг строителей за счет снижения цен, расширения спектра продукции и услуг на основе эффективного взаимодействия, позволяющего снижать общие издержки;
- формировать общие центры компетенции, стимулирующие развитие кадров, технологий строительства и производства инновационных материалов;
- создать единую информационно-коммерческую среду для всех участников рынка на основе внедрения электронной торговой системы;
- стимулировать развитие малого и среднего бизнеса в строительстве;
- оптимально распределить риски между участниками кластера и др. [16, с. 5].

Однако все подобные проекты кластеризации зависят не только от инициатив снизу — от союзов предпринимателей, их региональных и федеральных представительств. Важно, чтобы региональные власти осознали вклад коопетиции в улучшение конкурентных позиций области. Нам представляются перспективными следующие направления, по которым можно объединить усилия для обеспечения благоприятных условий для коопетиции:

1. Сведение к минимуму транзакционных издержек сотрудничества. Это достигается прежде всего за счет создания информационных органов, обеспечивающих нужными сведениями и консультациями все заинтересованные в сотрудничестве компании, особенно представителей малого и среднего бизнеса, которые не могут самостоятельно проводить рекламные кампании, требуемые для развития бизнеса, вести мониторинг рынка предложений и заниматься аналитикой с целью прогнозирования изменений. Подобные информационные органы уже возникают при региональных торгово-промышленных палатах и союзах предпринимателей, но зачастую замкнуты в пределах одной узкой отрасли и недостаточно эффективны.

2. Построение требуемой инфраструктуры сотрудничества. Согласно определению Р. Уэлборна и В. Кастена, «... инфраструктура сотрудничества представляет собой структуру, которая определяет, согласовывает и координирует разнообразные методики, инструменты, подходы и бывшие некогда специализированными методики с целью решения набора деловых инициатив... Она основана на осознании того, что компании будут — по необходимости и по собственному

выбору — работать совместно по собственной инициативе и что ни одна компания независимо от ее знаний и позиции не может работать обособленно» [28, с. 245–246].

3. Формирование институциональной среды сотрудничества. При активном развитии бизнеса невозможно контролировать и управлять всеми формами сотрудничества в «ручном режиме» силами органов власти или союзов предпринимателей. Надо создать соответствующий климат, чтобы сотрудничество вошло в привычку, а потом стало нормой — институтом повседневного экономического поведения. Для этого нужны изменения как в мотивации предпринимателей (им следует познакомиться с теориями коопетиции), так и в региональной экономической политике (обеспечение льгот и преференций, прежде всего для сотрудничества в сфере НИОКР).

Успешное развитие в соответствии с обозначенными направлениями обеспечит прочную основу взаимодействия в реиндустриализации. Такие проекты, как Уральский строительный кластер, «Титановая долина» и т.д., демонстрируют готовность местных компаний и правительства Свердловской области к сотрудничеству. Насколько эти проекты будут эффективны и смогут ли они изменить отношение к коопетиции, чтобы реализовать ее потенциал на благо реиндустриализации России, покажет будущее.

Список литературы

1. Авдулов, А. Н. Государственная научно-техническая политика Японии / А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин. — М.: ИНИОН, 2000.
2. Алюминий — имя политическое. КУМЗ просит сменить сибирских поставщиков на местных // <http://uralpolit.ru/news/econom/reviews/1376315867-alyuminii-imya-politicheskoe-kumz-prosit-smenit-sibirskikh-postavshchikov-na-mestnykh>
3. Бернстайн, П. Против богов. Укрощение риска/П. Бернстайн. — М.: Олимп-бизнес, 2000.
4. Бодрунов, С. Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 4. — С. 4–26.
5. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 1.
6. Бранденбургер, А. Конкурентное сотрудничество в бизнесе / А. Бранденбургер, Б. Нейлбафф. — М.: Кейс, 2012.
7. Важенин, С. Г. Конкурентное сосуществование территорий: потенциал становления / С. Г. Важенин, И. С. Важенина // Региональная экономика: теория и практика. — 2014. — № 24.
8. Важенин, С. Г. Архитектура доверия в экономике / С. Г. Важенин, В. В. Сухих // Журнал экономической теории. — 2010. — № 3.
9. Важенина, И. С. Деловая репутация как конкурентный ресурс компании / И. С. Важенина // Журнал экономической теории. — 2006. — № 4.
10. Важенина, И. С. Имидж и репутация организации: экономическое содержание, формирование и оценка / И. С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. — 2010. — № 2.
11. Варнавский, В. Г. Становление и развитие ГЧП в России / В. Г. Варнавский, А. В. Клименко, В. А. Королев // Государственно-частное партнерство. Теория и практика. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
12. Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации / под общей ред. С. С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт, 2008. — Т. 1.
13. Программа развития кооперации на территории Свердловской области до 2020 года/ А. Л. Гредин, А. И. Татаркин, Ю. П. Зибарев [и др.]. — Екатеринбург: Правительство Свердловской области, Институт экономики УрО РАН, 2009.
14. Европейский союз против «Майкрософт» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

15. *Кабреpa, М.* Коопетиция — новое слово в стратегии / М. Кабреpa // <http://hbr-russia.ru/upravlenie/strategiya/p13385>
16. Концепция и практика формирования Уральского строительного кластера. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013.
17. *Кочетков, Г. Б.* Роль государства в управлении научно-техническим комплексом / Г. Б. Кочетков // Государственная экономическая политика США: современные тенденции. — М.: Наука, 2002.
18. *Кузнецов, Н. В.* Рейтинговая оценка регионов России с позиции концепции устойчивого развития экономики / Н. В. Кузнецов, М. А. Перун // Менеджмент в России и за рубежом. — 2006. — № 6.
19. *Кутю, Д.* Секреты жизнестойкости / Д. Кутю // Управление бизнесом в бурные времена. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
20. *Найт, Ф. Х.* Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт. — М.: Дело, 2003.
21. *Ольсевич, Ю. Я.* Фундаментальная неопределенность рынка и концепции современного кризиса / Ю. Я. Ольсевич. — М.: Институт экономики РАН, 2011.
22. *Шонесси, О'.* Конкурентный маркетинг: стратегический подход / О'Шонесси. — СПб.: Питер, 2001.
23. *Пенроуз, Э.* Биологические аналоги в теории фирмы / Э. Пенроуз // Управление изменениями. — СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010.
24. *Посошков, И. Т.* Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. — М.: Соцэкгиз, 1937.
25. *Радаев, В. В.* Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. — М.: ГУ ВШЭ, 2003.
26. *Тарануха, Ю. В.* Стратегия поведения в современной конкуренции / Ю. В. Тарануха // Маркетинг в России и за рубежом. — 2014. — № 2.
27. *Татаркин, А. И.* Государство в системе отношений доверия в экономике / А. И. Татаркин, С. Г. Важенин, В. В. Сухих // Общество и экономика. — 2006. — № 10. — С. 155–172.
28. *Уэлборн, Р.* Деловые партнерства: как преуспеть в совместном бизнесе / Р. Уэлборн, В. Кастен. — М.: Вершина, 2004.
29. *Хамел, Г.* Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К. К. Прахалад. — М.: Олимп-Бизнес, 2002.
30. *Чернышов, А. Г.* Экономика и управление в условиях неопределенности: подходы к формированию стратегий развития в современных условиях / А. Г. Чернышов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2. — С. 43–50.
31. *Чернявский, И.* Концепция жизнестойкости / И. Чернявский // Экономист. — 2008. — № 5.
32. *Шеффи, Й.* Жизнестойкое предприятие. Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество / Й. Шеффи. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
33. *Бентам, Юм* / Библиотека экономистов-классиков (отрывки работ) / Юм Бентам. — Вып. 5. — М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1895.
34. Tesla подарит патенты на электромобили своим конкурентам // <http://top.rbc.ru/economics/14/06/2014/930160.shtml>

Л. М. Хандажапова¹, Н. Б. Лубсанова², С. Ж. Дагданова³

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В условиях глобализации, когда усиливаются интеграционные процессы в обществе и во всех секторах экономики, возрастает международная и межрегиональная конкуренция на рынках товаров и услуг, особую актуальность приобретают вопросы формирования и развития инфраструктуры, снижения инфраструктурных рисков экономического развития регионов.

В настоящее время в понятие «инфраструктура» включают совокупность условий эффективного развития не только материального производства, но и других сфер общественной жизни. Традиционно к инфраструктуре относят отрасли, обеспечивающие инфраструктурные услуги. При этом рассматриваются не только промышленная и социальная, но и другие виды инфраструктуры (банковская, рыночная, инвестиционная и др.). Так, О. В. Гладких включает в инфраструктуру объекты и структуры, обеспечивающие «экономический оборот ресурсов» [1]. О. С. Пчелинцев представляет инфраструктуру как объекты, обеспечивающие «ресурсные предпосылки экономического роста» [2]. Ю. А. Жаравина считает, что инфраструктура обеспечивает «воспроизводство материальных благ и социальное развитие человека» [3]. По мнению А. И. Кузнецовой, инфраструктура подразделяется на отраслевую и специализированную.

В нашей работе под инфраструктурой понимаются отрасли, обеспечивающие функционирование общественного производства и условия жизнедеятельности общества: производственная, социальная, рыночная, финансовая, научная, информационная и экологическая инфраструктуры, входящие в инфраструктурную систему региона. Как известно, инфраструктура региона обеспечивает движение материальных средств (природных ресурсов, энергии, товаров, трудовых ресурсов, информации, связи) между предприятиями отрасли, создание рабочих мест, рост потребительского спроса и способствует росту налоговых поступлений в бюджеты разных уровней.

Оценить влияние инфраструктурных подсистем на экономическое развитие региона можно на основе инфраструктурных рисков. В. С. Антонюк и Г. В. Эрлих под инфраструктурным риском понимают «возможность возникновения неблагоприятных ситуаций в ходе деятельности предприятий инфраструктуры» [4]. Е. К. Симакова и П. С. Голубкин предлагают при оценке инфраструктурных рисков учитывать последствия не только для предприятий инфраструктуры, но и для третьих лиц и соответственно снижать отрицательные эффекты путем страхования [5]. Е. В. Хечиев инфраструктурные риски определяет как «вероятные потери ресурсов или недополученные доходы в результате негативных последствий» [6].

Мы в своей работе под инфраструктурным риском понимаем вероятные потери ресурсов или недополучение прибыли в результате возникновения неблагоприятных ситуаций в ходе деятельности предприятий инфраструктуры (табл. 1).

Инфраструктурные ограничения обуславливают потери и инфраструктурные риски. На основе анализа инфраструктурных ограничений определяются факторы, ограничивающие полу-

¹ *Любовь Михайловна Хандажапова*, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, канд. экон. наук.

² *Наталья Борисовна Лубсанова*, ведущий инженер Байкальского института природопользования СО РАН.

³ *Сэлмэг Жамьяндоржиевна Дагданова*, ведущий инженер Байкальского института природопользования СО РАН.

Инфраструктурные риски региона

Инфраструктурные подсистемы региона	Инфраструктурные ограничения	Инфраструктурные риски
Транспорт	Высокие тарифы транспортных услуг, износ основных фондов	Риски при строительстве дорог и их эксплуатации, потери, связанные с высокими ценами на транспорт, сырье, материалы, топливо и др.
Связь	Низкий уровень доступности тарифов на услуги, износ основных фондов	Потери, обусловленные дороговизной технологического оборудования, материалов и др.
Электроэнергетика	Нехватка сырья, материалов, технологического оборудования	Потери, обусловленные высокими ценами на топливо, сырье, материалы и др.
Финансово-кредитная сфера	Низкий уровень кредитования реального сектора экономики, малочисленность лизинговых компаний, фондов поддержки предпринимательства и др.	Потери, обусловленные высокими процентными ставками, страховыми взносами, невыгодными условиями лизинговых контрактов, неплатежеспособностью предприятий и населения
Образование	Износ основных фондов системы образования	Потери, обусловленные недостатком мощности (доступности) инфраструктуры; риски, связанные с обеспечением финансирования, риски снижения качества жизни
Здравоохранение	Износ основных фондов системы здравоохранения	Потери, обусловленные недостатком мощности (доступности) инфраструктуры; риски, связанные с обеспечением финансирования, риски снижения качества жизни
Жилищно-коммунальная сфера	Износ жилищного фонда, низкий уровень благоустройства жилищного фонда, высокая стоимость жилья, низкие доходы населения	Потери, обусловленные недостатком мощности (доступности) инфраструктуры; риски, связанные с обеспечением финансирования, риски снижения качества жизни

чение прибыли предприятиями региона при потреблении инфраструктурных услуг. Как известно, развитие инфраструктуры является одним из значимых факторов повышения инвестиционной привлекательности и конкурентных преимуществ любого региона.

Как показали расчеты, Республика Бурятия отстает по уровню развития инфраструктуры от регионов СФО (11-е место) (рис. 1). Оценка выполнялась на основе интегрального показателя эффективности развития инфраструктуры, включающего группы показателей (табл. 2).

Как показывает анализ, наиболее существенным ограничением экономического развития региона является недостаточное развитие транспортной системы, тесно связанной со всеми отраслями экономики и социальной сферы. Объемные и качественные показатели транспортной инфраструктуры не способствуют эффективному развитию региональной экономики. Так, показатель грузоемкости экономики Республики Бурятия составляет 8,8 т-км/долл., что превышает среднероссийский показатель в 3 раза, тогда как в развитых странах данный показатель составляет 1,5...2 т-км/долл. (рис. 2). При этом доля транспортных издержек в себестоимости продукции, произведенной крупными и средними предприятиями, составляет по России в целом

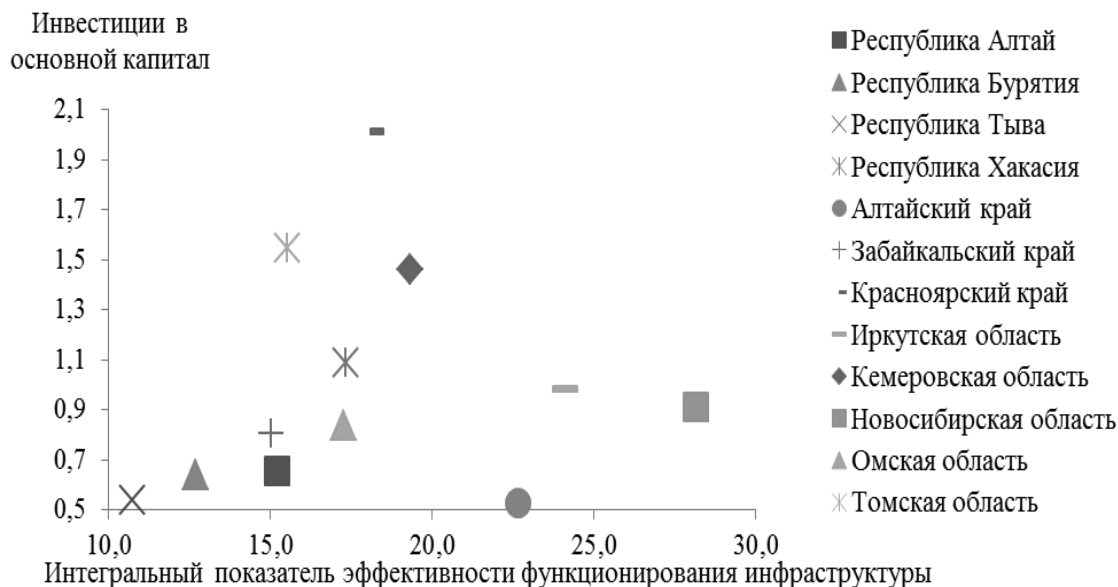

Рис. 1. Оценка эффективности функционирования инфраструктуры регионов СФО

7,85%, в Республике Бурятия — 3,15%. Доля затрат грузоперевозок магистральными железными дорогами в Бурятии составляет 0,74%, промышленными железнодорожными путями — 1,39%, автомобильным транспортом — 0,88%.

Таблица 2

Оценка эффективности функционирования инфраструктуры региона

Группа показателей	Показатели
Транспорт	Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, км дорог на 1000 км ² территории; отправление пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в расчете на 1000 населения, тыс. чел; пассажирооборот автобусами общего пользования, млн т-км; наличие собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения, шт.
Связь	Число зарегистрированных абонентских терминалов сотовой связи, шт./1000 чел. населения; число квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1000 чел. населения
Электроэнергетика	Производство электроэнергии на душу населения
Финансово-кредитная сфера	Число банковских учреждений на 100 тыс. км ² , на 100 тыс. чел. населения; число местных банковских учреждений на 100 тыс. чел. населения
Образование	Количество выпускников средних специальных учебных заведений в расчете на количество лиц в трудоспособном возрасте; численность учащихся в общеобразовательных учреждениях на количество лиц до трудоспособного возраста; ввод в действие ученических мест на 10000 детей школьного возраста
Здравоохранение	Коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми); численность врачей на 10000 чел. населения; среднего медицинского персонала на 10000 чел. населения; число больничных коек на 10000 чел. населения, шт.
Жилищно-коммунальная сфера	Площадь жилья, м ² на одного жителя; ввод в действие жилых домов, м ² на 1000 чел.; доля жилья, оборудованного горячим водоснабжением, %

Рис. 2. Грузоёмкость РФ и Республики Бурятия (в ценах 2008 г.)

Для повышения эффективности экономики региона требуется снижение грузоёмкости ВРП за счет уменьшения длины перевозок путем передачи короткопробежных перевозок — до 250 км (в России — 150 км) с железной дороги на автотранспорт. Для повышения эффективности инфраструктуры необходима реализация инфраструктурных проектов с использованием механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) как инструмента привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры.

В Республике Бурятия действуют Концепция развития государственно-частного партнерства на 2011–2015 годы, принятая в 2011 г., а также закон РБ «О государственно-частном партнерстве в Республике Бурятия». На основе ГЧП в регионе реализуются инфраструктурные проекты в рамках особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань», региональных зон экономического благоприятствования туристско-рекреационного и промышленно-производственного типа; проекты, входящие в программу развития моногородов, и др.

В современных условиях особую значимость приобретают проблемы финансирования социальной инфраструктуры, поскольку инвестирование данной сферы не превышает 1,5% [7]. Модернизация социальной инфраструктуры должна способствовать накоплению человеческого капитала и в конечном счете — повышению эффективности смежных отраслей экономики. Во многих странах мира проблема приведения инфраструктуры к стандартам XXI в. находится на контроле правительств. При этом наряду с поиском новых инновационных способов сохраняется механизм финансирования инфраструктурных проектов на основе ГЧП с тенденцией роста финансирования акциями.

С учетом макроэкономической ситуации стратегия финансирования инфраструктурных проектов за счет повышения тарифов на инфраструктурные услуги, наблюдавшаяся в России в последнее десятилетие, является неэффективной. Для повышения эффективности инфраструктуры, доступности ее услуг для населения и субъектов экономики необходимо формирование системы мер (на государственном и региональном уровнях) по совершенствованию нормативно-правовых механизмов финансирования, отбору инфраструктурных проектов, а также мониторингу инфраструктурных ограничений и рисков.

Список литературы

1. Гладких, О. В. Инфраструктура рынка средств производства региона: дис. ... канд. экон. наук / О. В. Гладких. — Иркутск, 1999.

2. Пчелинцев, О. С. Проблемы региональной инфраструктуры как источник экономических и социальных угроз / О. С. Пчелинцев // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 6. — С. 26.
3. Жаравина, Ю. А. Производственная инфраструктура как фактор повышения конкурентоспособности национального хозяйства: дис. ... канд. экон. наук / Ю. А. Жаравина. — СПб., 2006.
4. Антонюк, В. С. Методы оценки риска инфраструктурных подсистем муниципального образования / В. С. Антонюк, Г. В. Эрлих // Вестник Тюменского государственного университета. — 2011. — № 11. — С. 205–211.
5. Симакова, Е. К. Страхование ответственности как инструмент снижения инфраструктурных рисков: отечественный и зарубежный опыт / Е. К. Симакова, П. С. Голубкин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2013. — № 4 (21). — С. 96–100.
6. Хечиев, Е. В. Типология инфраструктурных ограничений развития бизнеса / Е. В. Хечиев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2009. — Т. 56, № 9. — С. 238–245.
7. Киселев, С. В. Теоретические подходы к оценке взаимосвязи социальной инфраструктуры и параметров экономического роста региона / С. В. Киселев, С. В. Ткачев // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 17, № 2. — С. 330–335.
8. Дагданова, С. Ж. Оценка эффективности функционирования инфраструктуры региона (на примере Республики Бурятия) / С. Ж. Дагданова // Материалы XIX Международной науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012» (9–13 апреля 2012 г.). — М.: МГУ, 2012. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_32_1945.htm (дата обращения: 15.09.2014)
9. Дагданова, С. Ж. Проблемы формирования и развития инфраструктуры региона / С. Ж. Дагданова // Материалы XV международной науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». — М.: МГУ, 2008. — С. 46–47. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/27.htm (дата обращения: 15.09.2014)

В. В. Спицын¹

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОПОРЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ²

В России провозглашен инновационный путь развития, однако применяемые методы стимулирования на национальном и региональном уровнях не позволяют запустить инновационные процессы в экономике. Показатели инновационной деятельности гораздо ниже, чем в ведущих зарубежных странах. В настоящей работе рассматривается проблема оптимизации структуры инновационной системы на региональном уровне.

Анализ научных работ показывает, что под оптимальностью часто понимают самые лучшие из достижимых пропорций. Используется понятие «оптимальность по Парето» — состояние системы, при котором значение каждого частного показателя, характеризующего систему, не может быть улучшено без ухудшения других [1–3]. Приведем и другое определение: оптимальность — это максимизация результата при заданных затратах ресурсов или достижение заданного результата при минимальных затратах ресурсов [2, с. 13–14]. В обоих случаях для формализации функционирования системы требуются сложный математический аппарат и ряд упрощений. Такой подход применим в отдельных относительно несложных случаях, однако в отношении РИС он не срабатывает по следующим причинам:

- РИС является сложной и слабо формализуемой системой, в которой часто не удается определить, как показатели одних компонентов влияют на поведение других;
- инновационные системы регионов России существенно различаются по своей структуре, что, в частности, показано в работе Е. А. Лурье [4];
- для исследований доступно ограниченное число показателей, характеризующих инновационные процессы в регионах.

В связи с изложенными проблемами мы рассматриваем оптимальность не как наилучшее состояние, а как процесс движения к этому состоянию путем постепенного улучшения пропорций РИС. Она рассматривается как частный случай комплексной эффективности системы и означает оптимизацию (улучшение) ее структуры, позволяющую повышать результативность и экономичность функционирования системы. Процесс оптимизации представляется непрерывным во времени и означает постепенное, поэтапное улучшение пропорций РИС. При такой постановке задачи возможны формирование методологических и методических положений, разработка и апробация методик оптимизации.

Сформулируем ряд методологических положений для оценки оптимальности РИС и оптимизации ее пропорций:

1. Оценка оптимальности пропорций РИС зависит от субъекта оценивания. Региональные органы власти ориентированы на сбалансированное развитие всей РИС, чтобы результат научных исследований и инноваций находил применение в производстве, где и формируется основной эффект от инноваций. Федеральные органы власти занимаются оптимизацией на уровне НИС, а не отдельного

¹ Владислав Владимирович Спицын, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета, канд. экон. наук, e-mail: spitsin_vv@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Разработка и апробация информационной системы комплексной оценки эффективности инновационного развития региона (на примере Ассоциации инновационных регионов России)», проект № 14–02–12015.

региона. И здесь возможно формирование в одних регионах научных центров, а в других — центров производства.

2. Способы оптимизация структуры РИС:

- выбор объектов с лучшими (оптимальными) пропорциями и сравнение с ними пропорций исследуемой РИС;
- выбор объектов с хорошими (средними) пропорциями на примере других РИС и сравнение с ними пропорций исследуемой РИС;
- оценка изменений пропорций исследуемой РИС во времени.

В современных условиях целесообразно использовать все три способа оптимизации, которые могут применяться к различным структурным компонентам и связям РИС.

3. Критерии (конечные целевые показатели) оптимизации. Упрощенно³ рассматривая РИС как линейную систему «наука — инновации — инвестиции — бизнес» и учитывая подразделение инноваций на процессные и продуктовые, выделим основные критерии оптимизации:

- темпы роста объемов отгруженной продукции должны быть выше, чем в среднем по регионам России (результат продуктовых инноваций и сопровождающих их инвестиций в расширение производства);
- темпы роста валовой добавленной стоимости (далее — ВДС) должны быть выше, чем в среднем по регионам России (результат продуктовых и процессных инноваций);
- изменение доли ВДС в отгруженной продукции должно быть не хуже, чем в среднем по регионам России (результат процессных инноваций).

В критерии оптимизации могут быть также включены социальные показатели: численность занятых, средняя зарплата и годовой фонд оплаты труда. Если процессные инновации приводят к опережающему сокращению занятости, следует говорить о неоптимальном соотношении затрат на процессные и продуктовые инновации и недостатке инвестиций в расширение производства.

4. Оптимизация требует исследования основных компонентов РИС и связей между ними, в том числе анализа пропорций в разрезе видов экономической деятельности ВЭД [5], на уровне:

- раздел С (добывающая промышленность);
- раздел D (обрабатывающая промышленность);
- основные (значимые для региона) подразделы раздела D.

Также представляет интерес исследование показателей ВЭД К73 «Научные исследования и разработки».

Выделим основные этапы построения методики оптимизации пропорций РИС:

1. Выбор способа оценки и объектов для сравнения, результаты развития которых признаются лучшими (оптимальными) или хорошими (средними).
2. Определение показателей для расчета пропорций РИС (набор показателей должен отражать результаты деятельности и взаимодействия основных компонентов РИС).
3. Расчет пропорций и соотношений по выбранным показателям; анализ и оценка изменения пропорций и соотношений за исследуемый период времени, а также в сравнении с выбранными объектами.
4. Анализ выполнения РИС критериев оптимизации.
5. Определение способов улучшения пропорций, расчет оптимальных пропорций для исследуемого объекта и оценка ожидаемого эффекта от их улучшения.

Рассмотрим отдельные аспекты реализации этих этапов при оптимизации пропорций регионов АИРР. Для упрощения задачи будем анализировать только основные компоненты инновационной

³ Рассматривается оптимизация с позиций региональных органов власти. РИС взаимодействует с внешней средой, однако основной результат формируется при реализации разработок РИС в производстве на территории региона с последующей реализацией продукции за его пределами.

цепочки «наука — инновации — бизнес»: секторы науки, малого, крупного и среднего бизнеса (табл. 1).

Таблица 1

Способы оценки и объекты для сравнения в разрезе компонентов РИС

Секторы РИС	Компоненты РИС	Способ оценки
Наука	НИИ, вузы, частные НИИ, отделы предприятий	Общее направление оптимизации — пропорции зарубежных стран (США, ЕС и др.). Оценка результатов оптимизации — сравнение со средними пропорциями по регионам России и пропорциями региона за прошлый период
Малый бизнес	Малые инновационные предприятия	Оценка осложнена отсутствием статистических данных для определения пропорций и объектов (стран, регионов) для сравнения
Крупный и средний бизнес	Крупные и средние инновационные предприятия	Общее направление — описанные выше критерии оптимизации. Оценка результатов оптимизации — сравнение со средними пропорциями регионов России с аналогичной структурой ВЭД и пропорциями региона за прошлый период

Отметим, что при выборе объектов для сравнения важно учитывать производственную специализацию регионов (табл. 2 — рассчитано по данным [6]).

Таблица 2

Структура* отгруженной продукции регионов АИРР за 2012 год, %

Регионы	C	DA	DG	DJ	DL	DM	DF**	DK**	D
Калужская область	0	11	1	8	21	46	0	3	100
Липецкая область	1	21	1	63	1	0	0	7	100
Республика Башкортостан	14	6	15	4	2	6	55	4	100
Республика Мордовия	0	33	2	3	18	15	1	3	100
Республика Татарстан	36	9	22	4	4	20	25	4	100
Пермский край	28	6	24	6	5	5	36	7	100
Самарская область	23	9	16	9	7	37	6	4	100
Ульяновская область	6	16	1	8	13	36	0	3	100
Тюменская область	362	3	0	2	2	1	81	5	100
Алтайский край	4	37	6	7	3	11	16	3	100
Красноярский край	39	7	2	66	2	2	2	5	100
Иркутская область	61	9	11	24	3	14	10	4	100
Новосибирская область	8	33	5	9	11	9	1	6	100
Томская область	145	20	16	1	19	0	8	6	100

* Рассчитана по отношению к объему отгруженной продукции обрабатывающей промышленности (разд. D), в том числе приведено соотношение объема отгруженной продукции добывающей (разд. C) и обрабатывающей (разд. D) промышленности;

** DK — производство машин и оборудования (без боеприпасов), DF — кокса и нефтепродуктов (без ядерных материалов).

Данные табл. 2 позволяют провести группировку регионов АИРР по производственной специализации (табл. 3).

Таблица 3

Производственная специализация регионов АИРР

Группы ВЭД	Инновационные ВЭД (DL, DM)	ВЭД, связанные с добычей нефти и газа (C, DF), и химическая промышленность (DG) *	Металлургия (DJ)	Пищевая промышленность (DA)
Регионы АИРР	Калужская область, Республика Мордовия и Татарстан, Самарская, Ульяновская, Иркутская, Новосибирская и Томская области	Республики Башкортостан и Татарстан, Пермский край, Самарская, Тюменская, Иркутская и Томская области, Красноярский край	Липецкая и Иркутская области, Красноярский край	Республика Мордовия, Алтайский край, Новосибирская область

* Химическая промышленность занимает значительную долю в структуре производства тех регионов АИРР, в которых преобладают ВЭД, связанные с добычей нефти и газа (см. табл. 2).

Показатели инновационной деятельности (табл. 4) рассчитаны по данным [6–8].

Таблица 4

Показатели инновационной деятельности в разрезе ВЭД за 2012 год, %

Показатель	C	DA	DG	DJ	DL	DM	DF	DK	D
Доля инновационной продукции в объеме отгруженной продукции	6,5	3,9	10,0	5,9	9,7	26,2	10,4	6,0	9,6
Доля затрат на инновации в объеме отгруженной продукции	1,0	0,4	2,1	2,2	2,7	2,2	2,0	0,9	1,7
Доля затрат на исследования и разработки в затратах на инновации	41,4	22,5	8,7	2,9	53,7	32,3	3,4	27,7	17,7
Доля затрат на продуктовые инновации во всех затратах на инновации	16,5	57,8	46,0	57,8	73,3	66,2	37,9	68,0	55,0
Соотношение инвестиций и затрат на инновации	20,5	11,9	5,2	2,8	1,5	2,2	3,0	5,8	3,9

Из представленных данных следует:

1. Добывающая промышленность ориентирована на инвестиционный путь развития, инновации здесь играют второстепенную роль. Инвестиции в 20,5 раз превышают затраты на инновации.

2. Прочие ВЭД, связанные с добычей нефти и газа (C, DF), и металлургия (DJ) сильнее ориентированы на процессные инновации. У них низка доля затрат на собственные исследования и разработки, однако специфика России приводит к тому, что именно их продукция ориентирована на экспорт.

3. Химическая промышленность (DG) занимает промежуточное положение между ВЭД, связанными с добычей нефти и газа, и инновационными ВЭД.

4. Инновационные ВЭД (DL и DM) больше ориентированы на продуктовые инновации и затраты на исследования и разработки.

5. Пищевая промышленность (DA) демонстрирует низкие доли затрат на инновации и инновационную продукцию. Инвестиции в пищевую промышленность в 11,9 раза превышают затраты на инновации.

Полученные результаты подтверждают методологическое положение о том, что анализ оптимальности пропорций РИС необходимо проводить в разрезе ВЭД: С, D и подразделы D.

Анализ зарубежных и российских статистических данных позволил сформировать систему показателей для оценки оптимальности пропорций РИС, а также выявить особенности и проблемы оценки (табл. 5) [6–12].

Таблица 5

Показатели для оценки оптимальности в разрезе основных компонентов РИС

Секторы РИС	Показатели РИС	Обоснование значимости	Проблемы оценки
Наука	Внутренние затраты по видам исследований (фундаментальные, прикладные, разработки), по источникам финансирования (государственное, частное), по сферам приложения (ВЭД)	В России существует серьезный разрыв между наукой и бизнесом, который необходимо устранять как на уровне страны, так и регионов	Нет данных по источникам финансирования в разрезе ВЭД. Нет информации о применимости результатов исследований в разрезе ВЭД. Оценка и оптимизация пропорций возможны только на уровне науки в целом, без учета ее исследований в разрезе ВЭД
Малый бизнес	Количество быстрорастущих предприятий, переходящих из группы в группу, и показатели их деятельности (объем отгруженной продукции, ВДС, занятость и т.д.)	В зарубежной статистике есть ряд показателей, характеризующих развитие «газелей». В работе [13] показано, что новые крупные и средние предприятия демонстрируют более высокие темпы роста	Анализ в разрезе регионов возможен только при проведении инициативного регионального статистического наблюдения [10]. Официальная статистика не формирует такие показатели. В настоящее время в ЕМИСС появились показатели по группам предприятий (крупные, средние и т.д.), но они не позволяют выявить «газелей» и не отражают инновационные процессы на предприятиях
Крупный и средний бизнес	Затраты на инновации (по видам затрат и инноваций), инновационная продукция, вновь внедренные товары, отгруженная продукция, ВДС, численность занятых	Здесь создается основной результат инновационной деятельности. Анализ должен проводиться в разрезе ВЭД, поскольку они сильно различаются	На уровне регионов отсутствуют многие данные в разрезе ВЭД (подразделов С и D). Нет детализации затрат на инновации (по видам затрат и инноваций), а также объемов вновь внедренных или подвергшихся значительным технологическим изменениям товаров, ВДС

Представленные данные показывают возможность проведения оценки оптимальности по отдельным компонентам и показателям РИС. Однако очевидна также недостаточная детализация доступных статистических данных в разрезе регионов и ВЭД.

На основе разработанных положений планируется формирование методик оценки оптимальности пропорций РИС и их апробация.

Список литературы

1. Сухарев, О. С. Теория эффективности экономики / О. С. Сухарев. — М.: Финансы и статистика, 2009. — 368 с.
2. Растворцева, С. Н. Социально-экономическая эффективность регионального развития / С. Н. Растворцева, В. В. Фаузер, В. Н. Задорожный, В. А. Залевский. — М.: Экон-Информ, 2011. — 131 с. — URL: http://vvfauzer.ru/pub/mon/m_2011_2.pdf

3. Скопина, И. В. Моделирование эффективности социально-экономических систем / И. В. Скопина // Управление экономическими системами: Электронный журнал. — 2010. — № 24. — С. 213–221. — URL: <http://elibrary.ru/download/97818887.pdf>
4. Лурье, Е. А. Территории инновационного развития: опыт регионов / Е. А. Лурье // Инновации: специальный выпуск. — 2008. — С. 96–109.
5. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности / Центр правовой помощи «КонсультантЪ». — URL: <http://www.mogem.ru/>
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). — URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>
7. Материалы сайта Росстата. — URL: <http://www.gks.ru/>
8. Индикаторы инновационной деятельности: статсборники Росстата и ВШЭ. — URL: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2014>
9. Инновации в Томской области за 2013 год: стат. бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. — Томск, 2014.
10. Инновационный сектор Томской области за 2010 год: стат. бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области — Томск, 2011.
11. OECD.Stat Extracts — URL: <http://stats.oecd.org/#>
12. Eurostat / European commission — URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
13. Спицын, В. В. Региональная статистика инноваций — инструмент анализа проблем развития экономики и разработки путей их решения / В. В. Спицын, Е. А. Монастырный // Инновации. — 2012. — № 10. — С. 68–78.

Ю. А. Антохина¹, Т. А. Кокодей²

ИСТОРИЯ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ «СОЦИАЛЬНОГО» ПАТТЕРНА ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ

В условиях глобального загрязнения и истощения природно-ресурсной базы под воздействием циклических законов развития экономической и неэкономических сфер можно ожидать кардинальных изменений, во-первых, в пищевом производстве (применение достижений фундаментальной науки — технологии генной инженерии, молекулярной химии и физики, нанотехнологий и др.); во-вторых, в поведении потребителя, связанном с расширением выбора органических, функциональных синтетических, генетически модифицированных, диетических и сложнорецептурных продуктов питания. Таким образом, в связи с глобальными экономическими, природными, научно-техническими и демографическими изменениями, а также производными тенденциями в производстве и потреблении продуктов питания возникает необходимость прогнозирования поведения потребителя на рынке продовольствия.

Проблемы поведения потребителя исследуются многими современными отечественными и зарубежными учеными [1–9].

Несмотря на широкий интерес к исследованиям в области потребительских предпочтений на рынке продуктов питания, нерешенными остаются вопросы, связанные со сценарным прогнозированием паттернов, что обусловлено их сущностью.

Рассмотрим эволюцию одного из существующих сегодня паттернов поведения потребителя на рынке продуктов питания, идентифицированного как $D1 = y_{1_ (1980-2020)} =$ [Статусное потребление престижных продуктов питания для достижения целей, не связанных с питанием (демонстрация успешности, подражание, соответствие ожиданиям, профессиональные цели и т. д.)]. Данный паттерн в настоящее время характерен для потребителей «социального» типа, относящихся к высшему социальному классу.

Предшествующее состояние $y_{1_ (1600-1780)}$ рассматриваемого паттерна нашло отражение в голландской живописи XVII в., в частности, в картинах столов с десертами аристократии, написанных Яном Давидсом де Хеема (Jan Davidsz de Heem) [8] (см. рисунок). Сравнивая типичные столы с десертами высшего класса Европы периода до Промышленной революции 1780 г. с современными, характерными для Европы и США [3], можно отметить относительно неизменное изобилие и разнообразие, а также кардинальное усложнение блюд, связанное с технологическими инновациями в пищевой промышленности и массовым промышленным производством продуктов питания на протяжении двух последних столетий.

Сформулируем $y_{1_ (1600-1780)} =$ [«Перепотребление» органического набора разнообразных деликатесных промышленно необработанных продуктов питания мясного и растительного происхождения, в том числе оленины, цапель, павлинов, лебедей, омаров, лобстеров, ветчины, устриц, ананасов, бананов, помидоров, сахара, шоколада, кофе и др.].

¹ Юлия Анатольевна Антохина, ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор.

² Татьяна Александровна Кокодей, докторант Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

1640
Стол с десертами, Ян Давидс де Хеем, Голландия, Нидерланды, 1640

2007
Стол с десертами, компания Lido, США, 2007

2020-2050
Сценарий 1: молекулярные десерты, 2020–2050

Развитие престижного десерта (1640–2050 гг.)

lemongrass — жидкость в стеклянной трубке, содержащая гель из лайма, дистиллированный лимонник, огурец, микробазилик и фрукт дракона;

mintcaviar — ментоловая икра;

steelheadroe — икра на арбузном муссе и геле из кафрского лайма с прозрачным консоме из арбуза;

peach — кубики с различными вкусами: персика, сыра Буррата, жасминового чая, базилика, бальзамического уксуса, миндаля, сметаны и лимона;

espruma — шоколадная груша и грушевая пена.

Для относительно постоянной в историческом процессе доли высшего класса (около 1 % общества) в период 1600–1780 гг. был характерен паттерн «перепотребления» разнообразных деликатесных биологически полноценных природных продуктов питания. Это обусловлено их физической и экономической доступностью для элиты, а также действием мотивов m^3 (получение желаемых вкусовых ощущений и эмоционального комфорта от потребления) и m^5 (стремление к исследованию и познанию товара-новинки). Структура основных влияний факторов среды потребителя, сформировавшая данное значение паттерна пищевого поведения общественной элиты, показана в таблице.

Низкий уровень и слабо выраженная положительная динамика экономического развития до начала Промышленной революции 1780 г. в Европе обусловлены, с одной стороны, благоприятным влиянием экологических факторов (разнообразием и изобилием качественных природных ресурсов), а с другой — примитивным уровнем научно-технологического развития, вынужденным органическим низкоэффективным сельскохозяйственным производством и дефицитом продуктов питания для большей части населения.

Высокая степень социально-экономического неравенства в пользу малочисленного высшего класса, для которого характерны относительное отсутствие бюджетных ограничений; слабая развитость и значение индивидуальных социальных сетей в условиях общей стационарности среды; умеренная повседневная двигательная активность; пресыщенность деликатесами; высокие ожидания относительно органолептических характеристик, разнообразия и объема пищевого рациона; низкая саморегуляция в стремлении к «немедленному» удовлетворению пищевых потребностей привела к тому, что доминирующим поведенческим паттерном элиты стало значение $y_{1(1600-1780)}$ (см. таблицу).

История и сценарий развития паттерна у, t и его факторов в контексте «полициклического» прогнозного фона (1600–2050 гг.)*

Факторы формирования паттерна у, t поведения потребителя «социального» типа (1600–2050 гг.)				
Личностно-психологические факторы	S_1 (1600–1780)^у: умеренная повседневная двигательная активность, несвойственность физического труда; S_2 (1600–1780)^у: высокие ожидания относительно органолептических характеристик, разнообразия и объема пищевого рациона (пресыщенность продуктами питания); S_3 (1600–1780)^у: низкая саморегуляция в стремлении к «немедленному» удовлетворению пищевых потребностей; S_4 (1600–1780)^у: относительное отсутствие бюджетных ограничений	S_1 (1980–2020)^у: снижение уровня двигательной активности в повседневной жизни; S_2 (1980–2020)^у: кардинальное увеличение ресурсоемкости комфортного состояния вследствие усиления вкусовых и визуальных пищевых предпочтений; S_3 (1980–2020)^у: смещение ценностных ориентаций на социальные связи и их поддержку, самореализацию и самутверждение; S_4 (1980–2020)^у: относительное отсутствие бюджетных ограничений	S_1 (2020–2050)^у: низкий уровень двигательной активности в повседневной жизни; S_2 (2020–2050)^у: кардинальные изменения органолептических ожиданий потребителя до неестественного состояния; S_3 (2020–2050)^у: усиление ценностных значений социальных связей и исчезнувших природных продуктов прошлого под воздействием эмоций; S_4 (2020–2050)^у: относительное отсутствие бюджетных ограничений	
Маркетинговые факторы	k_1 (1600–1780)^у: слабо выраженное влияние маркетинговых факторов при относительно неизменных структуре и качестве предложения продуктов питания; k_2 (1600–1780)^у: незначительное расширение пищевого ассортимента за счет импорта новых видов продуктов питания (шоколад, чай, кофе, карамель, ананасы, бананы и др.); k_3 (1600–1780)^у: изготовление небольшого числа новых продуктов питания по новым рецептурам (мороженное, йогурты, желе и другие десерты); k_4 (1600–1780)^у: увеличение удобства потребления пищи путем расширения предложения столовых приборов и посуды; k_5 (1600–1780)^у: создание первых кофеен в городах	k_1 (1980–2020)^у: определяющее значение влияния маркетинговых факторов и их интенсивное развитие; k_2 (1980–2020)^у: стремительное расширение сложнорецептурного пищевого ассортимента премиум-класса (элитных и эксклюзивных продуктов питания); k_3 (1980–2020)^у: экспоненциальный рост продуктовых инноваций, органолептическое и видовое разнообразие, которых основывается на сочетаниях новых природных и химических ингредиентов; k_4 (1980–2020)^у: программирование пищевых предпочтений и привычек потребителей; k_5 (1980–2020)^у: рост числа ресторанов традиционной высокой кухни, стимулирование питания вне дома	k_1 (2020–2050)^у: усиление и расширение спектра маркетинговых факторов; k_2 (2020–2050)^у: предотвращение сокращения и модификация структуры ассортимента престижных продуктов питания; k_3 (2020–2050)^у: интенсивное развитие молекулярных пищевых инноваций, основанных на химических физических модификациях традиционных ингредиентов; k_4 (2020–2050)^у: моделирование новых «молекулярных» пищевых предпочтений и привычек потребителя; k_5 (2020–2050)^у: рост числа ресторанов элитного «молекулярного» питания, стимулирование питания вне дома	
Факторы социальной микросреды	c_1 (1600–1780)^у: стационарность и предсказуемость социальной микросреды потребителя, незначительное число жизненных стрессов вследствие равновесного состояния потребителя по отношению к среде; c_2 (1600–1780)^у: слабая развитость и значение индивидуальной социальной сети и общения; c_3 (1600–1780)^у: передача пищевых традиций между поколениями (банкеты, перепотребление и др.)	c_1 (1980–2020)^у: рост динамичности и неопределенности социальной микросреды потребителя, повышенный уровень стресса и необходимость постоянной адаптации к среде; c_2 (1980–2020)^у: растущая зависимость потребителя от качества личной социальной сети; c_3 (1980–2020)^у: имитация пищевых привычек и предпочтений референтных групп (здоровое питание и др.)	c_1 (2020–2050)^у: кардинальное усложнение непосредственной социальной среды потребителя; c_2 (2020–2050)^у: зависимость выживания потребителя от развитости индивидуальной социальной сети; c_3 (2020–2050)^у: имитация пищевых привычек и предпочтений референтных групп	

*Разработано авторами

Современное значение паттерна y_{1t} в США и Западной Европе сформировалось к 1980 г. с появлением современных технологий сельского хозяйства и пищевой промышленности как следствие экспоненциального роста основных экономических, демографических и научно-технических показателей.

Поэтому в данном случае импакт-событием, способствующим появлению нового значения паттерна можно считать Промышленную революцию 1780 г., ознаменовавшую начало нового цикла сверхдолгосрочного экономического роста.

Статусное потребление престижных продуктов питания (см. таблицу) сформировалось в результате роста зависимости самореализации и профессионального самоутверждения потребителя от качества личной социальной сети в условиях динамичной неопределенной среды. Таким образом, формированию $y_{1(1980-2020)}$ способствовала необходимость имитации пищевых привычек и предпочтений целевой социальной группы элиты (деиндивидуализации пищевого потребления), стремительное расширение сложнорецептурного пищевого ассортимента премиум-класса за счет создания инновационных элитных и эксклюзивных продуктов питания, основанных на сочетании новых природных и химических ингредиентов в условиях относительного отсутствия бюджетных ограничений высшего класса.

Период с 2020 по 2050 г. является переходным в преддверии возникновения кластера глобальных кризисов 2-й половины XXI в., когда можно ожидать замедления и начала долгосрочного спиралевидного снижения основных экономических, научно-технических и демографических показателей, в том числе углубления синфазного спада долгосрочного и сверхдолгосрочного экономических циклов в результате исчерпания или ухудшения (до непригодного) состояния основных мировых природных ресурсов. Данный сценарий также предполагает краткосрочную резкую флуктуацию вверх развития технологий сельского хозяйства и пищевой промышленности как результат попытки человечества нивелировать снижение объемов производства, разнообразия, экономической доступности и распространенности продуктов питания в мире. В данных условиях предполагается качественный переход паттерна y_{1t} к новому значению $y_{1_{1-1}(2020-2050)} =$ [Статусное и гурманское потребление имитаций не существующих в природном виде престижных продуктов питания прошлого (черной икры, краба, черных трюфелей, мраморной говядины, сахара), полученных из нехарактерного натурального сырья и/или химических веществ с применением инновационных методов молекулярной химии и физики].

Выводы

1. Формализованные факторы, повлиявшие на формирование паттерна, носят как исторический, так и перспективный характер и позволяют принимать участие в его дальнейшем формировании с учетом возможностей и потребностей общества.

2. Разработанный сценарий развития «социального» паттерна поведения потребителя свидетельствует о высокой вероятности скачкообразного развития технологической базы в сфере пищевой промышленности и сельского хозяйства, что даст возможность частично сгладить последствия сокращения объемов производства продукции, а также сделать ее более доступной для разных слоев населения.

Таким образом, полученная информация может использоваться в качестве инструмента для разработки и корректировки продуктовой политики на уровне как государства, так и предприятий пищевой промышленности.

Список литературы

1. *Кокодей, Т. А.* Морально-этическое обоснование продовольственной политики геополитического региона/Т. А. Кокодей//Вісник Хмельницького національного університету. — 2010. — № 3. — Т. 2 (152). — С. 109–112.
2. *Кондратьев, Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения/Н. Д. Кондратьев. — М.: Экономика, 2002. — 768 с.
3. *Котлер, Ф.* Основы маркетинга/Ф. Котлер; общ. ред. и вступ. ст. Е. М. Пельковой; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1990. — 736 с.
4. *Ламбен, Ж.-Ж.* Стратегический маркетинг. Европейская перспектива/Ж.-Ж. Ламбен; пер. с франц. — СПб.: Наука, 1996. — XV. — 589 с.
5. *Медоуз, Д. Х.* За пределами роста/Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рандерс. — М.: Издат. группа «Прогресс»; Пангея, 1994. — 304 с.
6. *Dozzi, J.* Inégalités écologiques: analyse spatiale des impacts générés et subis par les ménages belges/J. Dozzi, M. Lennert, G. Wallenborn//Espace populations sociétés [En ligne], 2008/1, mis en ligne le 01 juin 2010, consulté le 14 mars 2010.
7. *Torras, M.* Ecological inequality in assessing well-being: Some applications/M. Torras//Journal Policy Sciences. — Publisher Springer Netherlands. — Issue V. 38, № 4/December, 2005. — P. 205–224.
8. Official site — Режим доступа: <http://www.wga.hu/frames-e.html?/html/h/heem/jan/index.html>
9. *Toffler, A.* The Third Wave/A. Toffler. — New York: William Morrow and Co. Inc, 1980. — 517 p.

А. А. Румянцев¹

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Новая индустриализация как воссоздание традиционных отраслей народного хозяйства на новой технологической базе и создание новых производств, соответствующих мировому тренду технологического развития, становится императивом экономической политики. Стержнем новой индустриализации является обновление технологической базы промышленности. Рассмотрим роль постиндустриальных технологий и развитие организационных форм освоения отечественных научных разработок.

В нашей стране ссылки на постиндустриальное развитие экономики в научной литературе появились после выхода в свет книги американского экономиста и социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования» [1] (на Западе она вышла в 1972 г.). Концепция постиндустриального общества критиковалась как американскими [2], так и российскими авторами, например [3]. К наиболее дискутируемым признакам постиндустриального общества относятся:

- переход от производства продукции к производству услуг;
- ключевая роль теоретического знания, когда результаты теоретических исследований становятся основой технологических инноваций.

Рост доли услуг связан с ростом производительности труда в материальном производстве и не может быть признаком исключительно постиндустриального развития. Кроме того, на упомянутую зависимость могут влиять и другие факторы. Так, в [4] рост доли услуг в ВВП России связывается с падением промышленного производства, сократившимся к середине 1990-х гг. более чем в два раза по сравнению с 1989 г. В США на рост занятых в сфере услуг оказывал влияние не только высокий уровень производительности труда, но и «... перенесение производства со своей территории в другие страны, где есть более дешевые ресурсы и недорогая рабочая сила» [2].

Хотя постиндустриальные технологии базируются на результатах теоретических исследований, вряд ли можно считать признак «ключевая роль теоретического знания» характерным отличием постиндустриального общества от современного индустриального, развитие которого все больше опирается на достижения теоретических исследований [5].

Автор концепции постиндустриального общества не ограничивается социальным прогнозом. Трактовка Д. Беллом постиндустриального производства как обрабатывающего (в отличие от индустриального — производящего) не проясняет сути его технологического базиса. Концепция постиндустриального общества опирается на научные и технические достижения середины XX в., главным образом на информационно-коммуникационные технологии. За прошедшие десятилетия появились технологии, в которых не используются индустриальные методы производства продукции и услуг. Поэтому правомерно поставить вопрос о подходах к раскрытию содержания технологического базиса постиндустриального производства, который может иметь технологии, отличные по своей природе от индустриальных.

¹ Алексей Александрович Румянцев, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: aarum1@yandex.ru

Методологическим подходом к выделению технологических эпох может быть понимание технологии как способа производственного отношения человека к природе с целью получения продуктов потребления, обеспечивающих жизнедеятельность людей. Тогда критерий индустриального технологического способа производства можно сформулировать как использование открытых законов природы с целью создания «второй преобразованной природы» — системы машин (машинной индустрии) для производства продукции и услуг путем переработки предоставляемых природой ресурсов с большим количеством отходов и индустриальным загрязнением окружающей среды. Его характерной чертой является функционирование крупных промышленных комплексов: металлургических, химических комбинатов, гигантов машиностроения и др.

Индустриальный технологический способ производства является господствующим в современном мире. Наряду с ним разрабатываются и применяются технологии, не свойственные индустриальным методам производства. В энергетике — это генерирование энергии возобновляемыми источниками: ветровыми и водными потоками, излучением солнца, геотермальными ресурсами, биомассой; в промышленности — атомно-молекулярные технологии, нанотехнологии, позволяющие получить вещества, материалы и изделия со свойствами, намного превышающими существующие [6]. Биотехнологии, опирающиеся на методы генной инженерии, стали одной из ключевых составляющих мировой экономики. В зависимости от области применения они могут быть медицинскими, сельскохозяйственными, промышленными, морскими, связанными с охраной окружающей среды [7]. Перечисленные технологии можно отнести к постиндустриальным, их критерием становится использование процессов, протекающих в самой природе, когда продукты и услуги получают путем управления природными процессами.

Постиндустриальные технологии (за исключением крупной гидроэнергетики, атомной промышленности и информационно-коммуникационных технологий, получивших развитие в индустриальную эпоху) находятся в начальной стадии разработки и производственного применения. Тем не менее они не только в проектах, но и в определенной мере реально участвуют в процессах новой индустриализации: в составе технологических цепочек индустриального производства и в формировании самостоятельного сегмента постиндустриального производства, являясь компонентом реиндустриализации экономики страны [8].

Шестой технологический уклад, который связывается с нанотехнологиями, биомолекулярными и информационно-коммуникационными технологиями [9], может быть квалифицирован как первый технологический уклад постиндустриального технологического способа производства. В научной литературе отмечается, что «шестой технологический уклад будет в полной мере адекватен постиндустриальному обществу» [10]. Постиндустриальные технологии — это не только новые технологии в ряду других, они становятся направлением формирования структуры будущего производства материальных благ и услуг, в котором определяющая роль будет принадлежать постиндустриальным технологическим методам производства, а индустриальное производство сохранится лишь в необходимой мере.

Главные требования к технологиям неоиндустриализации — соответствие трендам мирового развития и наличие потенциала для формирования нового технологического базиса производства. Современные постиндустриальные технологии, знаменуя зарождение новой технологической эры, могут преобразовывать индустриальные технологии, обогащая их постиндустриальными технологическими компонентами. К ним можно отнести нанотехнологии — технологии манипулирования мельчайшими частицами вещества (до 100 нм) для создания материалов с крайне важными свойствами. Они могут применяться в самых разных отраслях промышленности, строительства, сельского хозяйства. Приведем лишь два примера:

- использование нанобетона в строительстве моста через Волгу в г. Кимры. Специальные добавки — наноинициаторы — существенно улучшают эксплуатационные свойства бетона;

- получение наноцеллюлозы (материала будущего по параметрам легкости и прочности) на опытно-экспериментальной линии в Государственном научном центре лесопромышленного комплекса. Там же разработаны технологии применения наноцеллюлозы в композиционных материалах, производстве бумаги, картона, древесных плит.

Перспективными и уже реально применяемыми в нанотехнологическом комплексе являются аддитивные технологии, когда деталь, например в машиностроении, получают не путем механической обработки материала с образованием отходов, а методом выращивания из наноразмерного металлопорошка лазерным лучом по компьютерной программе. В России имеются единичные примеры использования аддитивной технологии. Так, во ФГУП ЦНИИ конструкционных материалов «Прометей» (Санкт-Петербург) из металлических порошков с помощью лазера были изготовлены для ОАО «Климов» детали сложной геометрии для агрегатов, которые компания представила на Международном авиакосмическом салоне в подмосковном Жуковском. Для ОАО «Калужский турбинный завод» этим методом изготовлена партия турбинных лопаток. В Рыбинске открыт завод по производству монолитного твердосплавного металлорежущего инструмента с нанопокрытием, в Санкт-Петербурге — по производству сверхъярких светодиодов и светодиодных модулей, в Уфе — по производству электрохимических станков для изготовления деталей из наноструктурированных материалов.

Аддитивные технологии широко внедряются за рубежом в технологические цепочки в космической отрасли, в авиа- и автостроении, в производстве энергетических турбин. Так, компания Boeing изготавливает более 22 тыс. деталей 300 наименований для 10 типов коммерческих и военных самолетов. В компании General Electric через 10 лет примерно половина деталей энергетических турбин и авиационных двигателей будет изготавливаться с помощью аддитивных технологий. В странах Западной Европы и в США создается новая отрасль машиностроения по изготовлению аддитивных машин. В России разворачиваются научные исследования, однако, как отмечают эксперты, они не носят системного характера и не ставят конечной целью создание отечественных аддитивных машин для российской промышленности [11].

Руководство отечественной экономики осознает необходимость преодоления отставания России в области аддитивных технологий. По мнению заместителя председателя правительства РФ Д. Рогозина, одной из сфер, где Россия имеет шансы идти вперед, никого не догоняя, являются аддитивные технологии. Причем не просто идти, а совершить мощнейший оперативный рывок [10]. По заявлению первого заместителя министра промышленности и торговли Г. Никитина, аддитивные технологии, как и другие системообразующие направления (робототехника, цифровые технологии), войдут в подпрограммы принятой правительством программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [13]. Важно, чтобы планы по разработке и применению аддитивных технологий были реализованы в процессе новой индустриализации.

Самостоятельным сегментом постиндустриального производства в русле новой индустриализации могут стать промышленные биотехнологии и возобновляемая энергетика, которые у нас пока не получили развития. Доля Российской Федерации в мировом объеме биотехнологической продукции составляет менее 0,2%, по уровню развития биоиндустрии Россия занимает 70-е место в мире [14]. Доля энергии, получаемой из возобновляемых источников, в нашей стране менее 1%, целевой показатель на 2020 г. установлен в размере 4,5%. В странах Евросоюза эта доля к 2020 г. должна составить 20%.

В стране принимаются меры по преодолению отставания в технологиях, обещающих в будущем решение ряда экономических проблем. Принята комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г., в которой планируется увеличение потребления биотехнологической продукции в 8,3 раза, объема ее производства — в 33 раза [15]. Программа предусматривает глубокую модернизацию технологической базы отраслей промыш-

ленности за счет массового внедрения в производство методов и продуктов биотехнологий. На стимулирование использования возобновляемых источников энергии направлено Постановление Правительства Российской Федерации от 17.02.2014 № 116. Главная задача реализации принятых программ и решений — создание отложенных цепочек внедрения научных достижений в производство. В организации освоения научных разработок существуют пробелы, в первую очередь это относится к организации отраслевой прикладной науки. В процессе реформ 1990-х гг. многие отраслевые ведомственные научно-исследовательские институты перестали существовать из-за прекращения государственного финансирования; другие трансформировались, но «оказались предоставленными самим себе и развиваются исключительно в интересах решения узкоотраслевых задач и освоения бюджетных ресурсов, распределяемых в рамках бюджетных целевых программ без каких-либо значимых макроэффектов» [16].

В условиях плановой экономики и единой государственной формы собственности были созданы организационные звенья для продвижения результатов науки до производства: сеть отраслевых (в системе министерств) прикладных научных организаций, научно-производственных объединений. Например, Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН передавал свои научные разработки в НПО «Светлана», где в течение первого года научные результаты воспроизводились, тестировались и в ходе второго года адаптировались к технологии, оборудованию объединения и использовались в выпускаемой продукции.

В условиях рыночной экономики и различных форм собственности сложности организации процесса исследования — производство с трудом преодолеваются путем трансфера научных результатов. Наиболее эффективно эта проблема решается в организациях, охватывающих полный инновационный цикл. К таким организационным формам можно отнести концерны, холдинги, государственные научные центры. Так, концерн «Силовые машины» кроме предприятий турбо- и генераторостроения включает центральный котло-турбинный институт им. И. И. Ползунова, инжиниринговую компанию «ЛМЗ-Инжиниринг», «Энергомашэкспорт». Холдинговая компания «Ленинец» объединяет НИИ, КБ, заводы спецтехники (авиационное оборудование) и гражданской продукции. Корпорация «Аэрокосмическое оборудование» интегрирует несколько предприятий. Ядром ее является петербургская фирма «Электроавтоматика», создан Научно-технический центр корпорации на базе трех научно-исследовательских организаций.

Несмотря на значимость организационных форм интеграции науки и производства они не могут охватить весь комплекс научно-инновационной деятельности. Созданные в стране субъекты инновационной инфраструктуры (центры трансфера технологий, технопарки, техновнедренческие особые зоны и др.) пока не добились серьезных успехов [17]. Они могут быть дополнены сетью отраслевых прикладных научно-исследовательских организаций с развитой опытно-производственной базой в системе министерств и ведомств. Актуальность отраслевых научных организаций подтверждается в научной литературе. Считается, что появление сильных конкурентоспособных российских предприятий, сохранение их устойчивости в долгосрочной перспективе возможно только при сильной отраслевой прикладной науке. Отсюда вытекает требование организации крупных профильных научных или научно-производственных объединений [16]. «Трансфер знаний в широком смысле понимался как передача их из академических учреждений в отраслевые для доведения до стадии опытного производства, передача из отраслевых учреждений производственным компаниям для завершающего освоения в промышленном масштабе» [18]. Отраслевые научные организации могут внести существенный вклад в развитие инновационной деятельности в стране.

Во-первых, без них область прикладных исследований нельзя считать сформированной полностью. Академические институты, вузы вынуждены создавать непрофильные организационно-управленческие структуры (департаменты проектной, инновационной, маркетинговой деятельности), опытное производство и даже производственные линии и собственный техно-

парк (Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН). «В академическом институте, за редким исключением, разработки заканчиваются на стадии успешной поисковой или частично выполненной прикладной НИР... Необходимо планировать достаточно длительный, не менее года-двух, период совместной деятельности для адаптации технологии» [19]. Непрофильная деятельность сдерживает научные изыскания, создает проблемы поиска квалифицированных кадров для трансформации научных результатов в готовый продукт. Наряду с сетью малых инновационных предприятий в академических институтах и вузах, придающих их деятельности инновационный характер, мощные отраслевые НИИ создали бы платформу для продвижения масштабных научных разработок.

Во-вторых, отраслевые прикладные НИИ могли бы стать проводниками государственной политики импортозамещения производственных технологий и оборудования. В отличие от организационных структур, охватывающих полный инновационный цикл для внутренних нужд отдельных предприятий концерна, холдинга, отраслевые прикладные НИИ могут быть ориентированы на отрасль или группу отраслей. Руководители отечественной экономики понимают важность отраслевых НИИ. Первый заместитель министра промышленности и торговли Российской Федерации Г. Никитин отмечает: «... что касается отраслевых институтов, то их отсутствие — серьезная проблема для министерств и ведомств в части осуществления их отраслевой политики» [13]. Остается проблемой ориентирование научно-технологического прогресса в стране в области приоритетных направлений и критических технологий, утвержденных указом Президента РФ от 7 июля 2011 г № 899. Многие из них в содержательном плане включают постиндустриальные технологии. Отраслевые научные организации могут стать центрами инициирования и координации развития постиндустриальных технологий в отрасли.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 2004.
2. Коэнс, С. Производящие отрасли. Миф о постиндустриальной экономике / С. Коэнс, Дж. Зисман. — М.: ИНИОН АН СССР, 1988 (реферат).
3. Бухтояров, А. С. Теория постиндустриального общества и машиностроение / А. С. Бухтояров // Труды Вольного экономического общества России. — Т. 171. — М., 2013.
4. Губанов, С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. Губанов. — М.: Книжный мир, 2012.
5. Мамчур, Е. А. Фундаментальная наука и современные технологии / Е. А. Мамчур // Вопросы философии. — 2011. — № 1.
6. Ромменс, Э. Нанотехнологии. Атомно-молекулярная революция / Э. Ромменс // The Angel investor. — 2008. — № 1.
7. Скрыбин, К. Г. Фундаментальная и прикладная биотехнология — ответ на вызов XXI века / К. Г. Скрыбин // Вестник Российской академии наук. — 2009. — № 3.
8. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов; ИНИР. — СПб. 2013.
9. Глазьев, С. Сесть на гребень новой волны / С. Глазьев // Однако. — 2011. — № 32.
10. Яковец, Ю. В. Условия эффективности перспективной инновационно-технологической стратегии / Ю. В. Яковец // Стратегические приоритеты инновационно-технологического развития России. — М.: МФК, 2002.
11. Довбиш, В. М. Аддитивные технологии и изделия из металла / В. М. Довбиш, П. В. Забеднов, М. А. Зеленко. www.nami.ru/upload/AT-metall.pdf

12. www.rg.ru/2014/03/07/tehnologii.html
13. *Медовников, Д.* Производительные силы, подъем / Д. Медовников, А. Механик // Эксперт. — 2014. — № 27.
14. Промышленная биотехнология в России и в мире. www.biorasinfo.ru/press/publications/749/
15. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года. base.garant.ru/70168244
16. Как нам реформировать прикладную науку. www.strf.ru/material.aspx?Catalogid=221&d_no=1783
17. *Медведев, Д.* Вступительное слово на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики / Д. Медведев. — 15 мая 2009 г. <http://www.homefent.ru/download/15062009.pdf>
18. *Кирюшин, В. Н.* Проблемы инновационного развития сельского хозяйства / В. Н. Кирюшин // Инновации. — 2014. — № 7.
19. *Удовиченко, А. С.* Построение наноиндустрии в России / А. С. Удовиченко // Инновации. — 2008. — № 6.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

А. Э. Вознесенский¹

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОАО «ОБЪЕДИНЕННАЯ СУДОСТРОИТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ» НА 2013–2030 ГОДЫ

Повышение эффективности российского судостроения непосредственно связано с решением проблем, препятствующих выходу российской судостроительной промышленности на передовые позиции в мире, в первую очередь организационно-структурных и проблем стратегического развития. В настоящее время основной потенциал российского судостроения сконцентрирован в рамках Объединенной судостроительной корпорации (ОСК). В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 марта 2007 г. № 394 в состав ОСК вошли 41 судостроительное и судоремонтное предприятие и организация, включая 29 федеральных государственных унитарных предприятий и 12 открытых акционерных обществ. Общая численность работников этих предприятий и организаций на тот период составляла около 100 тыс. человек. В настоящее время ОСК — это более 80% всех судостроительных проектов России. Действующая стратегия развития (далее — Стратегия) ОСК была подготовлена специалистами корпорации и принята (с третьей попытки) Правительством РФ в 2013 г. На наш взгляд, данный документ не может быть признан полноценной стратегией в силу следующих причин:

- *стратегия подготовлена специалистами, не имеющими прямого отношения к ОСК.* Согласно теории стратегического менеджмента, «разработка... стратегических планов — это обязанности главы компании, топ-менеджмента и владельцев компании»². В данном случае был нарушен основополагающий принцип формирования стратегии, что отразилось на ее качестве;
- *многовариантность стратегии.* Одним из основных требований к стратегии как нормативному документу является «ориентированность на действие», т.е. на конкретные шаги. И шаги эти не могут быть разнонаправленными. В рассматриваемом документе 27 альтернативных вариантов, что делает Стратегию нерабочей.

Очевидно, что при принятии данного документа были заложены различные варианты, соответственно после утверждения Стратегии Правительством РФ руководство ОСК вправе реализовать любой из перечисленных вариантов.

Одним из примеров отсутствия в Стратегии конкретных решений является возможность ликвидации двух основных российских судостроительных предприятий (ОАО «Адмиралтейские верфи» и ОАО «Балтийский завод»), а также реструктуризации конструкторских бюро ОСК. В Стратегии об этом говорится как о *возможном* мероприятии, т.е. предприятия можно ликвидировать, а можно и оставить.

¹ Александр Эрнестович Вознесенский, докторант кафедры экономики и управления предприятием Санкт-Петербургского государственного экономического университета, канд. экон. наук.

² Томпсон-мл, А. А., Стрикленд III, Дж. А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа / пер. с англ. — М.: Издат. дом «Вильямс», 2006. — 12-е изд. — 928 с.

Относительно конструкторских бюро, специализирующихся на гражданской продукции, позиция столь же неопределенная: «создание единого КБ...», или «нескольких КБ», или оставить все как сейчас, когда продукция совмещается с военной в рамках отдельных универсальных КБ;

• *Стратегия недостаточно обеспечена ресурсами, что делает нереальным достижение заявленных целей.* Так, в первой ее части совершенно справедливо констатируется неконкурентоспособность ОСК по ряду ключевых позиций, прежде всего низкий технологический уровень российского судостроения.

В качестве целевых показателей реализации Стратегии приводятся: рост производительности труда — в 4 раза; доли новых основных фондов — 55%; объема выпуска гражданской продукции — в 3,5 раза; доли ОСК на мировом рынке по тоннажу — в 4 раза (в стоимостном выражении — в 5 раз). Реализация поставленных задач возможна только при адекватной ресурсной поддержке — масштабных инвестициях в техническое перевооружение ОСК, достаточных для перехода на пятый технологический уклад. В реальности акцент ФЦП (далее — государственные программы), поддерживающих реализацию Стратегии и являющихся, по сути, единственным источником технического перевооружения ОСК, смещен в сторону создания так называемых НТЗ и НИОКР. «Осваивать» основные потоки государственных средств, направленных на развитие судостроения, в основном предстоит институтам и предприятиям, не входящим в ОСК. А модернизацией предприятий, входящих в ОСК, предположительно займется сама корпорация, в основном за собственный счет. С учетом высокого уровня используемых кредитных средств и стабильной убыточности ОСК входящие в нее предприятия будут модернизированы лишь частично, что не позволит перейти на следующий технологический уровень.

Таким образом, ни один из целевых показателей Стратегии не будет достигнут. При таком сценарии и НТЗ, и НИОКР, созданные на государственные средства предприятиями, не входящими в периметр ОСК, не будут востребованы ни на внутреннем, ни на внешнем рынках.

Еще до появления данной Стратегии была сформирована группа сотрудников ОСК для разработки стратегии развития корпорации на период 2013–2030 гг. В дальнейшем будем называть этот документ Альтернативной стратегией³. Альтернативная стратегия была передана президенту ОСК, на нее получен положительный отзыв Министерства обороны РФ — основного заказчика корпорации. Тем не менее по ряду субъективных причины документ не был востребован. В данной статье излагаются основные положения Альтернативной стратегии.

К сожалению, большинство производственных предприятий, входящих в ОСК, системно убыточны (минус 25 млрд рублей за 2010–2012 гг.), положительную динамику демонстрируют только конструкторские бюро.

В период формирования (2007–2012 гг.) ОСК действовала в рамках стратегии развития судостроительной промышленности Минпромэнерго России от 2007 г., охватывающей всю отрасль, составной частью которой является ОСК. Согласно данной стратегии, на первом этапе (до 2010 г.) предполагалось максимально консолидировать все КБ, верфи и судоремонтные заводы. Формирование ОСК (первый этап) завершилось в 2012 г. Действовавшая в течение этого периода система управления корпорацией была обусловлена реализацией стратегии роста. В этот период все ФЦП, касающиеся судостроения, формировались Минпромэнерго России и согласовывались напрямую с директорами предприятий, входящих в корпорацию. Взаимодействие с ОСК по ФЦП носило в основном уведомительный характер.

Деятельность корпорации в этот период характеризовалась, как правило, антикризисными мероприятиями, которые проводились постоянно, поскольку получаемые корпорацией активы в основном были проблемными. Действующая структура и регламенты не позволили в 2007–2012 гг. реализовать основные функции ОСК как управляющей компании. Формально созданные региональные центры, кроме ОАО «ДЦСС» (период 2010–2012 гг.), не несли никакой функциональной нагрузки по

³ Разработана группой сотрудников ОАО «ОСК» под руководством А. Э. Вознесенского (не опубликована).

отношению к дочерним предприятиям в регионах. Очные советы директоров проводились в среднем 1 раз в год в каждом дочернем и зависимом обществе (далее — ДЗО). Заочные советы директоров касались в основном одобрения или неодобрения сделок. Горизонт финансового планирования не превышал одного года. Такая практика продолжается в 2013–2014 гг.

Тем не менее за счет частичной централизации финансовых функций ОСК удалось завершить процесс интеграции основных судостроительных предприятий и удержать их под своим контролем. Централизация продаж на уровне основных государственных заказчиков позволила ОСК загрузить свои предприятия заказами, что фактически впервые в истории корпорации привело к появлению прибыли на верфях по результатам 2013 г.

Авторами Альтернативной стратегии был проведен SWOT-анализ — основной инструмент формирования стратегии ОСК (см. таблицу). На основе SWOT-анализа можно выбрать *стратегическую модель для ОАО «ОСК» с учетом базовых альтернатив и моделей конкурентов*. Конкурентами ОСК являются крупные (сравнимые по объему выручки) корпорации, лидирующие на мировых рынках военного и гражданского судостроения. Отметим, что мнение об идентичности российской и американской моделей судостроения верно лишь в части сегментов рынка, на которых присутствуют судостроители обеих стран. Сегодня ОСК занимает доминирующее, фактически монопольное, положение на рынке РФ — внутренняя конкуренция отсутствует полностью, в то время как американское судостроение конкурентно (в США более 100 частных и государственных предприятий). Таким образом, сравнивать надо не стратегии государств по развитию национального судостроения, а стратегии компаний, работающих в отрасли.

Анализ моделей конкурентов показал, что ни одна корпорация в мире не присутствует на всех без исключения сегментах рынков судостроения. Позиция ОСК уникальна — после ввода в строй новых мощностей по крупнотоннажному судостроению или приобретения верфей Крыма ОСК будет присутствовать во всех сегментах. Основные модели, применяемые ведущими мировыми корпорациями, сформированы достаточно давно и активно используются лидерами зарубежного судостроения.

Сфокусированная (нишевая) стратегия на базе дифференциации продукции является самой распространенной, применяемой почти всеми лидерами современного мирового судостроения. Данная модель ориентирована на узкий сегмент покупателей и вытеснение конкурентов за счет предложения товаров или услуг, лучше удовлетворяющих потребности покупателей (например, южнокорейские компании NHI, SHIC Ltd., DSME — в сегменте газозовов, сингапурская «Keppel Offshore & Marine Ltd.» — в сегменте морских платформ для освоения шельфа). Данная стратегия роста нацелена на успех в долгосрочной перспективе за счет сосредоточенности на ключевом бизнесе и связанных с этим эффектов масштаба и кривой накопления опыта. Для ОСК данная модель должна быть базовой в период 2013–2030 гг.

Сфокусированная (нишевая) стратегия на базе низких издержек заключается в ориентации на узкий сегмент покупателей и вытеснение конкурентов за счет более низких издержек производства. Приверженцами данной модели являются лидирующие китайские судостроительные компании CSSC и CSIC. Дешевая рабочая сила, мощная поддержка правительства и благоприятные климатические условия позволили им вырваться в мировые лидеры гражданского судостроения в сегменте несложных судов (балкеры, танкеры). Данная стратегия неприменима для ОСК в целом в 2013–2030 гг., однако опыт ОАО «Завод «Красное Сормово» в строительстве танкеров свидетельствует, что можно преодолеть и климатические, и организационные проблемы.

Стратегия вертикальной интеграции позволяет расширить сферу деятельности корпорации как по направлению к поставщикам («назад»), так и (или) к конечному пользователю («вперед»). Частичную интеграцию применяют корейские и китайские судостроители, создавая СП и локализуя производство ключевых компонентов (двигателей, генераторов, судового кранового оборудования и т.п.). Если вертикальная интеграция не приводит к значительному снижению издержек или дополнительному конкурентному преимуществу, она неоправдана ни стратегически, ни финансово. Решение

SWOT-анализ ОСК

<i>Внешняя среда</i>	
Сильные стороны: • опыт работы и научно-технический задел на ключевых сегментах рынка (военные корабли, атомный флот, ледоколы); • сформирован значительный портфель заказов; • относительно дешевая рабочая сила; • возможность кооперации с другими предприятиями, входящими в ОСК, с целью повышения эффективности деятельности	Слабые стороны: • высокая себестоимость продукции и неконкурентность по срокам изготовления; • значительный износ основных фондов (около 70%); • устаревшие технологии производства А; • невысокое качество и ограниченность трудовых ресурсов; • сильно децентрализованная структура активов (широкая география расположения предприятий); • низкое качество и длительные сроки проектирования; • недостаток денежных средств на инвестиции и операционную деятельность; • отсутствие возможности работать с экспортом напрямую и создавать альянсы по ВТС; • недостаток компетенций для успешной конкуренции на международных рынках
<i>Внутренняя среда</i>	
Возможности: • монопольное положение в ключевых сегментах внутреннего рынка (атомные суда, военная продукция, ремонт военной продукции); • значительный спрос на внутреннем рынке; • принятие большой государственной программы развития отрасли; • расширение мер господдержки судостроения, разрешенных ВТО (квоты под киль и т.п.); • доступ к государственному финансированию; • повышение конкурентоспособности путем создания новых судостроительных комплексов; • возможность создания альянсов с крупнейшими заказчиками морской техники для гарантированного обеспечения портфеля заказов; • возможность привлечения стратегических партнеров из числа лидеров рынка проектирования и строительства сложной морской техники для использования технологий и бизнес-процессов стратегического партнера; • относительно дешевые энергоресурсы	Угрозы: • высокая зависимость от государственного бюджетного финансирования и изменение способов финансирования через кредиты под госгарантии; • падение цен на углеводороды; • приватизация государственных заказчиков (ОАО «Совкомфлот», ФГУП «Росморпорт» и др.), передача функций заказчика от государственных нефтегазовых компаний в СП с иностранными партнерами, международный аутсорсинг сервисных услуг при разработке шельфовых месторождений; • усиление позиций конкурентов на внешнем и внутреннем рынках; • высокая степень зависимости от безальтернативных поставщиков оборудования; • высокие пошлины на ввоз оборудования и отсутствие импортных пошлин на ввоз судов; • исполнение обязательств по ВТО (запрет на определенные виды господдержки); • влияние инфляции и колебание курсов валют при фиксированной в рублях цене контракта; • высокая стоимость и отсутствие долгосрочного кредитования; • высокая налоговая нагрузка; • суровые климатические условия; • открытие внутренних водных путей для иностранных судов; • неоптимальное распределение бюджетного финансирования по ФЦП

о не включении в ОСК пакетов акций основных разработчиков и производителей комплектующих, испытывающих аналогичные системные проблемы, представляется в данном контексте стратегически верным. ОСК необходимо рассмотреть возможность вертикальной интеграции «вперед» с любой из крупных российских компаний, планирующих активизацию работ на шельфе РФ, с целью получения заказов на суда и морскую технику.

Стратегия слияний и поглощений применяется при стремлении получить доступ на глобальные рынки (STX) или желании занять выгодную позицию в отрасли в будущем. ОСК применило данную стратегию согласно Указу Президента России № 394 для получения фактически монопольной позиции на рынке РФ, что стратегически правильно в период 2007–2012 гг. Однако дальнейшие шаги в этом направлении за пределы РФ, в частности приобретение активов в Финляндии (Arctech Helsinki Shipyard), представляются преждевременными. Не решив проблемы загрузки, системной убыточности российских предприятий и не выйдя на конкурентные зарубежные рынки, ОСК должен воздерживаться от дальнейших приобретений зарубежных активов.

Стратегия альянсов и сотрудничества применяется: 1 — для борьбы за выход на национальные рынки других стран (французская компания DCNS); 2 — для получения новых технологий (китайские и корейские компании). Сегодня стандартная крупная корпорация одновременно участвует примерно в 30 союзах (10 лет назад — в среднем в трех). ОСК необходимо сосредоточиться на создании совместных предприятий с мировыми лидерами для локализации производства основного оборудования в РФ и получения компетенций по управлению проектами.

Стратегия дезинтеграции и аутсорсинга состоит в том, что компания, отказываясь от интеграции, концентрируется на очень узких отрезках цепочки ценности, оставляя у себя только то, что является ключевой компетенцией. Ярким и успешным примером такой стратегии является та же DCNS. Имея показатели выручки, сравнимые с выручкой ОСК, и численность всего 12 000 человек, DCNS ежегодно демонстрирует прибыль около 200 млн евро. Работая в сегменте военного судостроения, данная компания размещает заказы практически на любых верфях различных стран, концентрируясь на разработках, продажах, сервисе и управлении процессами строительства. Данная модель неприемлема для ОСК в связи с проблемами организационного и социального характера.

Стратегии глобализации и брендинга в судостроении не применяются.

Таким образом, ОСК следует принять в качестве базовой *сфокусированную (нишевую) стратегию на основе дифференциации продукции*. Ключевыми сегментами, на которых следует сосредоточиться, являются военное судостроение, сложные гражданские суда и морская техника для освоения шельфа. Реализация Стратегии невозможна без современных судостроительных верфей и модернизации действующих производств в соответствии с моделью широкой кооперации по «корейскому» типу с применением 3D-моделирования.

Для модернизации ОСК необходимо использовать «окно возможностей» и государственную поддержку (максимально эффективно — в 2013–2018 гг.), параллельно занимаясь реинжинирингом бизнес-процессов внутри корпорации для повышения операционной эффективности. Создание научно-технического задела (далее — НТЗ) в этот период должно быть неразрывно связано с ОСК и осуществляться при непосредственном участии корпорации с постоянным контролем за практической реализацией проекта. В результате начиная с 2020 г. ОСК будет сохранять доминирующее положение на внутреннем рынке и сможет выйти на внешние рынки с конкурентоспособной продукцией.

Перейдем к *миссии, целям и задачам Корпорации на период 2013–2030 гг.*

Миссия ОСК — производство конкурентоспособных кораблей, судов и морской техники для обеспечения стратегических интересов Российской Федерации в освоении морских пространств.

Цели ОСК:

- принципиальное улучшение стратегической конкурентной позиции судостроения России и удовлетворение потребностей государства и отечественного бизнеса в современной продукции судостроения;

- ликвидация системной убыточности предприятий ОСК;
- увеличение доли отечественного военного кораблестроения на мировом рынке по тоннажу до 16% к 2030 г.;
- доведение доли отечественного гражданского судостроения на мировом рынке к 2030 г. до 10% в стоимостном выражении и до 2% — по тоннажу;
- доля обновленных и новых основных производственных фондов судостроительных организаций отрасли (верфей) — более половины к 2020 г.;
- рост производительности труда в гражданском сегменте судостроения в 2020 г. (по отношению к 2011 г.) в 4,5 раза.

Реализация поставленных целей рассчитана на три программных периода, рубежами которых являются: ближний — 2016 г.; средний — 2020 г.; дальний — 2030 г.

Основная задача первого периода (2013–2016 гг.) — начало масштабной модернизации и технического перевооружения предприятий отрасли, реинжиниринг бизнес-процессов внутри ОСК для достижения операционной эффективности. В этот период основные усилия должны быть направлены на решение следующих задач:

- активное строительство новых верфей на Дальнем Востоке и Северо-Западе (альтернативой Северо-западной верфи может служить приобретение верфей Крыма);
- комплексная модернизация, реконструкция и техническое перевооружение предприятий ОСК в модели «широкой кооперации» с новыми верфями;
- поиск путей интеграции с любой из крупных компаний, участвующих в освоении шельфа;
- системная работа с Правительством РФ по изменению законодательной и нормативно-правовой базы, обеспечивающей развитие судостроения с учетом ограничительных требований ВТО;
- создание внутри ОСК структуры, формирующей идеологию распределения и контроль за внедрением программ, финансируемых за счет ФЦП по судостроительной тематике (кроме НТЗ);
- реинжиниринг бизнес-процессов внутри ОСК для достижения операционной эффективности и снижения убыточности предприятий;
- усиление роли региональных центров ОСК и оптимизация распределения функций между различными уровнями управления;
- разработка перспективных проектов кораблей, судов и другой морской техники;
- разработка системы взаимодействия с ФГУП «Рособоронэкспорт» при поставках по линии ВТС, учитывающей возможность прямого сотрудничества ОСК с заказчиками при сохранении контрольной функции за Рособоронэкспортом;
- создание условий для ликвидации зависимости России от зарубежных производителей в области материалов, основного оборудования и комплектации кораблей и судов;
- подготовка к полномасштабному внедрению 3D-моделирования в связке «КБ — верфи».

Основная задача второго периода (2016–2020 гг.) — завершение модернизации предприятий ОСК и создание новых верфей, начало строительства основных перспективных кораблей XXI в., высокотехнологичных судов для арктической навигации и морской техники для шельфа.

В этот период основные усилия должны быть направлены:

- на завершение строительства новых верфей и комплексной модернизации действующих предприятий ОСК;
- отработку модели «широкой кооперации» действующих предприятий ОСК с новыми верфями;
- оптимизацию производственных мощностей (в том числе сокращение излишних);
- полномасштабное внедрение 3D-моделирования в связке «КБ — верфи — ремонтные заводы» и переход на модель «полного жизненного цикла» кораблей и судов через передачу 3D-моделей в сервисные подразделения региональных центров ОСК;
- подготовку к освоению новых видов продукции (перспективных боевых кораблей, крупнотоннажных судов, газозовов, морской техники для шельфа).

Основная задача третьего периода (2020–2030 гг.) — возрождение конкурентоспособного военного и гражданского флота России, увеличение экспорта продукции судостроения.

Основные усилия должны быть направлены:

- на полную ликвидацию системной убыточности предприятий ОСК;
- выход с конкурентоспособной продукцией на внешние рынки по гражданскому судостроению;
- увеличение экспорта продукции военного назначения по линии ВТС за счет практической реализации НТЗ 2013–2020 гг.;
- обеспечение возможности создания морского авианосного комплекса и серийного строительства кораблей класса «Эсминец».

Рассмотрим основные мероприятия ОАО «ОСК», необходимые для достижения операционной эффективности и снижения убыточности предприятий в период 2013–2016 гг.

Децентрализация процессов управления корпорацией. Формально выполнив Указ Президента РФ от 21 марта 2007 г. № 394 о создании 4 центров судостроения, ОСК так и не делегировала полномочия этим центрам (как отмечалось, исключение составляет ОАО «ДЦСС» (2010–2012 гг.), в котором сосредоточено менее 7% активов корпорации). Это привело к отсутствию должного контроля за ДЗО, которые остаются системно убыточными.

Отсутствует стратегия развития предприятий, очные советы директоров проводятся в среднем не чаще одного раза в год, долгосрочное финансовое планирование отсутствует (горизонт планирования — менее 1 года), не ведется работа с кадровым резервом. Управление 117 предприятиями, расположенными далеко от головной компании, недостаточно эффективно.

Для выполнения Указа Президента РФ № 394 необходимо создать реально работающие региональные центры. Практика построения организационных структур в крупнейших мировых корпорациях со столь далеко расположенными друг от друга активами показывает, что чаще всего применяются региональная либо матричная модель.

Необходима срочная децентрализация управления с передачей в регионы ряда функций, неудовлетворительно исполняемых центральным аппаратом ОСК:

- корпоративное управление в ДЗО (контроль за созданием стратегических, операционных, финансовых, инвестиционных планов на период до 2020 г.; ежеквартальный контроль за их выполнением генеральными директорами);
- управление персоналом (контроль за созданием реального кадрового резерва ОСК непосредственно в ДЗО, а также за разработкой ключевых показателей эффективности для топ-менеджмента; организация корпоративного университета ОСК; помощь в перераспределении основных производственных рабочих между предприятиями в зависимости от уровня загрузки);
- контрольно-ревизионная деятельность (перенос основных усилий контрольно-ревизионного аппарата с проблемы неисполнения регламентов на постоянный контроль уровня цен при закупках в ДЗО);
- контроль за управлением непрофильными активами в ДЗО (в связи с огромным количеством непрофильных активов корпорации возможность реального контроля за их использованием существенно ограничена).

Появление новых функций и повышение эффективности реализуемых на уровне центрального аппарата ОСК:

- создание внутри корпорации структуры, формирующей идеологию распределения программ, финансируемых за счет ФЦП по судостроительной тематике (за исключением НТЗ), и контроль за их внедрением или реализуемостью (сегодня ОСК выполняет только функцию согласования);
- создание внутри ОСК структуры, контролирующей реализацию долгосрочной программы строительства, модернизации, технического перевооружения верфей в соответствии с целями и задачами данной концепции;

- создание «Управления сервиса», разрабатывающего на первом этапе идеологию и методологию управления жизненным циклом продукции ОСК;
- усиление действующего подразделения по ИТ с целью безусловного внедрения на всех предприятиях ОСК 3D-моделирования в связке с PLM-системой;
- переориентация департамента закупок ОСК с попыток снабжения конкретных предприятий из удаленных регионов на комплексную, системную работу по демополизации рынка, локализации и созданию реальных партнерств с мировыми лидерами судового оборудования; нормативное обеспечение и контроль за исполнением тендерных процедур;
- усиление (в связи с фактически монопольной позицией ОСК на российском рынке) функции централизованного распределения заказов в целях выравнивания производственной загрузки и достижения безубыточности ДЗО;
- закрепление и контроль функций по реализации мер господдержки за профильным вице-президентом, курирующим юридический и корпоративный департаменты.

Таким образом, только реализация Альтернативной стратегии позволит ОСК выйти из системного кризиса, в котором она находится последние 5 лет. Предсказанное в 2013 г. в SWOT-анализе падение госфинансирования уже происходит в 2014 г. Если не будут начаты радикальные изменения, то ОСК сможет продержаться на заделе по ГОЗ-2013 максимум два года. В этом случае начиная с 2016 г. отрасль в целом ждет сокращение занятых на уровне 30...50% (40...60 тыс. работников). Гражданское судостроение будет полностью передано на зарубежные верфи. Российское военное судостроение сохранится в сильно усеченном варианте: мы будем строить в основном для себя — дорого и долго. Доля экспорта военной продукции будет снижаться уже с 2014 г.

К. А. Ахметова¹, А. А. Ахметова², А. Ж. Тержанова³

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ВЫГОДЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСТАНА

В Казахстане проблемы построения конкурентоспособной экономики, решение задач, поставленных в Стратегии «Казахстан–2050», будут решаться в условиях глобализации, значительно расширившей рамки мирового экономического порядка.

При разработке стратегий и целевых программ необходимо учитывать недостаточную конкурентоспособность отечественной экономики, степень ее вовлеченности в систему мирохозяйственных связей, готовность к дальнейшему расширению интеграционных инициатив и т.д. Встраивание внутреннего рынка в глобальный требует совершенствования управления бизнес-процессами на основе более широкого использования рыночных инструментов хозяйствования, новейших технологий менеджмента и маркетинга.

Чтобы извлечь максимальные выгоды от участия в мировой интеграции, необходим научно обоснованный системный подход к исследованиям экономических интересов страны. Анализ функционирования экономики Казахстана в условиях Таможенного союза (ТС) свидетельствует, что отечественными экономистами не были исследованы факторы функционирования экономики в условиях интеграции и не разработаны превентивные меры для нивелирования возможных рисков.

Результаты экономической интеграции отражаются в объеме товарооборота между странами. По расчетам экспертов, совокупный объем экономик стран ТС составляет около 2,6% мирового ВВП (2,2 трлн долларов) и 4% мирового экспорта. В будущем интеграционный эффект должен составить 900 млрд долларов. По данным Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан, товарооборот Казахстана со странами ТС в 2012 г. вырос на 7% и составил 24,6 млрд долларов, в том числе с Российской Федерацией — 24 млрд долларов, Беларусью — 0,8 млрд долларов. Доля внешней торговли со странами ТС в общем объеме товарооборота Республики Казахстан в 2012 г. составила 18%. После снятия таможенных барьеров на казахстанском рынке увеличились объемы российских и белорусских товаров. Если этот процесс происходит в рамках равноправных конкурентных отношений, то его можно оценить позитивно. Однако ситуация, сложившаяся сегодня на рынках ТС, неблагоприятна для Казахстана.

Доля импорта из стран Единого экономического пространства (ЕЭП) увеличилась с 32% в 2009 г. до 40% в 2012 г., при этом 97% торговли Казахстана в рамках ТС приходится на Россию. В Казахстан из России завозится в три раза больше продукции, чем экспортируется, из Беларуси — в 8 раз. Диспропорции возникают как по объективным, так и по субъективным причинам, одна из причин — неравные условия для участников ТС. Объективные причины связаны с тем, что многие отечественные предприятия, ориентированные на массовый выпуск пищевой продукции, еще не встали на ноги; среди субъективных отметим применение российскими и белорусскими предпринимателями мер нетарифного регулирования, в результате которых казахстанская алкогольная, мясо-молочная и химическая

¹ Кулянда Айнековна Ахметова, Астанинское представительство Центра дистанционного обучения Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, профессор, канд. экон. наук.

² Асель Абилкасимовна Ахметова, доцент кафедры ФНС Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, канд. экон. наук.

³ Айгуль Женыс-Туыновна Тержанова, доцент Астанинского представительства Центра дистанционного обучения Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, канд. экон. наук.

продукция слабо представлена в РФ и БР. Казахская продукция занимает на рынке России лишь 7%. Приведенные данные говорят о наличии разногласий между странами-участницами, избежать которых можно было в процессе тщательной предварительной проработки вопросов сотрудничества. Для разрешения разногласий необходимо совершенствование деятельности Евразийской экономической комиссии, основными принципами работы которой должно быть использование полномочий, полученных от национальных правительств, в интересах своих государств, достижение равноправия, равенства и справедливых взаимоотношений [1, с. 3].

Следующим шагом на пути расширения интеграционных процессов является желание Казахстана вступить в ВТО. Эволюция и функционирование этой организации демонстрируют сложное взаимодействие сил глобализации и протекционизма. Первые ищут оптимальные пути выхода на мировые рынки, а вторые ограничивают доступ на внутренние рынки, сохраняя и воздвигая барьеры на этом пути. Сегодня в условиях мирового продовольственного кризиса остро стоит вопрос: сможет ли страна обеспечить продовольственную безопасность, став членом ВТО. Руководство практически всех стран, и Казахстана в том числе, пересматривает приоритеты в сторону протекционизма в финансовом секторе, сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности для защиты национальных интересов.

На долю входящих в ВТО стран (их 159) после присоединения к ним Китая приходится примерно 95% мирового товарооборота — в сущности, весь мировой рынок. Сингапурская декларация ВТО отмечает преимущества членства в ВТО: «Усиливающаяся интеграция экономик создает беспрецедентные возможности для лучшего роста, формирования рабочих мест и развития, но эти сдвиги требуют адаптации экономик и обществ. Они создают также проблемы для сложившихся систем торговли» [2, с. 3].

Создание ВТО способствует снижению влияния протекционистских мер, когда высокие импортные пошлины и экспортные субсидии оказывают серьезное воздействие на экономику, в первую очередь на сельскохозяйственный сектор. Протекционистские меры приводят к деформации международной торговли сельскохозяйственной продукцией, порождая перепроизводство и демпинг. Членство в ВТО, как показывает практика, негативно влияет в первую очередь на развитие аграрного сектора. Для многих развивающихся стран введение индустриальным Западом высоких пошлин в сочетании с субсидированием сельского хозяйства создают труднопреодолимые препятствия при входе на рынки развитых стран.

В целях урегулирования проблем аграрного сектора при вхождении в ВТО, снижения его отрицательного воздействия на аграрную экономику стран-участниц была создана комиссия для решения вопросов субсидирования сельскохозяйственного производства, развития экспорта и деформации торговли сельскохозяйственной продукцией. В частности, Уругвайский раунд ВТО завершился принятием соглашения о переходном периоде для сельского хозяйства, в течение которого следует провести реформы в сфере производства, переработки и реализации продукции.

Для развивающихся стран, в том числе Казахстана, актуальны вопросы, связанные с облегчением допуска их сельскохозяйственной продукции на рынки индустриальных стран за счет снижения импортных пошлин, создания равных условий конкуренции с индустриальными странами, субсидирующими свой сельскохозяйственный экспорт. Однако либерализация в сельскохозяйственном секторе сама по себе не может обеспечить продовольственную безопасность и повысить уровень жизни населения. До сих пор многочисленные попытки ВТО определить, как либерализация рынка сельскохозяйственной продукции может повысить уровень жизни населения и обеспечить продовольственную безопасность, были безуспешными. Между тем, несмотря на рост мирового производства продовольствия, численность населения, испытывающего голод и нехватку пищи, во многих развивающихся странах увеличивается. Ряд стран попросту не имеет средств для закупки продовольственных товаров при всем их изобилии на мировых рынках, поэтому вступление в ВТО имеет как сторонников, так и противников.

По мнению сторонников скорейшего вступления в ВТО, членство в этой организации необходимо для развития экономики. С их точки зрения, с момента основания ВТО наблюдается исключительный рост уровня мировой торговли, богатства и процветания в мире.

Для Казахстана, имеющего небольшой внутренний рынок и нуждающегося в доступе к мировым рынкам для развития промышленности и наращивания объемов сельскохозяйственной продукции, политика открытой торговли объективно необходима. При вступлении в ВТО Казахстан может составить конкуренцию на мировом рынке по следующим направлениям: углеводороды; зерно и мука; ядерные технологии; космические программы; транспортная логистика и транспорт.

Стремление Казахстана вступить в ВТО обусловлено желанием получить определенные конкурентные преимущества для бизнеса:

- интегрированность в мировое хозяйство, получение режима наибольшего благоприятствования в отношениях со всеми членами ВТО;
- возможность вывода своих товаров на внешние рынки;
- возможность наполнить рынки товарами широкого ассортимента и удовлетворить спрос населения на более высоком уровне;
- выгодные пути для транзита своих товаров, что особенно важно для обрабатывающей промышленности;
- привлечение иностранных инвестиций в экономику, прежде всего в несырьевые отрасли;
- расширение возможностей использования передовых технологий и тем самым повышение качества и конкурентоспособности отечественных товаров;
- получение помощи в решении торговых споров, в частности при антидемпинговых разбирательствах;
- доступ к информации о внешнеэкономической политике стран-участниц, что позволит разрабатывать более грамотную, эффективную торговую политику.

Основные преимущества от участия в ВТО получают богатые страны. Некоторые оппоненты говорят о возможности глобальной конвергенции доходов, аргументируя это более высокими темпами развития экономики бедных стран. На самом же деле быстрый рост характерен лишь для небольшой группы государств Юго-Восточной Азии («азиатских тигров»). Наименее развитые в экономическом отношении страны отличаются гораздо более низкими темпами роста, глобализация обрекает их на все большее отставание от остального мира. МВФ считает, что участие в ВТО сегодня практически не приносит ее членам экономических дивидендов. Так, вступление в ВТО Кыргызстана, Грузии, Молдовы и Армении не привело к позитивным изменениям в экономике этих стран.

Ряд экономистов полагает, что членство в ВТО станет мощным стимулом для повышения эффективности производства. Однако и они согласны, что поспешное вхождение в ВТО создаст реальную угрозу экономической безопасности Казахстана, который по-прежнему воспринимается лишь как поставщик сырья [3].

На наш взгляд, вступление в ВТО без необходимой подготовки может привести к негативным последствиям:

- дальнейшая либерализация внутреннего рынка может оказаться губительной для большинства сельскохозяйственных предприятий. Напомним, что доля сельскохозяйственной продукции в ВВП страны имеет тенденцию к снижению (с 26% в 1991 г. до 4,3% в 2012 г.);
- членство в ВТО отрицательно повлияет на пищевую промышленность; по статистике, в Казахстан завозится 74,2% молока и сливок сгущенных, 67,4% — кондитерских изделий, 45% — колбасных, 32% — масла сливочного, 40,2% — сахара и т.д. Основная причина — высокая себестоимость и низкая конкурентоспособность продукции, отсутствие международных сертификатов качества на большинство продуктов;
- в тяжелом положении могут оказаться предприятия малого и среднего бизнеса (МСБ), развитие которого в стратегических документах страны определено как приоритетное;

- отсутствие в правилах ВТО учета разного уровня развития стран с переходной экономикой не способствует реальному подъему экономик этих стран и становлению справедливых взаимоотношений;

- многочисленные льготы и преференции, которые получают члены ВТО для защиты своих рынков, сводят на нет саму идею соглашения о свободной торговле. Многие страны, в первую очередь США, нарушают достигнутые договоренности, используя методы несправедливой конкуренции: в ЕС и США — это высокий уровень государственных субсидий, в КНР — заниженный курс национальной валюты [4, с. 4];

- вступление Казахстана в ВТО, на наш взгляд, не приведет к расширению импорта из-за ограниченной емкости внутреннего рынка, а сырье, которое занимает в экспорте основную статью, успешно продается и без соблюдения правил ВТО;

- в настоящее время сельское хозяйство развивается динамично, началась реализация прорывных инновационных проектов по созданию предприятий крупнотоварного животноводства, техническому перевооружению агроформирований, подъему предприятий переработки сельскохозяйственной продукции с высокой добавленной стоимостью. В животноводческой отрасли среднегодовые показатели роста численности скота составляют 5...7%, такие же темпы наблюдаются в сфере переработки животноводческой продукции. Вступив в ВТО, можно утратить эти достижения;

- членство в ВТО неизбежно приведет к снижению уровня поддержки государством отечественных сельхозпроизводителей. Правила ВТО требуют сокращения мер «янтарной корзины» — средств прямой поддержки (субсидий и платежей) до 5% от цены продукции для развитых стран и 10% — для развивающихся.

Развитые страны основной упор делают на меры «зеленой корзины», направляя средства не на поддержание цен производителей, а на совершенствование инфраструктуры, информационно-консалтингового обслуживания, ветеринарных и фитосанитарных мероприятий; содействие структурной перестройке и модернизации АПК и т.д. «Зеленая корзина» не связывается с обязательствами по сокращению.

«Синяя (голубая) корзина» предусматривает меры, которые являются исключением из общего правила: их объем должен быть уменьшен и удерживаться на определенном минимальном уровне [5, с. 14].

На наш взгляд, на сегодняшний день для Казахстана минусов от вступления в ВТО существенно больше, чем выгод. Остаются открытыми вопросы: как членство в ВТО повлияет на механизм формирования национальной экономической политики, на развитие экономики страны и ее отдельных секторов (в том числе жизнеобеспечивающих), как это может ограничить полномочия национального правительства, и др. В Казахстане нет методики количественной и качественной оценки тех выгод, которые может получить республика, вступив в интеграционные объединения. Такая методика необходима для оценки степени риска от участия в интеграционных связях, именно ее отсутствие не позволило реально оценить риск от участия в ТС. Для сельского хозяйства очень важно определить, на какие льготы отрасль может рассчитывать исходя из реального положения дел, что, кроме зерна и муки, она может экспортировать.

Чтобы стать полноценным членом ВТО, республика должна производить товары и услуги высокого качества, способные достойно представлять экономику страны на зарубежных рынках. В первую очередь необходимы меры по обеспечению конкурентоспособности экономики и отказ от сырьевой зависимости.

Эксперты Центра исследования и мониторинга экономики Казахстана (ЦИМЭК) считают, что вступление в ВТО нанесет удар по нашей обрабатывающей промышленности, которая не готова на равных конкурировать с предпринимателями из Европы, США и Китая. В результате экономика республики может оказаться в глубоком кризисе.

Несырьевой сектор Казахстана выглядит непривлекательно. Открытие границ привело к экспансии дешевого импорта, с которым продукция отечественных производителей не может конкурировать

ни по цене, ни по качеству. Экспорт машин и оборудования, сегмент обрабатывающей промышленности не занимают сколько-нибудь значительной доли в общей структуре производства. Происходит классический процесс скатывания страны в третий мир [6, с. 2].

Сегодня на переработку сельхозпродукции приходится лишь 5% от республиканского объема промышленного производства и 16% от объема обрабатывающей промышленности. Этому способствует также либеральный внешнеторговый режим. Средневзвешенный импортный тариф на агропродовольственную продукцию является одним из самых низких в мире — около 12,2%. В Казахстане привлекательные условия для предпринимательства, в частности, самые низкие ставки НДС, поэтому растет число компаний с российским участием. В связи с этим правительство республики отмечает приоритетность переработки сельхозсырья, производства качественных, доступных по цене и конкурентоспособных продуктов питания; ставит задачу обеспечения не менее 80% внутреннего рынка продовольствием отечественного производства.

Сегодня одним из условий вступления в ВТО является ввоз в страну ГМО-продуктов. По мнению одних специалистов, ГМО должны спасти население планеты от голода; другие считают, что основная цель их распространения — получение сверхприбыли транснациональными компаниями; третьи соотносят ГМО с политическими целями — захватом продовольственного рынка [7].

Отсутствие адекватного контроля за безопасностью генетически измененных организмов способствовало их широкому распространению. Между тем, их использование может привести к сильному негативному воздействию на окружающую среду и разрушению биосферы. Распространение ГМО выгодно развитым странам. К примеру, США признали их эквивалентными обычным продуктам, в связи с чем не проводят необходимые биохимические и токсикологические тесты, хотя процесс генетической модификации до конца не исследован [8]. США оказывают большое давление на Россию, Украину и Турцию в вопросах использования американских ГМО-продуктов. В преддверии вступления в ВТО Москва решила отменить специальный знак «Не содержит ГМО», согласившись с правилами ВТО, где запрещено маркировать ГМО-продукты. Это стало один из шагов на пути приспособления России к нормам ВТО.

Тем не менее процессы глобализации необратимы и вступление в ВТО — объективная необходимость. Чтобы нивелировать риски, Казахстану следует использовать свои конкурентные преимущества. С нашей точки зрения, наиболее перспективными направлениями подъема аграрного сектора страны являются:

- развитие органического сельского хозяйства;
- возрождение отгонного животноводства;
- создание потребительской кооперации на новых рыночных началах.

«Органическое сельское хозяйство — производственная система, которая поддерживает здоровье почв, экосистем и людей; зависит от экологических процессов, биологического разнообразия, природных циклов, характерных для местных условий; избегает использования неблагоприятных ресурсов. Органическое сельское хозяйство объединяет традиции, нововведения и науку для улучшения состояния окружающей среды, развития справедливых взаимоотношений и обеспечения достойного уровня жизни», — такое определение дает Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство [9]. У Казахстана большой потенциал для развития органического сектора. В Министерстве сельского хозяйства создана рабочая группа, которая будет заниматься стратегией развития органического сектора. Официально зарегистрирована Казахстанская федерация органического сельского хозяйства (KazFOAM), перед которой стоят задачи:

- формирования рациональной культуры потребления;
- создания соответствующей законодательно-технической базы;
- оказания реальной помощи фермерам, имеющим проекты по развитию экологически чистых продуктов;
- привлечения «зеленых» инвестиций.

Органические продукты дороже традиционных аналогов по ряду причин:

- спрос на них превышает предложение;
- высокая себестоимость продукции вследствие больших затрат на единицу продукта, на обработку и транспортировку;
- процесс продвижения органической продукции недостаточно эффективен.

Сегодня в реестре экологически чистых производителей Казахстана 74 компании: молочники, птицеводы, производители напитков и хлеба. Сертификация и выпуск экологически чистой продукции особенно актуальны в свете вступления в Таможенный союз. По мнению казахстанских экономистов, при создании необходимых условий для развития органического сельского хозяйства с привлечением малых и средних фермерских хозяйств Казахстан в ближайшие 10 лет может занять лидирующие позиции в органическом секторе во всем азиатском регионе [10, с. 20].

Важнейшим фактором создания конкурентоспособного аграрного сектора, способного выжить в условиях ВТО, на наш взгляд, является возрождение отгонного животноводства. Это позволит производить экологически чистую продукцию и увеличить экспорт мяса. Другое направление подъема сельскохозяйственного производства — возрождение мелиорации. Площадь орошаемых земель в Казахстане в советский период составляла 2,1 млн га, что позволяло производить больше 30% валовой продукции растениеводства. Сегодня — это 1,5 млн га, но производится на них только 5,3% валовой продукции, что говорит о неэффективном использовании земель. Основным потребителем воды является сельское хозяйство (60% от общего объема). Из-за неэффективного использования водных ресурсов Казахстан по урожайности сельскохозяйственных культур на орошаемых землях значительно уступает развитым странам. К примеру, в РК урожайность сахарной свеклы 200 центнеров с гектара, в США — 470 центнеров. Урожайность хлопчатника в Израиле в 2,6 раза выше, чем в Казахстане, овощных культур — почти в 4 раза [11, с. 3].

На данной проблеме акцентировал свое внимание президент РК Н. А. Назарбаев. Согласно принятой концепции перехода к «зеленой» экономике, к 2030 г. 15% посевных площадей будут переведены на водосберегающие технологии; необходимо развивать аграрную науку, создавать экспериментальные аграрно-инновационные кластеры. Наряду с производством естественного продовольствия важно вести разработку засухоустойчивых генно-модифицированных культур [12].

Актуальным является возрождение кооперации, которая в советский период была конкурентоспособной и в наибольшей степени ориентированной на рыночные отношения. Это особенно важно для развития отечественной обрабатывающей промышленности, в первую очередь пищевой. К примеру, эксперты молочного союза Казахстана считают, что для решения проблем молочной отрасли по обеспечению населения и предприятий качественными продуктами и сырьем необходимо усовершенствовать систему сбора молока и укрупнить животноводческие хозяйства. Сегодня в Казахстане 85% собираемого молока поступает от ЛПХ (в России — 50%, в Беларуси — 5%). Такое положение негативно сказывается на качестве конечной продукции. В программе «Агробизнес-2020» предусмотрено финансирование создания сети молокоприемных пунктов, оснащенных необходимым оборудованием, куда каждый частник сможет отвезти свою продукцию. В СССР в каждой области был перерабатывающий завод, в каждом райцентре — отделение; исправно работала система заготовок в потребительской кооперации. Возрождение кооперации должно начинаться с интеграции всех отраслей деятельности: производства и переработки сельскохозяйственной продукции, производства товаров, мясной промышленности, оптовой и розничной торговли, экспортной и импортной деятельности.

Потребительская кооперация — это саморазвивающаяся система, в которой кооператив выступает как добровольное объединение лиц, предприятие, предназначенное для реализации отдельных видов хозяйственной деятельности [13, с. 10]. Кооперация — это сложное, многогранное образование, состоящее из кооперативов, различающихся по сферам, целям, характеру деятельности и другим признакам. Все кооперативы обладают рядом общих черт и характеристик, которые позволяют объ-

единить их в систему кооперации, рассматриваемую как целостное явление. Вместе с тем кооперативы определенных типов и видов образуют относительно самостоятельные блоки, подсистемы в рамках единой кооперативной системы, имеющие специфические закономерности организационного строения и функционирования.

В соответствии с законодательством РК сельский потребительский кооператив — это добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц на основе членства для удовлетворения своих материальных и иных потребностей, осуществляемое путем объединения его членами имущественных (паевых) взносов. Сельские потребительские кооперативы создаются за счет имущественных (паевых) взносов для осуществления торговой, заготовительной, сбытовой, перерабатывающей, обслуживающей, снабженческой деятельности. Такие кооперативы можно создавать не только в рамках территориальных границ одной страны, но и за ее пределами.

Сегодня необходимо использовать конкурентные преимущества потребительской кооперации:

- организационное единство системы и общность экономических интересов хозяйствующих субъектов, позволяющих снизить предпринимательский риск;

- наличие развитой материально-технической базы;

- многоотраслевой характер деятельности, позволяющий создать интегрированное хозяйство;

- квалифицированный кадровый потенциал;

- наличие постоянных потребителей на рынке товаров и услуг (пайщики, сельские жители), доверие населения;

- сложившийся имидж социально ориентированной системы и надежного партнера;

- законодательная база и государственная поддержка;

- выполнение коммуникационной роли в сельской местности (предприятия торговли и массового питания играют на селе роль общественных центров);

- в Налоговом законодательстве РК для потребительской кооперации предусмотрен специальный налоговый режим, в частности, для исчисления корпоративного подоходного налога, НДС и других суммы этих налогов уменьшаются на 70%.

Кроме того, приобретая оборотные средства (дизтопливо, удобрения, семена и химикаты), фермеры (члены сельского потребительского кооператива) могут приобрести материалы оптом по более низким ценам.

К сожалению, на сегодня нам не известны случаи объединения крестьян в сельские потребительские кооперативы. Имеющиеся кооперативы никакого отношения к производству сельскохозяйственной продукции не имеют. В то же время в ряде стран СНГ потребительская кооперация сохранилась и выполняет функции по производству, закупке, переработке и реализации товаров.

Зарубежный опыт в этой сфере отражает интеграционные процессы, в основу которых положены тенденции развития различных форм кооперации. Формируется специфический сектор, где возможность диверсифицированного развития поддерживается взаимовыгодными партнерскими отношениями на местном, национальном и международном уровнях. Этот опыт свидетельствует, что при разумной государственной политике кооперативное предпринимательство вносит значительный вклад в создание различных благ, смягчает последствия социальных потрясений. Кооперативное законодательство многих стран предусматривает определенные льготы и привилегии кооперативам [13, с. 22].

Среди стран ТС выделим Беларусь, в которой внешнеторговый оборот предприятий потребительской кооперации составляет более 80 млн долларов. При этом предприятия Белкоопсоюза ввезли в Беларусь продукции на 32 млн долларов. Импортировалось, в основном, то, что в республике не производится: морская рыба, цитрусовые, сухофрукты, свежие фрукты, виноградные натуральные вина, рисовая, гречневая, пшенная и гороховая крупа. Объем экспорта продукции предприятий потребительской кооперации вырос на 39% (до 49 млн долларов), основную его долю составляли пушнина, мясо, дикорастущая продукция — черника, клюква, грибы.

Более 60% объема экспортированной Беларусью продукции приходится на российские регионы. Осваиваются рынки сбыта в Молдове, Польше, Украине, странах Балтии. В странах ЕС повышенным спросом пользуется дикорастущая продукция. Предприятия Белкоопсоюза продали в страны Балтии и Польшу 1800 т черники по самым выгодным ценам; выполнено задание по экспорту мяса — при плане 6,8 тыс. тонн его реализовано 7 тыс. тонн [14].

Изложенные в статье факты свидетельствуют, что аграрный сектор Казахстана не готов к вхождению в интеграционные объединения на паритетных началах. Это подтверждают итоги функционирования страны в условиях ТС. Вхождение в ВТО только усугубит положение сельского хозяйства. На наш взгляд, необходимо разработать и реализовать ряд мероприятий, которые позволят республике занять достойное место на мировых рынках сельскохозяйственной продукции.

Повышение эффективности АПК требует совершенствования управления. Организационные структуры, ответственные за вопросы сельского хозяйства (Правительство Казахстана, Министерство сельского хозяйства, НХ «КазАгро» и др.), должны использовать единый системный подход при разработке аграрной политики: концентрировать внимание на стратегическом планировании, выработке грамотной государственной политики в отрасли и совершенствовать нормативную базу международного сотрудничества. Данная политика должна быть согласована с участниками интеграционного объединения.

Список литературы

1. Шамишев, Е. Путь к безопасности и стабильности в Евразии / Е. Шамишев // Казахстанская правда. — № 304 (27578). — 30.10.2013
2. Мукерджи, А. ВТО и развивающийся мир. Внедрение нормативов ВТО: проблемы развивающихся стран / А. Мукерджи // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 6. — С. 3–13.
3. Куанов, А. Казахстан по-прежнему не готов вступить в ВТО / А. Куанов, С. Амирбекова. — <http://zonakz.net>
4. Бейсембетов, К. Потребительский рынок и инфляция как перекресток социально-экономических проблем Казахстана / К. Бейсембетов // Деловая неделя. — 2008. — 20 июня.
5. Ахметова, К. А. Агропромышленный комплекс Казахстана в условиях вступления в ВТО / К. А. Ахметова // Экономический вестник (Киргизия). — 2009. — № 4. — С. 13–17.
6. Разумов, Я. По мнению экспертов, как позитивные, так и негативные ожидания от ТС оказались преувеличены / Я. Разумов // Панорама. — № 38. — 2013. — 4 окт.
7. Ермакова, И. В. ГМО как тест на зрелость / И. В. Ермакова. — <http://wto-inform.ru>
8. Ждановская, А. ВТО навязывает ГМО-продукты / А. Ждановская // <http://stop-vto.ru>
9. Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство <http://www.ifoam.org>
10. Николаева, Т. Органическая эра / Т. Николаева // Эксперт Казахстан. — 2013. — № 41 (433). — С. 16–20.
11. Севостьянова, И. Из-за неразвитости орошаемого земледелия сельское хозяйство теряет миллиарды тенге / И. Севостьянова // Панорама. — 2013. — № 43. — 8 авг.
12. Послание Президента РК «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». — 2014. — 17 янв. // <http://www.akorda.kz>
13. Кошанов, А. К. Кооперативные отношения в системе рыночных реформ / А. К. Кошанов, А. Ж. Тержанова. — Караганда: КЭУК, 2005. — 187 с.
14. Предприятия потребительской кооперации Беларуси увеличили экспорт. — 2013 // www.agrobel.by

О. В. Брижак¹

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ПОТЕНЦИАЛ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Дискуссии по проблемам новой индустриализации, базирующейся на новых технологиях или хотя бы восстанавливающих потенциал российской экономики дотрансформационного периода, начались до осложнения внешнеэкономической ситуации в связи с санкциями. Авторы, которые инициировали эту тему, предвидели возможное негативное развитие событий и, сработав на опережение, предложили теоретические и практические рекомендации, особенно востребованные в современных условиях.

В этой связи представляются важными исследования по проблемам реиндустриализации, проводимые Институтом нового индустриального развития под руководством С. Д. Бодрунова, результаты которых освещаются в журнале «Экономическое возрождение России». В этих публикациях [1, 2] внимание акцентируется на необходимости развития новых форм промышленной политики и государственного регулирования в области налогов и кредитования, в частности создания налоговых каникул для высокотехнологичных корпораций, развития механизмов дешевого кредитования на долгосрочной основе и ряд других.

Статьи С. Д. Бодрунова и его коллег [1, 2] перекликаются с работами по проблемам неиндустриализации [11], однако, отличаются от них большей конкретностью, акцентом на ключевых отраслях, в которых может и должно происходить такое совершенствование. Кроме того, в этих публикациях подчеркивается необходимость соединения развития производства на новом современном базисе с его обеспечением в области науки и образования и развития человеческих качеств, что является скорее исключением, чем правилом, для работ по реиндустриализации [13, 14].

Отметим также работы, в которых говорится о важности продвижения по пути модернизации российской экономики от высокотехнологичного реального сектора к приоритетному развитию человеческих качеств и выдвигению на первый план проблемы образования и науки, а не развития материального производства [6, 16].

Все перечисленные работы, как правило, ограничиваются исследованием отношений на макроуровне и рассматривают вопросы государственного регулирования рыночной экономики, возможности развития рыночного саморегулирования, высвобождения энергии фирмы и т. д. При этом остается в стороне один из ключевых аспектов развития высоких технологий в реальном секторе, в перевооружении и реиндустриализации российской экономики в целом — проблема формирования адекватной *системы внутрифирменных отношений*.

Эта система характеризуется рядом существенных противоречий. В наших публикациях [8] показано, что внутрикорпоративные отношения — это не просто взаимодействие собственника, управленца и работников, а сложная система, включающая в качестве ключевой составляющей *материально-техническую базу корпорации*. Выделение этого аспекта позволяет актуализировать задачу реиндустриализации на новой технологической базе. Нельзя рассматривать корпорацию

¹ Ольга Валентиновна Брижак, доцент Кубанского государственного технологического университета, канд. экон. наук.

исключительно как некий финансовый инструмент или управленческую структуру (что часто имеет место), оставляя в стороне материально-техническую базу ее развития.

Подчеркнем, что развитие современного технологического базиса, даже если оно не дает краткосрочных экономических результатов и не улучшает динамику прибыли в ближайшие годы, стратегически необходимо для развития корпорации и экономики страны в целом. В условиях будущего развития эффективного селективного регулирования, проведения активной промышленной политики это поможет процветанию самой корпорации.

Далее, для проведения активной политики перевооружения корпораций и развития новой технологической базы потребуется *развитие внутрикорпоративных программ*, ориентированных на решение задач технологического обновления. Такие программы могут включать некоторые компоненты внутрикорпоративной конкуренции, возможные стратегические цели, подкрепляющие их ресурсы и средства воздействия, направленные на постепенное технологическое перевооружение всех звеньев корпорации. И здесь наличие стратегического плана такой перестройки, рассчитанного минимум на 3...5 лет (в идеале — и на более долгосрочную перспективу) и привязанного к стратегическим программам государства, которые начинают появляться, в частности в военно-промышленном комплексе, будет весьма полезным для развития самой корпорации.

Можно констатировать, что выдвигание задачи реиндустриализации на уровне внутрикорпоративных отношений будет способствовать развитию внутрикорпоративного планирования и регулирования экономики корпорации. Подчеркнем, что речь не идет о переходе к исключительно вертикальной бюрократической централизованной модели управления корпорацией, напротив, задействование современных кадров корпорации (высококвалифицированных рабочих, инженеров, научно-технических сотрудников) позволит вовлечь их в управление. Как показывает история развития внутрикорпоративных отношений, *участие работников в управлении* дает большой экономический и социальный эффект.

Перейдем к *уровню отношений собственности*, о чем много говорилось. Речь идет об одной из самых больных проблем для российских корпораций на протяжении последнего десятилетия [5] — о *господстве инсайдеров*, которые часто использовали внутренние ресурсы не столько для модернизации, развития новых технологий, ускоренной амортизации, сколько для их перераспределения в пользу ограниченной группы. Такая деятельность российских корпораций объясняется условиями их становления и развития [9]: приватизация привела к фактической экспроприации государственной собственности держателями неформального контроля, не заинтересованными в крупномасштабном развитии корпоративного капитала.

В российских корпорациях под инсайдерами понимаются заинтересованные в деятельности корпорации стороны, которые благодаря своему формальному и неформальному положению могут влиять на корпоративное управление компанией. Инсайдеры стремятся иметь в корпорации властные полномочия, позволяющие распоряжаться финансовыми потоками. Обычно они представлены крупными собственниками и высшим менеджментом. Аутсайдеры, хотя и заинтересованы в деятельности фирмы, но не обладают достаточными рычагами воздействия на принятие решений.

Цель доминирующих групп — извлечение инсайдерской ренты за счет контроля над финансовыми потоками предприятий. Часто это наносит ущерб как деятельности корпорации, так и другим заинтересованным сторонам.

Из российской практики следует, что инсайдеры могут находиться как внутри корпорации, так и вне ее, осуществляя неформальное управление. Роль неформальных отношений в экономике нашей страны усиливалась в советское время по мере разрастания бюрократии. Для их закрепления потребовались слом государственной системы планирования и управления народным хозяйством и незаконная приватизация наиболее ценных его кусков. Новые собственники

и «эффективные менеджеры» вовсе не стремились к полной легализации своей деятельности исключительно в рамках правового поля.

Кроме того, в некоторых корпорациях менеджмент часто не имеет не только опыта работы в области высоких технологий, но и вообще инженерно-технического образования. Плохо представляя сущность и значение тех или иных проектов и инноваций, менеджеры сосредотачиваются на финансовых показателях и коммерческой стороне. Характерно также, что высший менеджмент и сотрудники корпораций стараются привлечь к работе «свою» команду, а контрагенты, которые заключают договора, предпочитают иметь дело только со «своими» людьми в этой структуре.

Следующей чертой, уже отмечавшейся ранее, является концентрация имущества. Чем больше активов вовлечено в корпорацию, тем выше уровень финансовых потоков и возможностей для извлечения инсайдерами ренты. В инсайдерской ренте, слабо связанной с эффективностью бизнеса, выражается полуфеодалная природа российского капитализма, несовместимого с инновационным развитием. Именно поэтому корпорации, используя различные рычаги, стремятся получить контроль над финансовыми потоками предприятий, где у них нет определяющей доли в акционерном капитале.

Властные полномочия в корпорациях опираются на механизмы неформального (инсайдерского) контроля. К внутренним элементам системы контроля в корпорации относятся внутренняя служба безопасности, структуры контроля и мониторинга. В задачу этих структур входит контроль как подчиненных корпорации предприятий, так и собственных сотрудников. Ведь поведение крупных инсайдеров по выводу ренты может вызвать ответные действия средних и мелких инсайдеров и способствовать мелким хищениям и другим видам оппортунистического поведения.

Таким образом, инфраструктура инсайдерского контроля над активами представляет собой совокупность формальных и неформальных институтов, обеспечивающих контроль крупных инсайдеров в корпорации. Она является воплощением внеэкономического механизма взаимоотношений и власти над людьми, который обеспечивает доход инсайдерам. Такая структура корпоративной власти, сама ее природа и предпосылки образования закладывают фундамент нестабильности. Высокие заработные платы и различные привилегии в корпорациях ведут к внутренней аппаратной борьбе. Все это в совокупности приводит к краткосрочной ориентации инсайдеров и утрате полноценного инновационного развития.

На современном этапе корпоративного развития инсайдерский контроль продолжает играть существенную роль. В ряде публикаций указывается, что «инсайдерская модель корпоративного управления» способствует реализации интересов доминирующих акционеров и менеджмента в ущерб инвесторам. Это обусловлено противоречивым господством крупных инсайдеров, ориентированных на удержание властных полномочий, обеспечивающих контроль над финансовыми потоками корпорации и возможность перераспределять ресурсы в интересах топ-менеджеров, а не корпорации и ее стейкхолдеров. Образование инсайдерской ренты за счет урезания капиталовложений и заработной платы, нарушения прав акционеров, нецелевого расходования средств с помощью сделок с аффилированными лицами, оффшорных схем, уклонения от уплаты налогов и пр. приводит к деградации корпорации и препятствует внедрению инноваций.

Важнейшей институциональной предпосылкой модернизации отечественных корпораций является преодоление механизма инсайдерского контроля, разрушение его инфраструктуры. Это предполагает установление той или иной формы социального контроля над крупным капиталом. Хорошим примером является участие в принятии важнейших решений наемных работников, государства и собственников предприятий [8].

Таким образом, устранение господства инсайдеров в российских корпорациях является едва ли не ключевым фактором для решения вопросов реиндустриализации на новой технологической основе на внутрикорпоративном уровне.

Рассмотрим социальные аспекты внутрикорпоративных отношений в частности отношения распределения дохода [12, 15]. Система распределения доходов внутри корпорации должна быть прозрачнее, а доходы топ-менеджеров должны соответствовать их вкладу и отражать реальное соотношение эффективности их труда и труда других работников.

В условиях ориентации на индустриализацию, требующую включения творческого потенциала высококвалифицированных инженерно-технических работников, ученых, в том числе занятых серьезными стратегическими разработками, непрозрачность распределительных отношений и политики доходов корпорации ведет к обострению противоречий и снижению мотивационных механизмов, позволяющих задействовать потенциал высококвалифицированных специалистов. Для них важна возможность получения дохода, сравнимого с доходами топ-менеджера. Это можно сделать не только за счет повышения доходов креативных работников, но и путем сокращения спекулятивных доходов ряда инсайдеров.

Вклад современных квалифицированных рабочих, которые предлагают инновации на рабочем месте; инженеров, разрабатывающих новые конструкторские решения; ученых, которые предлагают неординарные пути развития корпорации в техническом и экономическом отношении, по экономическому эффекту в условиях коренной модернизации, развития новых технологий вполне сравним с вкладом топ-менеджеров, решающих важные стратегические, финансовые, экономические и кадровые вопросы корпорации. Следовательно, и доходы инновационного персонала должны быть примерно равны доходам топ-менеджеров.

Отметим, что важным условием развития инновационной корпорации станет постоянная переквалификация кадров и интеграция с системами образования. Намеченный в статьях С. Д. Бодрунова акцент на необходимости создания производственно-научно-образовательных кластеров, интегрирующих высокотехнологичное производство с научно-образовательными структурами, представляется важным и стратегически перспективным [3].

Новая стратегия должна сопровождаться изменением институциональной структуры и структуры управления корпорацией. На наш взгляд, станет востребованной реализация программного подхода в условиях гипертекстовой структуры корпорации, о чем немало пишется в работах по проблемам менеджмента. Отметим, что институт стратегического менеджмента является востребованным и заслуживает приоритетного развития, что далеко не всегда реализуется в современных условиях.

В заключение напомним, что внутрикорпоративные отношения в России подвержены существенным деформациям, которые оказались значимыми не только в 1990-х гг., в период экономической рецессии и разрушения материального производства, но и в 2000-е гг., когда наблюдался экономический рост, хотя и за счет экстенсивных источников. Эти деформации были предметом нашего специального анализа, поэтому выделим лишь некоторые из них [7].

Суть деформаций заключается в отклонении от нормы, т. е. в несоответствии требованиям экономических законов и социальным запросам, связанным с институтами. Последствия экономики деформаций необратимы и имеют экономические, социальные, институциональные, политические, глобальные корни. Искажения культуры, менталитета, сознания нации, выражаемые в падении ценности труда; искажение целей и интересов собственников труда и капитала; широкое распространение неформальных отношений; разрушение системы социальных и трудовых гарантий; деформация отношений собственности, распределительных отношений; подрыв основ инновационного развития; несбалансированность и неравновесие макро- и микросистем; отраслевые деформации, структурные диспропорции, институциональная недостаточность или избыточность, препятствующая исправлению возникших деформаций, являются следствием «корректирующей» роли рынка и выбранной стратегии «реформирования» российской экономики.

Среди факторов, вызывающих институциональные деформации, можно выделить адаптивные или импортируемые в зависимости от форм деформации институциональных норм

и особенностей преобразований экономики в России; от механизмов координации ресурсов, возможностей лоббирования интересов, неэффективных институтов, господства теневой экономики, налоговых преференций и пр., вплоть до захвата или замены государственных институтов регулирования, рейдерства, маскирования предосудительной деятельности и пр.

Объективные процессы деформации меняют формы институциональных норм, искажая их генетическую, биологическую сущность и т. д. «Заказ» формальных институтов, институциональные ловушки, присвоение формальных институтов, стихийная (спонтанная) приватизация государственной собственности, функционирование государственной собственности в режиме свободного доступа ресурсов, искажение экономической ментальности и псевдорыночный тип поведения, институциональное недоверие, подмена формальных институтов прав собственности неформальными — это проявление господства механизма деформации. Несомненно, без преодоления этих процессов, в том числе на макроуровне, о чем много писалось в работах других участников дискуссии, мы вряд ли сможем решить названные выше проблемы [4].

Еще один важный момент связан со спецификой России как определенного социума. Для изменения внутрикорпоративных отношений учет специфики России как общества со сложившимися историческими и культурными традициями особенно важен, представляется нам перспективным и требующим учета [17].

С учетом изложенного сформулируем необходимые стратегические задачи: во-первых, политика реиндустриализации в России не должна сводиться к восстановлению старых промышленных технологий, ключевые проблемы должны решаться на макроуровне; во-вторых, необходима существенная перестройка внутрикорпоративных отношений, основные параметры которых охарактеризованы выше.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее современного высокотехнологического производства / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. — 2014. — № 2 (40). — С. 5–16.
2. Бодрунов, С. Д. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С. Д. Бодрунов, В. Н. Лопатин; ИНИР. — СПб., 2014. — 486 с.
3. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: возможности и ограничения: науч. докл. / С. Д. Бодрунов // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2014. — № 1, т. 180. — М., 2014.
4. Бузгалин, А. В. Российская экономическая система: некоторые итоги реформ / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Проблемы теории и практики управления*. — 2014. — № 8.
5. Бузгалин, А. В. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // *Проблемы теории и практики управления*. — 2014. — № 10.
6. Бузгалин, А. В. «Экономика для человека»: тезисы к разработке стратегии опережающего развития «Экономика для человека»: социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов; под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина // *Материалы Московского экономического форума*. — М.: Культурная революция, 2014.
7. Брижак, О. В. Институциональная трансформация российской экономики: противоречия корпоративного сектора / О. В. Брижак // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2014. — № 9 (338).

8. Брижак, О. В. Корпоративные отношения в современной российской экономике и их влияние на инновационное развитие / О. В. Брижак // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2014. — № 1.

9. Брижак, О. В. Экономика деформаций: специфика российского бизнеса / О. В. Брижак // Философия хозяйства. — 2014. — № 1.

10. Букреев, В. В. Управление социальной устойчивостью предприятия на основе производственной демократии: теория и практика: дис. ... д-ра экон. наук/В. В. Букреев; НГОО «Высшая школа приватизации и предпринимательства — Институт». — М., 2008. — 312 с.

11. Глазьев, С. Ю. О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Электронное науч. изд. «Устойчивое развитие: проектирование и управление» www.rupravlenie.ru/— Т. 9. — № 2 (19). — 2013. — С. 2.

12. Голикова, В. В. Инсайдеры, аутсайдеры и хорошее корпоративное управление: российский опыт / В. В. Голикова, Т. Г. Долгопятова, Ю. В. Симачев, А. А. Яковлев; под ред. Е. Г. Ясина // Конкурентоспособность и модернизация экономики. — М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2004. — Кн. 1. — С. 365–376.

13. Губанов, С. С. К политике неоиндустриализации России / С. С. Губанов // Экономист. — 2009. — № 9.

14. Губанов, С. С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики / С. С. Губанов // Экономист. — 2014. — № 4.

15. Клейнер, Г. Б. Реформирование и модернизация российских предприятий — резерв повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики / Г. Б. Клейнер // Четырнадцатый всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий»: тез. докл. и сообщ. — М.: ЦЭМИ РАН, 2013. — Кн. 3.

16. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // СОЦИС. — 2014. — № 1 (357).

17. Кульков, В. М. Доминанты экономического строя России / В. М. Кульков // Актуальная Россия. — М.; Волгоград, 2000.

18. Социальная экономика: теория и практика / под ред. А. В. Бузгалина, К. В. Маркаряна. — М.: ТЕИС, 2009. — 315 с.

Н. М. Межевич¹

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статьях С. Д. Бодрунова [4] и В. Т. Рязанова [10] поставлен ряд вопросов, связанных с определением ключевых перспектив экономического развития страны. Мы согласны с авторитетными коллегами: «Реиндустриализация невозможна без модернизации базовых элементов экономики и экономического инструментария для реализации модернизационных задач» [1, с. 4]. Впрочем, верно и обратное. Модернизация в современной России без эффективной промышленной политики, без реиндустриализации невозможна. Очевидно и то, что задачи новой индустриализации как ключевого компонента модернизации реализуются в конкретных экономических условиях. Кратко остановимся на макроэкономике. «Сейчас ситуация уже такова, что ее модно называть сурковским термином «околоноля»: падение продолжается, и мы входим в рецессию. Причем особенно трудно обрабатывающей промышленности, а суммарный «околонолевой» показатель на самом деле получен за счет ненулевого показателя в сфере добычи полезных ископаемых» [2]. Однако начиная со второго квартала 2014 г. негативные тренды прослеживаются и в добывающей промышленности. Объективно существующие внутренние трудности усугубляются неблагоприятной внешней экономической и политической конъюнктурой.

То, что европейская экономика в целом показывает примерно аналогичные или худшие тенденции, не может служить для нас утешением. Внутренний валовой продукт 18 стран-членов еврозоны по итогам второго квартала 2014 г. остался неизменным по сравнению с предыдущими тремя месяцами. Из опубликованных Евростатом данных следует, что последние три квартала ВВП еврозоны рос на 0,1...0,3%, однако сейчас рост остановился, и одним из факторов стало снижение на 0,2% ВВП Германии. Помимо этого, второй квартал подряд нулевым остается и рост французской экономики. Третья по величине экономика Европы, Италия, ушла в рецессию. Среди крупных экономик ЕС наибольший рост показала Великобритания, где ВВП увеличился на 0,8% [3]. Экономический кризис в Европейском союзе настолько тяжел, что Евростат переходит на новый глобальный стандарт расчета ВВП, иначе учитывающий услуги. Иными словами, вместо реального роста будет рост статистических показателей.

Все это можно рассматривать как локальные изменения экономической конъюнктуры, однако на самом деле речь идет о кризисе модели постиндустриальной экономики, которую реализовывали в большинстве европейских стран и которую некоторые российские теоретики и практики сочли наиболее подходящей для России. Этот вопрос заслуживает детального анализа. С нашей точки зрения, контуры европейской экономической политики сформировались в условиях успешного завершения промышленной модернизации 1970-х гг. Была ли эта модернизация успешной? Мнения экспертов расходятся. С одной стороны, в Европе действительно состоялся прорыв к 4-му технологическому укладу и созданы предпосылки для выхода на 5-й. Экономическая интеграция в этот период соответствовала текущим европейским условиям и способствовала промышленной модернизации. Глобализация еще не вышла на современный уровень, и провальные концепции информационного общества еще только обсуждались.

¹ *Николай Маратович Межевич*, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

Понимание европейского контекста промышленной политики 1970-х гг. необходимо для полноценного учета этого важного опыта, который имеет не только универсальное значение, но и предполагает цивилизационную трактовку, учет страновых особенностей. В этом контексте интересен подход С. Д. Бодрунова, который выделяет «... четыре ключевых условия модернизационного прорыва России»:

1. Признание необходимости опережающего развития современного материального производства на базе технологий, как минимум, 4-го и 5-го технологических укладов при обеспечении этих производств научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками и высококвалифицированными кадрами.

2. Максимально полный учет цивилизационной специфики России при проведении новой индустриализации.

3. Выстраивание экономической политики на основе тщательного анализа реальной структуры и противоречий российской экономической системы.

4. Разработка рекомендаций на будущее с учетом существенного влияния политики и идеологии на реализацию экономических стратегий в трансформационных экономиках» [4, с. 9–10].

Соглашаясь с предложенной формулой, отметим, что влияние политики на разработку и реализацию промышленной политики существенно возрастает в последнее время. Причем речь идет не только о внутренней, но и о внешней политике.

С определенной долей условности следует признать, что примерно до марта — апреля 2014 г. у России существовал выбор внешнеэкономической стратегии, определявший различные варианты отечественной промышленной политики. Первый вариант — продолжение доминировавшей в 1990-е гг. и в значительной степени сохранявшейся в XXI в. практики решения модернизационных задач за счет закупок товаров разной технологической сложности. Второй вариант — максимальное использование собственных технологических возможностей, а также приобретение современных технологий, но не товаров. В настоящее время первый вариант, объективно самый простой и, казалось бы, наименее затратный, невозможен или существенно затруднен.

Какие выводы из этого следуют? Как можно оценить сложившуюся ситуацию в контексте модернизационных задач? Как согласуются модернизационные задачи с агрессивно продвигаемыми концепциями постиндустриальной экономики? Как должна выглядеть промышленная политика в новых экономических и политических условиях? Как изменится система международного разделения труда применительно к России в ближайшие годы?

Прежде всего отметим, что представления о постиндустриальном обществе предложенные Д. Беллом в 60-е гг. XX в., трактуются зачастую вне авторского контекста. Постиндустриальное общество (постмодерн), использующее знания и глобальные электронные технологии в качестве главного ресурса развития, формируется лишь на базе зрелой экономики модерна. Эта «зрелость» имеет сложную географическую и историческую привязку. Для некоторых стран свертывание промышленного производства в пользу сферы услуг, возможно, и свидетельствует о движении к «новой экономике» — деиндустриализация в США тому пример. Увлечение переходом ведущих экономически развитых стран от индустриального общества к постиндустриальному/информационному и возможности, которые открывают процессы глобализации мирового экономического пространства, имели негативные последствия для этих стран. К примеру, Джон Нейсбит, исследовавший основные направления социально-экономических изменений, определяющих формирующееся новое общество, в своей главной работе «Мегатренды», изданной в начале 80-х гг. XX в., писал: «... нет смысла реиндустриировать экономику... Следует понять и принять новое информационное общество и те изменения, которые оно несет с собой. Надо пересмотреть концепции наших национальных и глобальных целей, чтобы они соответствовали этой информационной экономике» [5, с. 25]. Сегодня слова Д. Нейсбита актуальны в том смысле,

что они являются универсальным антиуказателем, стрелкой компаса, четко показывающей на юг. Во-первых, даже в США фактически признана тупиковость деиндустриализации. Администрация Б. Обамы реализует комплекс мер по возвращению промышленности «домой». Во-вторых, экономика постмодерна искажает сущность конкуренции. В рамках этой экономики ТНК превращаются в монополии, не поддающиеся или трудно поддающиеся регулированию. В результате формируется глобальная, скорее, имитационная конкуренция, механизм которой не «воспитывает», а просто подавляет слабых. По сути, ликвидируются сами условия функционирования рыночной модели.

В-третьих, «... в настоящее время мировая экономика в целом и российская, в частности, сталкиваются с уникальной комбинацией внешних вызовов. Мировой кризис, спровоцированный крахом рынка производных инструментов, запустил процессы кардинальной перестройки всей финансовой системы. Этот кризис стал проявлением колоссального провала рынка в финансовой сфере, которая, как выяснилось, не может эффективно функционировать в условиях тотального дерегулирования» [6, с. 27]. Как причины, так и следствия мирового экономического кризиса убедительно свидетельствуют о том, что без эффективной промышленной политики решение задачи создания «новой» высокотехнологичной экономики невозможно.

Постиндустриальное развитие, в принципе, может быть моделью государственной политики, однако, в государстве, испытывающем проблемы с развертыванием внешнеэкономических связей, сосредоточение усилий на сфере услуг нецелесообразно с экономической точки зрения и потенциально опасно с политической.

Существует несколько подходов к пониманию промышленной политики. Вероятно, заслуживает внимания и трактовка промышленной политики как не государственной деятельности. «То, что хорошо для General Motors, хорошо для страны» – пример такого подхода. Однако в данном исследовании мы рассматриваем промышленную политику как совокупность действий государства, направленных на деятельность хозяйствующих субъектов по приобретению ресурсов, организации производства, распределению и реализации товаров. Цель промышленной политики — обеспечение эффективного развития страны, роста благосостояния граждан и конкурентности отечественных производителей, а одна из важнейших задач — производство промышленных товаров в нужном количестве, должного качества и по приемлемым ценам. Объектом промышленной политики являются предприятия, корпорации и пр.; субъектом — государство.

Центральный вопрос промышленной политики – определение механизмов государственной поддержки предприятий промышленности, например, стимулирование инвестиций в форме субсидий, кредитов, налоговых льгот, системы государственных заказов и закупок. Необходимые институциональные меры включают реструктуризацию предприятий, их приватизацию, механизмы банкротства, программы развития малого бизнеса и др. Важным инструментом промышленной политики служат меры по регулированию прямых иностранных инвестиций. Все это подчинено главной цели реализации промышленной политики — обеспечению подъема промышленности за счет повышения эффективности и конкурентоспособности на внешнем и внутреннем рынках. Как правило, выделяют три основных направления промышленной политики:

- инновационная политика, способствующая взаимодействию предпринимательских и научных структур, формированию инновационных предпосылок, установлению государственных целей инновационного развития государства;
- структурная политика, стимулирующая межсекторный, межотраслевой и межрегиональный перелив капитала для финансового обеспечения перестройки отраслевой и территориальной структуры промышленности в соответствии с целями промышленной политики;

- инвестиционная политика, обеспечивающая и стимулирующая капиталовложения в развитие производства и производственной инфраструктуры.

Составной частью промышленной политики являются некоторые аспекты структурной политики, направленной прежде всего на региональное развитие, контроль за субвенциями, использование торгово-политических инструментов для защиты внутреннего рынка, например антидемпинговых мер. Практика деятельности Европейского союза свидетельствует, что декларации о свободе торговли с изъятиями применимы для внутреннего рынка, а по отношению к внешним рынкам протекционизм сохраняется и совершенствуется с точки зрения экономических, правовых и технологических схем. В связи с этим напомним, что протекционизм – это одна из форм государственного вмешательства и его наличие свидетельствует о фактической победе государственного регулирования над концепциями и практиками «свободы рынка». В настоящее время сложились экономические и политические предпосылки для того, чтобы не рассматривать государственную экономическую политику как устаревший кейнсианский инструмент регулирования. Вновь актуально звучат слова немецкого экономиста Фридриха Лутца: «... хороший хозяйственный порядок не образуется сам по себе, он должен устанавливаться» [7]. Эта формула относится и к России.

Вернемся к рассмотрению перспектив и параметров российской промышленной модернизации. Экономические и политические отношения России с основными партнерами включают очевидную сырьевую составляющую. Ответ на вопрос о том, закрепит ли Россия за собой статус «сырьевого придатка» промышленно развитых стран или пополнит их ряд в будущем, во многом зависит от проводимой сегодня дипломатии, в том числе в экономической сфере. В ближайшее время российская промышленная политика будет испытывать влияние двух основных тенденций. Во-первых, под вопросом оказалась интеграция российской экономики в европейскую и мировую экономику. Необходимость модернизации и новой промышленной политики стала императивом выживания страны. Интернационализация экономики и членство в ВТО могли принести быстрые и очевидные преимущества, что, в принципе, характерно для стран с экспортно-ориентированной экономикой. Рывок от социалистической полуизоляции к экспортной открытости, уровень которой выше, чем в США, накладываясь на утяжеленную структуру экономики с высокой изношенностью основных производственных фондов, вызвал целый комплекс негативных эффектов. Однако и с ними можно было бы примириться, если бы не ситуация 2014 г., когда Россия фактически оказалась во внешнеэкономической блокаде. Сегодня очевидно, что открытость экономики страны для мирового хозяйства и степень ее участия в международном разделении труда напрямую зависят не только от того, насколько и как участвуют отрасли российской экономики в мирохозяйственных связях, но и от комплекса внешнеполитических проблем. «Международное разделение труда вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности. Она не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта — чтобы, например, сохраниться в качестве космической державы» [8, с. 3].

Россия во всех сценариях развития будет частью мировой экономической системы, следовательно, при разработке государственной экономической политики должны приниматься во внимание как сложности, так и возможности, которые появляются у нас на международных рынках.

В принципе, экономическая политика любого государства включает в себя комплекс мер по развитию как промышленного, так и сырьевого экспорта. Именно так обстоит дело в большинстве развитых стран, имеющих выраженную машиностроительную специализацию. Однако

в России экономическая дипломатия — это прежде всего создание благоприятных условий для продажи сырья. Именно поэтому успешная экономическая дипломатия может рассматриваться как механизм, в известной степени компенсирующий недостатки промышленной политики. Фактически речь идет о двух важнейших опорах национальной экономики, причем недостаточная эффективность одной из них требует пропорционального развития другой. В условиях, когда государственная промышленная политика России только вступила в стадию активного реформирования и не может по эффективности сравниться с немецкой или южнокорейской, роль экономической дипломатии закономерно возрастает.

Заявленная в России задача реиндустриализации, безусловно, решается и в рамках национальной экономики, однако из-за наличия экономических и политических проблем общества ее реализация в рамках замкнутого экономического пространства затруднена. Экономическое сотрудничество и международная интеграция являются наиболее простым и рациональным способом решения проблемы рациональной реиндустриализации. Однако возможности международного, в том числе европейского, сотрудничества не безграничны. В настоящее время очевидно, что критических технологий нам никто не продаст. Перечень таких технологий изложен задолго до текущего кризиса и «санкций», еще в Указе Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

В этом контексте концепцию саморазвития следует понимать не как отказ от импорта технологий, а как необходимость создания технологического задела в важнейших отраслях, в том числе с опорой на приобретаемые технологии. Советский опыт промышленной политики свидетельствует, что при политической воле и определенных экономических усилиях достаточно единичных промышленных закупок для воспроизводства технологий и их последующего развития. Безусловно, «критические» технологии в современном станкостроении, авиационном двигателестроении, атомной сфере, нанотехнологиях в микроэлектронике не могут быть освоены в короткие сроки. Российские подходы к саморазвитию не могут восприниматься как версия азиатских теорий опоры на собственные силы. В этом контексте возникает вопрос, прав ли В. Л. Иноземцев, отмечаящий: «Распространение лейбла Made in Russia — вот что должно стать национальной идеей модернизирующейся России. Это — единственно значимый индикатор успеха отечественной модернизации» [9]. Такая постановка вопроса предполагает, что экспорт — это главный критерий эффективной модернизации. Получается, что в 1990-е гг., когда экспорт советской продукции ВПК оказался существенно выше, чем в СССР, мы двигались по пути модернизации, а СССР конца 1960-х гг., совершивший уникальный модернизационный рывок, был слабо представлен на мировых рынках.

С нашей точки зрения, главный критерий модернизации — это формирование высокотехнологичного диверсифицированного внутреннего рынка, и санкции могут способствовать решению этой задачи. Первые результаты уже есть: в октябре 2014 г. в результате сокращения импорта увеличился спрос на продукцию отечественных производителей, что дало толчок к росту производства в станкостроении и некоторых других подотраслях машиностроения. Эта тенденция неустойчивая, но важная.

Подведем итоги. Вопросы промышленной политики будут определять развитие России не в меньшей степени, чем любое другое направление государственной политики. Производить практически весь спектр машиностроительной продукции, как это было в 70–80-е гг. XX в., и невозможно, и экономически нецелесообразно. Невозможность определяется тем, что наши прежние достижения, значение которых огромно и сегодня, возникли, в том числе, за счет запуска механизмов мобилизационной экономики в соответствующей социально-политической и идеологической среде. Так был обеспечен военный паритет и в минимальной степени на-

полнен рынок в условиях торговых ограничений. Очевидно, что сегодня общество не пойдет на аналогичные жертвы.

России необходимо определить, какие технологии и разработки она может сегодня поддерживать и развивать. В 2014 г. стало очевидным, что России «помогли» понять, какие именно технологии являются ключевыми. Выстроив сложную и иерархическую систему санкций, ее авторы четко расставили приоритеты в мире современных производств и технологий.

Итак, практика хозяйственного развития XIX–XX вв. демонстрирует существование двух типов моделей государственной промышленной политики. Амбициозная, «наступательная модель» ориентирована на стимулирование экспорта, т.е. создание условий для экономически эффективного экспорта промышленных товаров. В этом случае макроэкономический эффект достигается за счет формирования относительных конкурентных преимуществ при производстве некоторых видов продукции. Другие же производства опираются на дотации или обслуживают национальный рынок, защищенный тарифами экономической политики (защита внутреннего рынка и обеспечение экономической самодостаточности).

Формирование в конце столетия новой технологической парадигмы, построенной в рамках глобальной конкуренции технологий, очевидно. Однако адаптация к новой технологической парадигме и усиление собственной конкурентоспособности не могут быть предметом заботы одной промышленности. Это важнейшая задача государства, общества и, безусловно, российской внешней политики.

Список литературы

1. Бодрунов, С.Д. Некоторые аспекты формирования общего рынка России, Белоруссии и Казахстана и процессы новой индустриализации России / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 3 (37). — С. 4.
2. Бодрунов, С.Д. Через реиндустриализацию к спасению экономики. 18 декабря 2013 / С.Д. Бодрунов. — URL: http://novostispb.ru/news/the_free_economic_society/4765/ (Дата обращения 03.10.2014).
3. Рост европейской экономики остановился. 14 августа 2014 г. — URL: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2014/08/140814_eu_economics_decline.shtml (Дата обращения 29.10.2014)
4. Бодрунов, С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2. — С. 9–10.
5. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. — М., 2003.
6. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. — М., 2013.
7. Lutz, F.W. Euckens Beitrag zur Nationalökonomie: Die Idee der Wirtschaftsordnung / F. Lutz, W. Eucken. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. — Tübingen, 1990.
8. Примаков, Е.М. Реиндустриализация или постиндустриализация? / Е.М. Примаков // Прямые инвестиции. — 2012. — № 3 (119). — С. 3.
9. Иноземцев, В.Л. Modernizatsya.ru: Made in Russia / В.Л. Иноземцев // Ведомости. — 2010. — 12 июля.
10. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / В.Т. Рязанов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2 (40).

Н. Н. Минаев¹, Ю. А. Колыхаева², Н. Р. Шадейко³, А. А. Селиверстов⁴

**СИСТЕМА СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО
ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМ
КОМПЛЕКСОМ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ⁵**

Жилищно-коммунальный комплекс (ЖКК) представляет собой важнейшую часть инфраструктуры жизнеобеспечения, которая определяет условия жизнедеятельности и комфортность проживания человека. Качество и надежность предоставления жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) во многом определяют состояние здоровья, качество жизни, культуры, быта и образа жизни населения, а также социально-экономический потенциал муниципальных образований.

Комплексный анализ состояния ЖКК [1] показал, что в большинстве муниципальных образований Томской области инженерно-коммунальная инфраструктура сильно изношена и не подлежит качественному оперативному ремонту, вследствие чего нарушаются технологические режимы, возрастает энергоемкость основного оборудования, увеличиваются потери коммунальных ресурсов в процессе производства, транспортировки и потребления.

Выявленные проблемы носят повсеместный характер и являются системными [2]. По качеству предоставляемых услуг и надежности функционирования ЖКК Россия значительно отстает от развитых стран мира. Техническое переоснащение и модернизация отрасли требуют больших капитальных вложений, однако существующие объемы инвестирования явно недостаточны. Все проблемы связаны в первую очередь с неэффективной системой управления ЖКК. Своеобразие и сложность отрасли, радикальные социально-экономические преобразования в России привели к отсутствию в экономической политике четкого вектора решения выявленных проблем. Это не только технические проблемы, но прежде всего экономические, организационные и правовые. Принимаемые государством меры пока не дают положительных результатов.

В силу институциональных преобразований экономики России объективно возникает потребность в восстановлении отдельных элементов системы государственного планирования, осмыслении новой роли государства в управлении процессами оказания ЖКУ на всех уровнях власти, включая региональные и муниципальные. Важным направлением развития системы управления ЖКК является совершенствование методов комплексного решения технико-технологических, экономических, институциональных, социальных, экологических и других проблем на основе программно-целевого подхода, посредством разработки и реализации федеральных и региональных

¹ Николай Николаевич Минаев, профессор кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: nickolian@mail2000.ru

² Юлия Александровна Колыхаева, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: kolykhaeva@gmail.com

³ Николай Ромальдович Шадейко, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: shnr@inbox.ru

⁴ Алексей Алексеевич Селиверстов, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: seliverstov@live.ru

⁵ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РГНФ «Вариантно-сценарные подходы при разработке муниципальных программ реформирования и модернизации жилищно-коммунального комплекса Томской области», № 14-12-70002, 2014 г.

программ. Федеральные и региональные целевые программы являются одной из основных форм государственного регулирования ЖКК. В России программно-целевой подход как один из основных инструментов эффективного управления территориально-производственными комплексами использовался и раньше. Особенностью современного этапа развития программно-целевых методов управления является их направленность на комплексное решение проблем отрасли, достижение не промежуточного, а конечного результата, обеспечиваемого эффективным функционированием ЖКК. Подчеркнем, что необходимо акцентировать внимание не на административных методах советского периода, а на деятельности, направленной на достижение стратегических целей. Заметим, что программно-целевой метод используется не как директивный, а как многовариантный подход к определению стратегии развития отрасли.

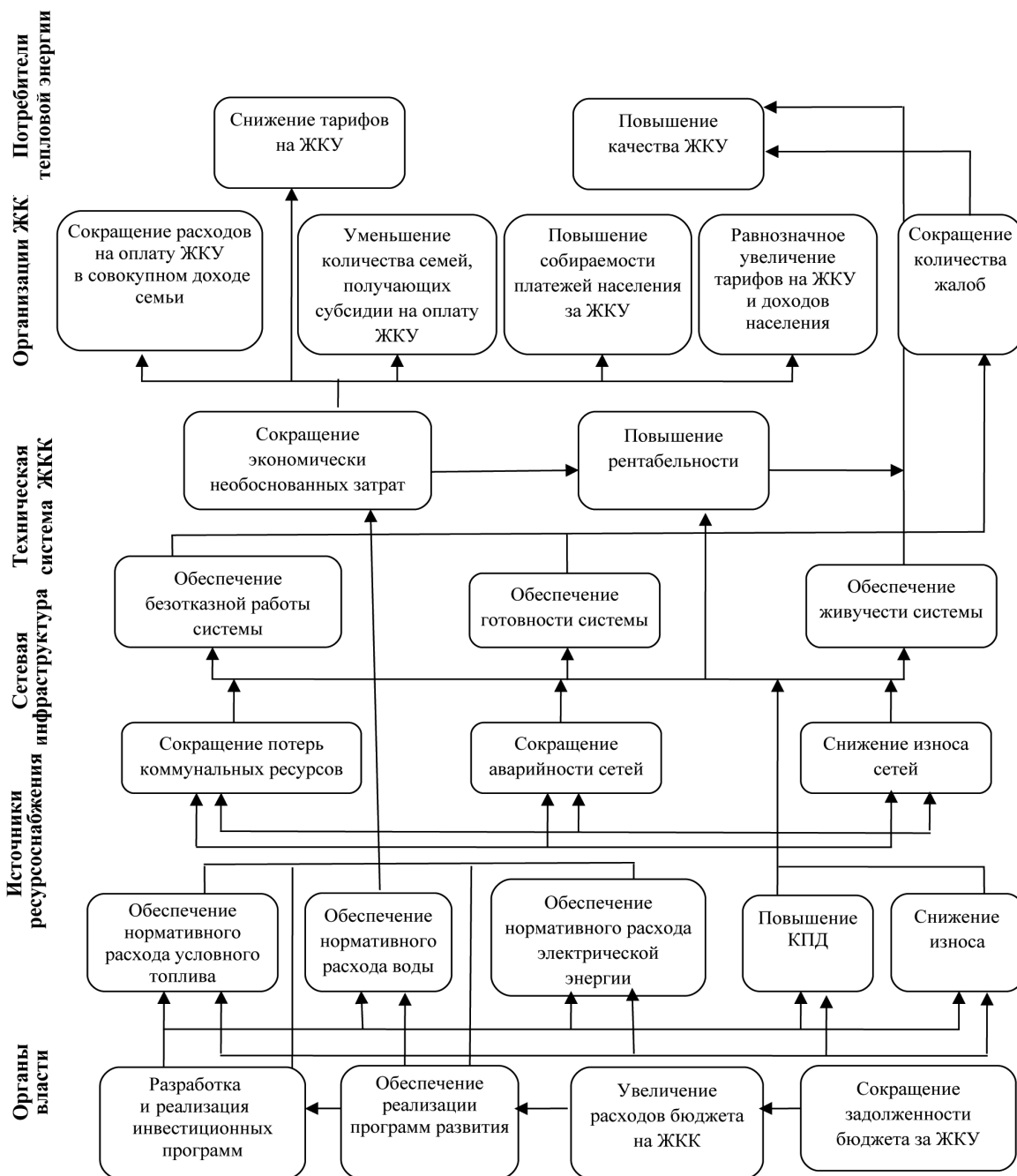
При разработке стратегических направлений развития ЖКК необходимо изучить факторы, оказывающие наибольшее влияние на ход решения основных задач развития отрасли: природно-климатические, производственно-технические, институциональные, экономические и социальные. В долгосрочной перспективе процессы развития системы ЖКК должны планироваться, организовываться, координироваться и контролироваться. Планирование должно начинаться с выбора стратегической цели и разработки модели функционирования ЖКК с учетом местных возможностей и социально-экономических особенностей развития территории. Для практического использования программно-целевого подхода и разработки комплексных стратегий развития ЖКК на средние и долгосрочные периоды можно использовать следующий алгоритм:

1. Формулирование проблемы — выявление и обоснование важнейших комплексных институциональных, социальных, технико-технологических, экономических и организационных проблем ЖКК.
2. Определение целей — они должны детализировать структуру выявленных проблем и характеризовать ожидаемые конечные результаты в соответствующей области развития ЖКК. Цели определяют содержание основных функций и выбор методов управления.
3. Сбор информации. Качественной информационной базой для реализации следующих этапов разработки программ служит значительный объем количественной информации, позволяющий оценить текущее состояние ЖКК.
4. Разработка и отбор вариантов и сценариев развития ЖКК. Целесообразно рассчитывать ряд вариантов, обеспечить их «проигрывание» в динамике, чтобы оценить последствия их осуществления с точки зрения достижения целей и комплексного развития ЖКК в зависимости от различных управляющих воздействий.
5. Целевое программирование — разработка системы мероприятий, направленных на реализацию выделенных целей.
6. Обеспечение и целевое распределение ресурсов программных мероприятий.
7. Выбор механизма реализации программы.
8. Организация системы управления головным исполнителем программы и системы контроля за ходом выполнения программы со стороны государственного заказчика.
9. Корректировка программы.
10. Оценка комплексной эффективности реализации программы.

Инструментарием программно-целевого подхода к управлению ЖКК являются методы сценариев, дерева целей, экспертных оценок, экономического анализа, сбалансированной системы показателей, имитационного моделирования и статистические. Методы, используемые на каждом этапе, должны выбираться исходя из их соответствия целям и задачам этого этапа.

Специфическим, нетрадиционным для данной сферы экономики инструментом реализации программно-целевого подхода является разработка и использование системы сбалансированных показателей (ССП). Она предложена Р. Капланом и Д. Нортон [3, 4], состоит из следующих основных элементов: стратегической карты, системы показателей, целевых значений этих показа-

телей и стратегических инициатив (ключевых мероприятий по достижению стратегических целей) и адаптирована для сферы ЖКК посредством группировки основных элементов по субъектам и объектам управления теплоснабжением («перспективам»). Стратегическая карта управления ЖКК (см. рисунок) каждого поселения отражает систему целей, объединенных причинно-следственными

Стратегическая карта управления ЖКК

связями, отражающую баланс интересов субъектов управления ЖКК. Выбор показателей обусловлен их наибольшим влиянием на достижение поставленных целей управления (табл. 1). Сбалансированность заключается в том, что данная система содержит совокупность показателей, выраженных в денежных, натуральных и условно-натуральных единицах, отражающих эффективность функционирования всех субъектов и объектов управления ЖКК.

Отметим, что для полноты сбалансированной системы показателей функционирования ЖКК не хватает целевых критериев планируемых значений и целереализующих мероприятий, которые устанавливаются индивидуально в зависимости от специфики ЖКК и территориальных особенностей поселения.

Для оценки и мониторинга эффективности функционирования и развития ЖКК необходимо отобрать ряд показателей, которые наилучшим образом характеризуют каждую из поставленных целей. Выбранные показатели являются важнейшими индикаторами, отражающими эффективность функционирования рассматриваемой отрасли. Оценка степени достижения поставленной цели осуществляют через систему критериев, которые можно рассматривать как количественные модели качественных целей. Критерии должны описывать, по возможности, все важные аспекты цели, но при этом желательно минимизировать число необходимых критериев.

Состав показателей, отобранных экспертным путем, определялся на основе анализа и обобщения работ [5, 6], законодательной и нормативной литературы [7, 8]. В зависимости от уровня принадлежности сформированы группы показателей, отражающих:

- эффективность деятельности органов регулирования;
- доступность ЖКУ для населения;
- надежность технической системы ЖКК;
- эффективность деятельности организаций ЖКК;
- эффективность источников ресурсоснабжения;
- эффективность функционирования сетевой инфраструктуры.

При определении критериев достижения целей (целевых значений) и принятии управленческих решений следует учитывать влияние на ЖКК климатических условий, которые являются неизменяемыми характеристиками каждого поселения (табл. 2). Особенно важен их учет при принятии управленческих решений, поскольку от климатических условий зависят технико-технологические особенности функционирования каждого ЖКК, состав и структура затрат, включаемых в себестоимость ЖКУ. Применительно к данной группе показателей нельзя установить критерий достижения эффективности.

Группа показателей, отражающих меру достижения интересов органов власти и местного бюджета, представлена в табл. 3.

Развитие институциональной среды в сфере ЖКК отражают следующие показатели: наличие концепций и программ развития ЖКК; наличие инвестиционных программ развития ЖКК и участие в общегосударственных, региональных программах развития ЖКК. Они оцениваются экспертным путем и не требуют специальных методик расчета. Важнейшим вопросом при планировании развития ЖКК поселения является учет доступности ЖКУ для населения (табл. 4) и организаций. При оценке доступности ЖКУ необходимо принимать во внимание не только доступность приобретения и оплаты потребителями соответствующих услуг при существующей схеме ЖКК, но и доступность получения услуг альтернативными способами.

Надежность — это ключевая составляющая качества коммунальной услуги. Значения индикаторов надежности должны соответствовать нормативным требованиям. Под надежностью понимается способность проектируемых и действующих источников ресурсоснабжения, коммунальных сетей и в целом технической системы ЖКК обеспечивать в течение заданного времени требуемые режимы, параметры и качество ресурсоснабжения (тепло-, газо-, водоснабжения и водоотведения). Надежность определяют по трем показателям (критериям): вероятность безотказной работы, коэффициент готовности, живучесть (табл. 5).

Таблица 1

Система показателей функционирования ЖКК

Субъекты и объекты управления		Стратегическая цель	Показатели	Задачи
Объекты управления	Источники ресурсоснабжения	Производство коммунальных ресурсов энергоэффективными методами	Коэффициент соотношения фактического удельного расхода топлива с нормативным	Обеспечение нормативного расхода условного топлива
			Коэффициент соотношения фактического расхода воды с нормативным	Обеспечение нормативного расхода воды
			Коэффициент соотношения фактического расхода электрической энергии с нормативным	Обеспечение нормативного расхода электроэнергии
			КПД источников ресурсоснабжения	Повышение КПД
	Техническая система ЖКК	Повышение надежности ЖКК	Уровень износа источников ресурсоснабжения	Снижение износа
Вероятность безотказной работы системы	Обеспечение безотказной работы системы			
Сетевая инфраструктура	Повышение эффективности транспортировки энергоресурсов	Коэффициент готовности (качества) системы	Обеспечение готовности системы	
		Живучесть системы	Обеспечение живучести системы	
		Уровень потерь энергоресурсов	Сокращение потерь энергоресурсов	
		Аварийность коммунальных сетей	Сокращение аварийности сетей	
Органы власти	Обеспечение инвестиционной привлекательности ЖКК	Уровень износа коммунальных сетей	Снижение износа сетей	
		Уровень реализации программ развития ЖКК	Обеспечение реализации программ развития	
	Повышение финансовой обеспеченности и надежности ЖКК	Наличие инвестиционных программ развития ЖКК	Разработка и реализация инвестиционных программ	
		Доля расходов бюджета на ЖКК	Увеличение расходов бюджета на ЖКК	
		Изменение уровня задолженности бюджета перед предприятиями по платежам за ЖКУ	Сокращение задолженности бюджета за ЖКУ	
Организации ЖКК	Повышение финансовой обеспеченности организаций ЖКК	Уровень рентабельности	Повышение рентабельности	
		Изменение себестоимости	Сокращение экономически необоснованных затрат	
Потребители ЖКУ	Повышение доступности ЖКУ для населения	Объем привлечения инвестиций (от необходимого объема)	Увеличение объема привлекаемых инвестиций	
		Доля расходов на оплату ЖКУ в совокупном доходе семьи	Сокращение расходов на оплату ЖКУ в совокупном доходе семьи	
		Доля семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ	Уменьшение количества семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ	
	Повышение удовлетворенности населения в услугах	Уровень сбора платежей населения за ЖКУ	Повышение собираемости платежей населения за ЖКУ	
		Соотношение изменения тарифов на ЖКУ и доходов населения	Равнозначное увеличение тарифов на ЖКУ и доходов населения	
			Количество жалоб населения	Сокращение количества жалоб

Природно-климатические показатели, влияющие на функционирование ЖКК

Цель	Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий
Обеспечение надежности функционирования ЖКК	Расчетная температура наружного воздуха, °С	Для системы теплоснабжения расчетная температура наружного воздуха принимается равной средней температуре наиболее холодной пятидневки. Период в 5 суток принят, потому что его длительность достаточна, чтобы низкая температура наружного воздуха, установившаяся в течение этого периода, вызвала максимальное уменьшение температуры на внутренней поверхности системы	СНиП 23-01–99 [9]	Не устанавливается
	Суровость зимнего периода, °С/сут.	Суровость зимнего периода выражается произведением продолжительности отопительного периода на среднюю температуру отопительного периода. Основными характеристиками отопительного периода являются средняя температура ($t_{o,п}$, °С) и продолжительность ($z_{o,п}$, сут) этого периода		
	Средняя скорость ветра, м/с	За расчетную скорость ветра v принимается максимальная из средних скоростей ветра в январе по румбам (направлениям ветра). При этом учитывается только тот ветер, повторяемость румба которого составляет 16 % и более		
	Интенсивность солнечной радиации в отопительный период, МДж/м	Для расчета теплоступлений от солнечной радиации разработан новый климатический параметр — суммарная солнечная радиация за отопительный период, поступающая на горизонтальную и вертикальные поверхности при действительных условиях облачности. В теплотехнических расчетах для холодного периода года применяется средняя в многолетнем разрезе интенсивность суммарной солнечной радиации на горизонтальную и вертикальные поверхности Q при действительных условиях облачности за отопительный период	СП 23-101–2004 [10]	

Таблица 3

Показатели эффективности деятельности органов регулирования

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности
Увеличение доходов бюджета от использования объектов коммунальной инфраструктуры, р.	Разность между доходами бюджета от использования объектов коммунальной инфраструктуры	Отчетность структурных подразделений органов местного самоуправления	Положительным признается увеличение показателя

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности
Доля расходов бюджета на ЖКК, %	Отношение расходов бюджета на ЖКК к общей сумме расходов бюджета поселения	Отчетность структурных подразделений органов местного самоуправления	Положительным признается снижение показателя
Изменение уровня задолженности бюджета перед организациями ЖКК по платежам за ЖКУ, р.	Разность между кредиторской задолженностью бюджетных организаций и фактической оплатой из бюджета поселения	Отчетность предприятия и структурных подразделений органов местного самоуправления	

Таблица 4

Показатели доступности для населения ЖКУ

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности
Доля расходов на оплату ЖКУ в совокупном доходе семьи, %	Отношение среднемесячного платежа за ЖКУ к среднемесячным денежным доходам семьи	Формы государственной статистической отчетности	Не более 22%*
Доля семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, %	Отношение количества семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, к общему количеству семей в поселении		Не более 10%**
Уровень сбора платежей населения за ЖКУ, %	Отношение объема средств, собранных за ЖКУ, к объему начисленных средств	Формы государственной статистической отчетности	Более 95%**
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Отношение численности трудоспособного населения с доходами ниже прожиточного минимума к общей численности трудоспособного населения в поселении		Не более 15%**
Соотношение изменения тарифов ЖКУ и доходов населения, %	Отношение изменения уровня тарифов на ЖКУ к изменению уровня доходов населения		1
Количество жалоб населения, ед.	Разница между количеством жалоб в отчетном и базисном периодах	Отчетность предприятия, структурных подразделений ОМС	Положительным признается снижение числа жалоб потребителей

* В соответствии с ФЗ, если больше 22 %, то есть право на субсидию [11, 12].

** Критерий эффективности определялся экспертно, на основании анализа данных в среднем по России (региону) с учетом особенностей анализируемого поселения.

Показатели надежности технической системы ЖКК

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности [13]
Вероятность безотказной работы системы, ед.	Способность системы не допускать отказов, приводящих к падению температуры в отапливаемых помещениях жилых и общественных зданий ниже +12 °С, в промышленных зданиях ниже +8 °С, более числа раз, установленного нормативами	Отчетность предприятия	Минимально допустимые показатели вероятности безотказной работы: источника теплоты $P_{ит} = 0,97$; тепловых сетей $P_{тс} = 0,9$; потребителя теплоты $P_{пт} = 0,99$; СЦТ в целом $P_{сцт} = 0,9 \cdot 0,97 \cdot 0,99 = 0,86$
Коэффициент готовности (качества) системы, ед.	Вероятность работоспособного состояния системы в произвольный момент времени поддерживать в отапливаемых помещениях расчетную внутреннюю температуру, кроме периодов снижения температуры, допускаемых нормативами		Минимально допустимый показатель готовности СЦТ к исправной работе K_t принимается 0,97
Живучесть системы, %	Способность системы сохранять работоспособность в аварийных (экстремальных) условиях, а также после длительных (более 54 ч) остановок		Минимальная подача теплоты по теплопроводам, расположенным в неотапливаемых помещениях и снаружи, в подъездах, лестничных клетках, на чердаках и т. п., должна быть достаточной для поддержания температуры воды в течение всего ремонтно-восстановительного периода после отказа не ниже 3 °С

Группа экономических показателей, отражающих эффективность функционирования организаций ЖКК, представлена в табл. 6.

Таблица 6

Показатели эффективности деятельности организаций ЖКК

Показатель	Порядок расчета	Источники информации	Критерий эффективности
Уровень рентабельности, %	Отношение чистой прибыли к себестоимости	Отчетность организаций	Положительным признается увеличение показателя
Изменение себестоимости, р./Гкал	Разность между себестоимостью фактического и предшествующего периодов	Отчетность организаций	Положительным признается снижение показателя
Объем привлечения инвестиций, %	Отношение привлеченных инвестиций на объем необходимых инвестиций	Инвестиционная программа	Стремление к 100 %

Группа технико-технологических показателей, отражающих эффективность функционирования коммунальной инфраструктуры, представлена в табл. 7, 8.

Таблица 7

Показатели технико-технологического состояния источников ресурсоснабжения

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности
Коэффициент соотношения фактического удельного расхода условного топлива с нормативным, ед.	Соотношение фактического и нормативного удельного расхода условного топлива на производство коммунальных ресурсов [14]	Организация коммунального комплекса	1
Коэффициент соотношения фактического расхода воды с нормативным, ед.	Соотношение фактического и нормативного удельного расхода воды на производство коммунальных ресурсов [14]		1
Коэффициент соотношения фактического расхода электрической энергии с нормативным, ед.	Соотношение фактического и нормативного удельного расхода электрической энергии на производство коммунальных ресурсов [15]		1
КПД источников ресурсоснабжения, %	Разность между количеством теплоты, которое содержится в топливе, и количеством теплоты, которое передано теплоносителю (воде)		Индивидуальный для разных видов топлива
Уровень износа источников ресурсоснабжения, %	Отношение фактического срока службы оборудования к сумме нормативного и возможного остаточного срока		Не более 40 %

Таблица 8

Показатели технико-технологического состояния сетевой инфраструктуры

Показатель	Порядок расчета	Источник информации	Критерий эффективности
Уровень потерь, ед.	Соотношение объема фактических потерь с объемом потерь [16]	Организация коммунального комплекса	1
Уровень износа коммунальных сетей, %	Отношение фактического срока службы коммунальных сетей к сумме нормативного и возможного остаточного срока	Организация коммунального комплекса	Не более 50 %
Аварийность систем коммунальной инфраструктуры, ед./км	Отношение количества аварий на системах коммунальной инфраструктуры к протяженности сетей		Частота аварий всех систем ресурсоснабжения, находящихся в эксплуатации предприятия, в отопительный период — не выше одной за 10 лет

Источниками сведений для расчета показателей являются материалы статистической отчетности территориальных отделений Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, информационно-аналитические материалы, предоставленные администрациями анализируемых поселений, периодические издания, данные сети Интернет.

Анализ опыта программно-целевого подхода к решению проблем развития ЖКК показывает, что наряду с положительными моментами имеется целый ряд недостатков, к которым можно отнести следующие:

- отсутствие законодательно утвержденной системы сбалансированных показателей оценки эффективности функционирования ЖКК;
- отсутствие в большинстве программ комплексного развития целевых показателей, которые должны быть достигнуты при реализации программ;
- ориентация существующих программ на всю коммунальную инфраструктуру, а не на отдельные системы предоставления коммунальных услуг;
- отсутствие во многих городах и поселениях опыта муниципального энергетического планирования (многие из них не имеют генеральных градостроительных планов);
- недостаточность системы контроля программ развития со стороны государственного заказчика;
- отсутствие эффективной системы управления реализацией программ со стороны государственного заказчика.

Перечисленные факторы обуславливают необходимость дальнейшего развития и совершенствования теоретических и практических аспектов программно-целевого подхода к управлению в интересах повышения эффективности функционирования ЖКК муниципального образования. Использование программно-целевого подхода — одно из важнейших направлений совершенствования и эффективный инструмент осуществления государственной политики в области управления и развития ЖКК муниципальных образований.

Список литературы

1. *Колыхаева, Ю. А.* Анализ состояния и проблемы развития теплоснабжения Томской области / Ю. А. Колыхаева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2012. — № 2 (143). — С. 43–53
2. *Минаев, Н. Н.* Подходы к разработке программ энергосбережения жилищно-коммунального комплекса в городах Сибири / Н. Н. Минаев, Ю. Ю. Галямо, А. А. Селиверстов, Н. Р. Шадейко // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 44. — С. 31–35.
3. *Каплан, Р. С.* Организация, ориентированная на стратегию / Р. С. Каплан, Д. П. Нортон. — М.: ЗАО Олимп-Бизнес, 2003. — 416 с.
4. *Каплан, Р. С.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р. С. Каплан, Д. П. Нортон. — М.: ЗАО Олимп-Бизнес, 2003. — 304 с.
5. *Колыхаева, Ю. А.* Комплексная оценка эффективности функционирования системы теплоснабжения / Ю. А. Колыхаева, К. Э. Филюшина // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 1. — С. 322–324.
6. *Лукьянец, А. А.* Использование системы сбалансированных показателей в управлении предприятием теплоснабжения / А. А. Лукьянец, В. Г. Ротарь, А. Г. Чернов, А. А. Шумский // Новости теплоснабжения. — 2009. — № 3.
7. Концепция Федеральной целевой программы «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010–2020 годы»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2.02.2010 № 102-р. — Условия доступа: <http://base.garant.ru/2307682/>
8. Методика проведения мониторинга выполнения производственных и инвестиционных программ организаций коммунального комплекса: приложение к приказу Министерства регионального развития РФ от 14.04.2008 № 48. — Условия доступа: <http://www.gostrf.com/Basesdoc/53/53563/index.htm>
9. СНиП 23–01–99. Строительная климатология: постановление Госстроя России от 11.06.1999 № 45. — Условия доступа: http://www.rosteplo.ru/Npb_files/npb_shablon.php?id=229

10. СП 23-101–2004. Проектирование тепловой защиты зданий: совместный приказ ОАО «ЦНИИпромзданий» и ФГУП ЦНС от 23.04.2004 № 01. — Условия доступа: <http://www.stroyplan.ru/docs.php?showitem=43635>

11. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: постановление Правительства Российской Федерации от 6.05.2011 № 354 // Консультант плюс: справочная правовая система. — Условия доступа: Компьютерная сеть библиотеки Том. гос. архит.-строит. ун-та, свободный.

12. О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 14.12.2005 № 761 // Консультант плюс: справочная правовая система. — Условия доступа: Компьютерная сеть библиотеки Том. гос. архит.-строит. ун-та, свободный.

13. СНиП 41-02–2003. Тепловые сети: постановление Госстроя России от 24.06.2003 г. № 110. — Условия доступа: http://www.rosteplo.ru/Npb_files/npb_shablon.php?id=238

14. Порядок расчета и обоснования нормативов удельного расхода топлива на отпущенную электрическую и тепловую энергию от тепловых электростанций и котельных: приказ Мин-промэнерго России от 04.10.2005 № 268 // Консультант плюс: Справочная правовая система. — Условия доступа: Компьютерная сеть библиотеки Том. гос. архит.-строит. ун-та, свободный.

15. Методические указания по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке: приказ Федеральной службы по тарифам от 06.08.2004 № 20-э/2 // Консультант плюс: справочная правовая система. — Условия доступа: Компьютерная сеть библиотеки Том. гос. архит.-строит. ун-та, свободный.

16. Порядок расчета и обоснования нормативов технологических потерь при передаче тепловой энергии: приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 4 октября 2005 г. № 265 // Консультант плюс: справочная правовая система. — Условия доступа: Компьютерная сеть библиотеки Том. гос. архит.-строит. ун-та, свободный.

Э.Ц. Садыкова¹, Г.А. Айдаев²

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В условиях постоянной изменчивости экономической и социальной ситуации процессы прогнозирования и планирования становятся реальным механизмом экономического воздействия и рычагами управления развитием общества. Одной из проблем построения объективного социально-экономического прогноза является выбор метода прогнозирования. В последнее время широко используются методы социально-экономического прогнозирования с применением ЭВМ. Наиболее перспективными являются интерактивные методы прогнозирования с использованием концепции многомерных хранилищ данных, а также интеллектуальные методы, в частности нейросетевые и нейро-нечеткие [1].

Отметим, что широко используемые методы моделирования отражают усредненные характеристики выборки изучаемых явлений, которые при исследовании сложных ситуаций могут не совсем точно отражать анализируемые явления. Например, общие социально-экономические тенденции, обусловленные трансформационными процессами в экономике, можно описать известными статистическими методами. Более сложны ситуации, когда речь идет о возможностях и направлениях формирования стратегии устойчивого развития при разработке программ перспективного социально-экономического развития региона.

Эти проблемы можно решить, применяя нейронные сети, являющиеся кибернетическим методом в технологии Data Mining. Нейронные сети — это обобщенное название нескольких групп алгоритмов, которые обладают такими ценными свойствами, как обучение на примерах и умение извлекать скрытые закономерности из большого числа исходных данных. Несомненным достоинством нейронных сетей является и то, что при неполноте или некоторой противоречивости исходных данных, когда связь между входной и выходной информацией нельзя установить традиционными методами анализа, нейронная сеть способна автоматически настроиться на нее с принятой степенью точности. Важной особенностью нейронных сетей является способность различать признаки приближения кризисных ситуаций. Кроме того, высокая допустимость к зашумленным данным и низкий коэффициент ошибок, непрерывное усовершенствование и оптимизация различных алгоритмов обучения сетей, алгоритма извлечения правил, алгоритма упрощения сетей делают нейронные сети все более перспективным направлением [2]. В целом, нейронные сети хорошо подходят для распознавания образов и решения задач классификации и прогнозирования. Поэтому применение нейронных сетей для прогнозирования процессов развития изучаемых объектов является наиболее эффективным методическим подходом.

Однако использование существующих систем интеллектуального анализа, информационного моделирования и программных решений для информационных потребностей исследования социально-экономических проблем развития территорий изучено недостаточно. Data Mining-

¹ *Эржена Цыреновна Садыкова*, заведующая лабораторией региональных экономических систем Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН, д-р экон. наук.

² *Геннадий Архипович Айдаев*, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных экономических систем Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН, д-р экон. наук.

технологии широко применяются в торговой, банковской, финансовой и социальной сферах, в образовании, здравоохранении и медицине, биологии, энергетике [3–6].

Data Mining-технологии входят в состав аналитической подсистемы, которая является неотъемлемым компонентом систем поддержки принятия решений, и могут использоваться государственными структурами управления. Методы интеллектуального анализа являются более мощными информативными средствами, чем традиционные методы, способными обеспечить аналитическую обработку процессов планирования и прогнозирования социально-экономического развития района.

В настоящей работе для моделирования социально-экономических процессов территории принят Селенгинский административный район Республики Бурятия. В работе применялся многослойный персептрон (MLP) — полносвязная нейронная сеть прямого распространения сигнала (без обратных связей), в которой входной сигнал преобразуется в выходной, проходя последовательно через несколько слоев, причем существуют всевозможные связи предыдущих слоев с последующими.

Важным параметром функционирования нейронной сети является используемая активационная функция. В качестве функции, на основе которой определяется значение выхода нейрона из его состояния, в многослойном персептроне используется нелинейная функция — логистическая функция или сигмоид, формула которой имеет вид [7]

где α — коэффициент, определяющий крутизну сигмоидальной функции. Если α велико, f приближается к функции ступенчатого типа. Небольшие значения α дают более пологий наклон.

$$f(x) = 0,5 + \frac{1}{1 + e^{-\alpha x}},$$

Основное достоинство этой функции в том, что она дифференцируема на всей оси абсцисс и имеет простую производную, которая выражается через саму функцию. Производная сигмоида имеет вид

$$f'(x) = \alpha (0,5 + f(x)) \cdot (0,5 - f(x)).$$

На результаты обучения огромное влияние оказывает подбор начальных значений весов сети. Выбор начальных значений, достаточно близких к оптимальным, значительно ускоряет процесс обучения. К сожалению, не существует универсального метода подбора весов, гарантирующего нахождение наилучшей начальной точки для любой решаемой задачи.

Удаление стартовой точки активации нейронов от зоны насыщения достигается путем ограничения диапазона случайных значений. Почти все оценки нижней и верхней границ диапазона допустимых значений лежат в интервале (0,1). Хорошие результаты дает равномерное распределение весов, нормализованное для каждого нейрона по амплитуде где n_{in} — количество входов нейрона.

$$\omega_{in} = \frac{2}{(n_{in})^{1/2}},$$

Прогнозирование социально-экономических показателей Селенгинского района Республики Бурятия проводилось по данным, представленным администрацией района. В процессе вычислительных экспериментов выполнялись построение архитектуры и обучение нейронной сети для задачи прогнозирования значений временного ряда. Особенностью исходных данных являлось то, что временной ряд представлял собой выборку малого размера, т. е. ≤ 30 . Поэтому для выполнения прогноза за основу был взят временной ряд, содержащий информацию за четырнадцать лет (2000–2013 гг.).

В Селенгинском районе производятся шлакоблоки, стеновой камень и кирпич, электроэнергия; добывается уголь; организованы металлообработка, обработка древесины и производство изделий из дерева; есть литейное производство и пищевая промышленность.

В районе представлены следующие организации промышленности:

- производство и распределение электроэнергии, газа и воды («Гусиноозерская ГРЭС» ОАО «ИНТЕР РАО — Электрогенерация»);
- добыча полезных ископаемых (ООО «Бурятуголь», ООО «Баин-Зурхе»);
- пищевая промышленность (СПоК «Берилл», ООО СХК «Байкал-Вита», СПоК «Гэлэг»);
- металлургия (ООО «Гусиноозерское литье»);
- обработка древесины и производство изделий из дерева;
- промышленность строительных материалов (ООО «Техпром», ООО СК «Мегаполис»).

Общий объем отгрузки промышленного производства за 2013 г. составил 6809,0 млн рублей. С использованием уравнения тренда и возможностей компьютерной обработки данных с помощью эволюционных вычислений были выполнены прогнозные расчеты основных показателей социально-экономического развития района на 2015, 2016 и 2020 гг. (см. таблицу).

**Прогноз основных показателей социально-экономического
развития Селенгинского района Республики Бурятия**

Показатель	2015	2016	2020
<i>Развитие промышленного производства</i>			
Объем отгрузки, млн р.	9217,2	10131,5	17052,9
Среднемесячная заработная плата в промышленности, р.	36495,5	41842	71410,1
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды</i>			
Объем отгрузки, млн р.	8371,8	9876,2	19154,2
<i>Добыча полезных ископаемых</i>			
Объем отгрузки, млн р.	1422,4	1500,1	1843,8
<i>Производство пищевых продуктов</i>			
Объем произведенной продукции, млн р.	60,57	68,11	110,8
<i>Торговля и потребительский рынок</i>			
Оборот розничной торговли, млн р.	3633,9	4256,8	8256,1
Объем платных услуг, млн р.	299,1	337,4	567,8
Оборот общественного питания, млн р.	385,6	452,82	928,72
<i>Инвестиции в основной капитал</i>			
Объем инвестиций, млн р.	5481,68	6408,08	13024,7
<i>Показатели оценки социально-демографической ситуации</i>			
Численность населения, тыс. чел.	44,29	43,94	42,7
Численность занятых в экономике, тыс. чел.	19,26	19,59	21,15
Уровень общей безработицы, %	6,13	6,35	7,4
Среднемесячная заработная плата, р.	34702,65	39495,09	66670,23

В современных условиях прогнозирование социально-экономического развития региона — это часть государственного регулирования региональной экономики, определяющая направления

Социально-демографическая ситуация в Селенгинском районе, по прогнозным данным, характеризуется снижением численности населения района, что связано с отрицательной динамикой, наблюдавшейся за анализируемый период, и инерционностью прошлых лет. В целом, за прошедший период произошла трансформация воспроизводственных процессов — снизилась рождаемость и увеличился миграционный отток населения.

Таким образом, прогноз социально-экономического развития района в долгосрочной перспективе, построенный на основе нейроэволюционного подхода, свидетельствует о возможностях применения данной методики для прогнозирования развития территории. При этом построение прогноза основных социально-экономических параметров можно осуществить быстро, корректно и наглядно, что позволит уменьшить риск при принятии решений. В первую очередь это важно для государственных структур, осуществляющих разработку программных документов социально-экономического развития региона на перспективу.

Список литературы

1. *Бирюков, А. Н.* Нейросетевое моделирование в бюджетно-налоговой системе регионально-го и муниципального уровней: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук / А. Н. Бирюков. — Пермь, 2011.
2. Xianjun Ni Research of Data Mining Based on Neural Networks // World Academy of Science, Engineering and Technology. — 2008.
3. *Горбань, А. Н.* Нейронные сети на персональном компьютере / А. Н. Горбань, Д. А. Рос-сиев. — Новосибирск: Наука, 1996.
4. *Кулагин, В. П.* Особенности использования технологий OLAP для задач образовательной статистики / В. П. Кулагин, В. Я. Цветков, Т. В. Булгакова // Вопросы Интернет-образования. — 2002. — № 9.
5. *Ноженкова, Л. Ф.* Системы и технологии многоуровневой информационно-аналитической поддержки территориального управления / Л. Ф. Ноженкова // Информационно-аналитические системы и технологии в здравоохранении и обязательном медицинском страховании: труды Всерос. конф. — Красноярск: Изд-во КМИАЦ, 2002.
6. *Киселев, М.* Средства добычи знаний в бизнесе и финансах/М. Киселев, Е. Соломатин // Открытые системы. — 1977. — № 4. — С. 41–44.
7. *Сактоев, В. Е.* Устойчивое развитие региональной экономической системы с экологической регламентацией/В. Е. Сактоев, Э. Ц. Садыкова. — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2011. — 295 с.

Г. А. Маслов¹

ФИНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ПРИМЕР РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ускоренное развитие экономического потенциала России, его реализация на практике рассматриваются большинством отечественных экономистов в качестве ключевой задачи настоящего и ближайшего будущего. Одним из основных предметов дискуссий можно назвать первичность объекта экономической политики.

Сторонники концепции реиндустриализации называют промышленность базой национальной экономики, без развития которой невозможно качественное новое развитие всей экономики. Постиндустриальные признаки, в частности высокая доля сферы услуг в структуре общественного продукта, могут говорить о деградации промышленности, что характерно для России. Поскольку исторически промышленность стала развиваться раньше, чем постиндустриальная сфера, представляется оправданным развитие в первую очередь отраслей промышленного производства. С. Д. Бодрунов, указывая, что «... для России традиционно характерно приоритетное развитие базовых отраслей материального производства...» [1, с. 14], отмечает необходимость использования системного подхода, в том числе с учетом цивилизационных особенностей России.

Как правило, соглашаясь с методом достижения цели, сторонники первичности развития креатосферы — того, что относится к постиндустриальной сфере, указывают на возможность скачка через «промышленное звено». Подъем промышленности будет более результативным при основополагающем развитии «креативных» отраслей, так как мультипликативный эффект от вложений в создание знаний проявится в виде высокой производительности факторов производства. Такая позиция, в частности, обосновывается в работе А. И. Колганова и А. В. Бузгалина [2].

Мнения представителей различных концепций расходятся по ряду важных аспектов. Так, сторонники первичности креатосферы указывают на важность отличного от традиционного подхода к критериям благосостояния: например, отмечается ограниченность, а порой и обманчивость, показателя ВВП как индикатора развития. Приверженцы другой концепции отмечают тесную связь человеческого потенциала с возможностями его реализации в производстве. Так, В. М. Кульков [3] указывает на возможную проблему диспропорции между креаторами-инженерами, непосредственно связанными с материальным производством, и работниками, создающими или передающими знания, которые лишь потенциально могут быть воплощены в готовых продуктах.

Тем не менее в концепциях есть немало схожих положений, в том числе по фундаментальным вопросам. Так, признается необходимость использования системного подхода, что автоматически означает высокую степень координации всех экономических субъектов страны, а это невозможно без активного участия государства. В качестве приоритетных мер называются высокая степень перераспределения доходов, социально ориентированный подход, использование элементов планирования, ряд ограничений, связанных с ценообразованием, качеством продукции и т. д. Востребованность экономической политики, основанной на этих принципах,

¹ *Глеб Андреевич Маслов*, магистрант экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

со временем возрастает — можно согласиться с утверждением Р. С. Гринберга: «В России нет кризиса, но экономика страны вошла в «зону затяжной стагнации»» [4].

Не проводя сравнительный анализ этих двух концепций, отметим, что опыт финской экономики применим при реализации любой из них. При сравнении экономических систем исследуется различие трансформационных процессов, происходящих в определенных исторических условиях. При переходе мировой экономики на новый уровень технологического развития, а также усилении глобализационных тенденций актуальность данного изучения возрастает.

Нами используется подход, предложенный А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым [5]. Экономическая система, в данном случае финская национальная модель, разделяется на составные элементы, отражающие различные аспекты хозяйственной жизни страны (результаты производственной деятельности, экономический потенциал, способы координации, законы распределения общественного продукта, институциональная среда). Как отдельные элементы, так и система в целом представляются в многомерной пространственно-временной экономической системе координат, иллюстрирующей сегодняшнюю финскую экономику как результат предшествующего развития. Одними из главных факторов, приближающих опыт Финляндии к потенциальным перспективам России, можно назвать во многом схожие климатические условия, цивилизационные особенности, а также задачу всесторонней модернизации, стоящую перед Россией, которую в недавнем прошлом успешно решила Финляндия.

Для характеристики развитости производства часто используют следующую классификацию: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное производство. При рассмотрении конкретной национальной экономики это может отражать соотношение сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг. Первая характеристика относится к доиндустриальному обществу, вторая — к индустриальному, третья — к постиндустриальному. В Финляндии доля услуг превышает 70 %, что говорит о высокой степени развитости технологий. Это позволяет высвобождать ресурсы в сферу нематериального производства. Большая абсолютная величина объемов материального производства позволяет насытить внутренний рынок промышленной продукцией (в том числе с высокой добавленной стоимостью) при масштабных объемах экспорта.

Показатели производительности труда (2013 г.): ВВП на душу населения в текущих ценах — 35569 евро [6]; ВВП на душу населения по ППС — 35900 долл. [7]; соотношение ВВП по обменному курсу и ВВП по ППС — 1,33.

Структура распределения добавленной стоимости по отраслям (доля отрасли относительно всей добавленной стоимости) в 2008 г. [8]: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство — 2,8; рыболовство — 0,06; добыча полезных ископаемых — 0,4; обрабатывающая промышленность — 22,5; производство электричества, газа и воды — 2,3; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и бытовых изделий — 10; отели и рестораны — 1,6; транспорт, складское хозяйство и связь — 7,8; финансовое посредничество — 2,8; недвижимость, аренда и коммерческая деятельность — 20,3; государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение — 4,8; образование — 4,7; здравоохранение и социальные услуги — 8,8; прочие коммунальные услуги, общественные и персональные услуги — 3,7; частные хозяйства с наемными работниками — 0,08.

Доля экспорта товаров ИКТ относительно общего экспорта товаров — 4 %; доля экспорта услуг ИКТ относительно общего экспорта услуг — 46 % [9].

Одной из главных проблем экономики Финляндии является устойчиво высокий уровень безработицы (на конец I квартала 2014 г. — 8,5 % [10]), связанный с кризисом 2008–2009 гг., последствия которого страна испытывает до сих пор. Инфляция в 2013 г. составила 2,2 % [10]. Кризис спровоцировал продолжительную рецессию с наличием неопределенности ожиданий экономических агентов, что негативно сказывается на рынке труда. Кроме того, за счет законодательно установленных минимальных зарплат и действий профсоюзов, добивающихся

повышения зарплат, уровень которых (как абсолютный, так и относительный) достаточно высок, сокращение использования человеко-часов происходит за счет сокращения рабочих мест. Принимаемые государством меры по созданию рабочих мест и стимулированию их создания недостаточны для улучшения ситуации.

Индекс человеческого развития является более многогранным показателем, характеризующим уровень жизни населения. Степень удовлетворения материальных потребностей, выражающаяся в показателе валового национального дохода на душу населения, дополняется ожидаемой продолжительностью жизни и продолжительностью обучения одного жителя. Финляндия имеет высокие параметры по всем трем составляющим и соответственно — самое высокое значение интегрального показателя. Отметим, что методику расчета параметра образования часто критикуют за привязку к продолжительности образования без анализа его качества и, соответственно, уровня развития человеческого потенциала. Такой подход более приемлем при исследовании развивающихся стран, где нередко остро стоит проблема достижения минимального уровня образованности — количество лет обучения может характеризовать степень минимальной грамотности. Финляндия, как и другие развитые страны, полностью решила проблему минимального уровня грамотности. При этом система образования в Финляндии по праву считается одной из лучших в мире. Можно даже сказать, что существующий индекс человеческого развития занижает реальное значение развитости системы образования.

Высокий показатель ожидаемой продолжительности жизни является еще одним признаком принадлежности финской экономической системы к постиндустриальной. Кроме больших доходов, позволяющих достигать высокого уровня здравоохранения, отметим благоприятные экологические условия, здоровый образ жизни многих жителей, безопасность, относительно невысокую стрессовую нагрузку и другие факторы.

Валовой национальный доход и валовой национальный располагаемый доход на душу населения (по ППС в ценах 2013 г.) составляют соответственно — 39043 и 38773 долл. [11]; индекс человеческого развития — 0,892, то же, очищенный от неравенства — 0,839 [12]; средняя и ожидаемая продолжительность обучения — соответственно 10,3 и 16,9 лет [12]; ожидаемая продолжительность жизни (2011 г.) — 83,6 лет [13].

Численность населения, занятого в креатосфере, отражает степень технологического развития страны и долгосрочный потенциал развития экономики на основе наукоемких отраслей. Большое количество людей с высшим образованием говорит о высоком производственном потенциале на высокотехнологичном уровне и отражает потенциал трансформационных процессов, характерных для развитых стран в связи с переходом на новый уровень развития экономики, где основную роль играет интеллектуальный труд. Финляндия относится к числу стран, имеющих предпосылки для кардинальных преобразований экономической системы.

Государство стимулирует инновационный сектор общественного производства путем прямого бюджетного субсидирования и с использованием косвенных инструментов. Наукоемкое производство поддерживается на всех уровнях — начиная от общедоступного образования и заканчивая продвижением готовой инновационной продукции.

Показатели развития креатосферы: доля работников здравоохранения и социальной сферы (% от населения) — 7,2 [14]; число врачей на 1000 чел. — 2,9 [15]; доля докторов наук (% от населения) — 0,05, tertiary degrees (% от населения) — 22,5 [6]; количество учителей начального образования (% от населения) — 0,47, количество преподавателей вузов (% от населения) — 0,8, расходы на образование (% от ВВП) — 6,8, расходы на здравоохранение (% от ВВП) — 6,7 [16]; расходы на исследования и разработки (% от ВВП) — 3,8, количество исследователей на 1 млн жителей — 7647,4, количество зарегистрированных патентов на 1 млн жителей — 172,1, доля пользователей Интернета (% от населения) — 86,9 [12].

Образовательные учреждения для взрослых по типу образования (2012 г.) [17]

Популярные рейтинги, составляемые авторитетными агентствами, дают только общую характеристику ситуации, чего достаточно для выявления основных положений. Глобальный инновационный индекс (59,5) позволяет исчислять результирующие данные (например, долю инновационной продукции) и судить о потенциале высокотехнологичного развития. Шестое место в этом рейтинге [18] подтверждает позицию Финляндии в качестве одного из инновационных лидеров мировой экономики.

Одним из главных критериев эффективности экономической системы служит ее приближение к устойчивому развитию с учетом экологических параметров. Финляндия по этому показателю занимает высокие место (в сопоставлении с другими индустриально развитыми странами) благодаря широкому использованию возобновляемых источников энергии и экологических технологий. Доля возобновляемой энергии относительно всей используемой энергии — 23,8, эмиссия углекислого газа на душу населения — 10,6 т в год, истощение естественных природных ресурсов за год — 0,1 % от ВВП [12].

Финляндия однозначно может характеризоваться как страна с социально ориентированной экономической системой, озабоченная не валовыми показателями производства, а высокой степенью удовлетворения материальных потребностей всех слоев населения, в том числе самых малообеспеченных (валовые показатели от этого не страдают). Коэффициент Джини близок к показателю бывшего СССР. Вкупе с минимальным (относительно большинства других стран) децильным коэффициентом это однозначно говорит не только о низкой социальной дифференциации, которая, помимо всего прочего, является предпосылкой низкой социальной напряженности, но и практически полном отсутствии людей с неудовлетворенными базовыми потребностями. Относительная численность сверхбогатых низка. *Основные параметры концентрации доходов:*

коэффициент Джини — 0,269 [12]; децильный коэффициент (2012 г.) — 6,05, доля доходов 1 % самых богатых — 5,14 %, доля доходов 5 % самых богатых — 14,03 % [10].

Уровень бедности (% от населения) — 7,3 [20]. Черта бедности — подушевой доход в 1150 евро в месяц [21]; средний и медианный доход в месяц в текущих ценах (2012 г.) — 3206 и 2027 евро [22]; средний доход работодателя в текущих ценах (2013 г.) — 3384 евро [23]; число квадратных метров жилья на человека (2013 г.) — 39,6 [12]; минимальное пособие по безработице (выплачивается 5 дней в неделю), впоследствии взимается налог в 20 % — 32,66 евро; минимальная пенсия по старости (с 65 лет) — 633 евро в месяц для проживающих в одиночку и 562 евро для проживающих не в одиночку [24].

Такая распределительная политика может интерпретироваться не только как результат «общественного» договора, согласно которому страна стремится к социальной справедливости, широким возможностям для всех, социальной стабильности. Низкая дифференциация является условием высокой покупательной способности населения, что обеспечивает высокий внутренний спрос на все группы товаров. Это, безусловно, стимулирует устойчивый рост финского производства. Наконец, перераспределение доходов выступает не просто как социальный трансферт, но и как инвестиция. Человек, обладающий большими возможностями, способен «увеличить» собственный человеческий капитал и произвести большой объем общественно полезных благ, превышающий то, что было вложено в него.

В Финляндии государство играет большую роль в экономическом развитии, что, согласно распространенной точке зрения, должно сопровождаться бюрократизацией, малой мобильностью и адаптивностью к меняющимся реалиям; коррупцией, малой политической свободой для оппозиции и гражданских институтов и т. д. Однако, согласно рейтингам (в частности, индексы восприятия коррупции, демократии, недееспособности государства) и множеству экспертных оценок, в Финляндии сохраняются «традиционные» положительные характеристики большого государства. Это можно объяснить множеством факторов, что требует отдельного исследования.

Политические параметры в международных рейтингах: индекс восприятия коррупции (2013 г.) — 89 (3-е место) [25]; рейтинг развитости демократии журнала «The Economist» (2011 г.) — 9,06 (9-е место) [26]; рейтинг стран по недееспособности государства Американского фонда мира и журнала «Foreign Policy» (2013 г.) — 18,0 (178-е место, последнее) [27].

Общественные организации в Финляндии обладают большими правами и возможностями. В качестве примера приведем работу профсоюзов, которые своей деятельностью во многом формируют основы национальной экономической системы и законы ее развития. Работники (как финские, так и мигранты) получают мощную поддержку профсоюзов при отстаивании своих прав. Обеспечиваются высокий уровень охраны труда, благоприятные условия на рабочем месте, социальные льготы для различных категорий работников.

Продолжительность рабочей недели и оплачиваемого отпуска являются одними из самых благоприятных в мире. Средняя продолжительность рабочей недели — одна из самых коротких, переработки очень редки и всегда оплачиваются дополнительно. Минимальная продолжительность оплачиваемого отпуска — 5 недель, причем профсоюз добивается его увеличения, особенно в случае так называемых особо значимых событий. Например, предоставляется несколько дней отпуска в случае свадьбы близкого родственника. При этом подтвержденные дни болезни в течение отпуска вычитаются из его продолжительности.

Различия в доходах между низкоквалифицированными рабочими, «белыми воротничками», топ-менеджерами и работодателями минимальны относительно других стран. Доходы не сильно зависят и от форм собственности. Можно сказать, что финские работники получают схожую зарплату за один и тот же труд.

В 2012 г. доля работников, состоящих в профсоюзе, составляла 68,3 % от всех работников; количество забастовок — 86; средняя продолжительность рабочей недели — 36,5 ч [28].

Заключение

Финская экономическая модель заслуживает пристального внимания при изучении опыта модернизации и перехода на новый уровень экономики других стран. Этот опыт применим при реализации любой из двух вышеуказанных концепций (реиндустриализации/первичности развития креатосферы).

С одной стороны, «традиционные» индикаторы, отражающие валовые и качественные характеристики производства, указывают на высокорезультативную промышленную политику. За относительно низкой долей промышленности в ВВП скрываются ее высокие абсолютные показатели. Отметим, что территориальная ограниченность и малая численность населения Финляндии не позволяют обеспечить полную экономическую безопасность из-за невозможности организации высококачественного производства всех видов товаров. Однако связанные с этим потери в международной торговле близки, насколько это возможно, к минимальным. В России, имеющей огромную территорию и большую численность населения, превалирует развитие отраслей с низкой добавленной стоимостью. Финская система планирования позволяет проводить сбалансированную экономическую политику, стимулирующую развитие национального производства, которая включает широкий спектр согласованно действующих инструментов, работающих на долгосрочные цели.

С другой стороны, в финской модели активно развиваются отрасли креатосферы, порой выходящие за пределы экономических категорий в традиционном понимании. Образование, здравоохранение, мероприятия по охране окружающей среды в основном получают поддержку не от частного сектора, а от государства, что говорит о меньшей (чем в большинстве других стран) «зацикленности» на «экономической эффективности» и рыночных показателях благополучия. Символично, что именно финский премьер-министр более 30 лет назад произнес знаменитую фразу: «Подлинное богатство — не ВВП, а количество детских колясок». В то же время вложения в «нерыночные» области возвращаются в виде более высокой производительности производства вследствие развития человеческого потенциала. Наша страна обладает огромным человеческим потенциалом и при соответствующей поддержке именно человеческий фактор может стать главным фактором подъема национальной экономики.

Исследование особенностей становления и функционирования финской экономической системы актуально при разработке и выборе экономической политики России.

Список литературы

1. Бодрунов, С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2 (40). — С. 5–16.
2. Колганов, А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин // СОЦИС: социологические исследования. — 2014. — № 1. — С. 120–130.
3. Кульков, В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация? / В.М. Кульков // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 3. — С. 52–55.
4. Сайт Московского экономического форума me-forum.ru/media/news/2978/
5. Бузгалин, А. Экономика: Периодическая система элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. — 2001. — № 12. — С. 46–61.
6. Национальная статистическая служба Финляндии http://www.tilastokeskus.fi/til/vtp/2013/vtp_2013_2014-03-03_tau_001_en.html
7. Сайт ЦРУ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/fi.html>

8. Сайт ОЭСР. <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=21764>
9. Сайт Всемирного банка. <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx#>
10. Национальная статистическая служба Финляндии <http://www.tilastokeskus.fi/>
11. Сайт ОЭСР. http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SNA_TABLE2
12. Сайт ООН. www.un.org Human Development Report 2013. — 204 p.
13. Сайт ОЭСР <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=LEVEL#>
14. Сайт ОЭСР. http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HEALTH_REAC
15. The Economist. Мир в цифрах 2013. — М.: Олимп-бизнес, 2013.
16. <http://www.nationmaster.com/country-info/profiles/Finland/Education>
17. Национальная статистическая служба Финляндии. http://www.tilastokeskus.fi/til/oaio/2012/oaio_2012_2013-12-11_tie_001_en.html
18. The global innovation index 2013. The Local Dynamics of Innovation. http://www.wipo.int/export/sites/www/freepublications/en/economics/gii/gii_2013.pdf
19. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf
20. Сайт ОЭСР. <http://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=47991>
21. <http://www.novosti-helsinki.com/obshestvo/20-pochti-kazhdyydesyatyy-zhitel-finlyandii-nahoditsya-za-chertoy-bednosti.html>
22. Национальная статистическая служба Финляндии http://www.tilastokeskus.fi/til/pra/2012/pra_2012_2014-04-08_tau_001_en.html
23. Национальная статистическая служба Финляндии http://www.stat.fi/til/ati/2013/02/ati_2013_02_2013-08-28_tau_011_en.html
24. Институт социального страхования Финляндии Kela. http://www.kela.fi/web/en/labour-market-subsidy_amount-and-taxation
25. Исследование агентства Transparency Corruption. <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results/>
26. <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/19/3768>
27. Сайт журнала «Foreign Policy» <http://ffp.statesindex.org/rankings>
28. International Labour Organization. <http://www.ilo.org/>

А. В. Бабкин¹, О. В. Чистякова²

**РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ: ПОНЯТИЕ, ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ,
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

Термин «предпринимательство» был введен в оборот в XVIII в. Р. Кантильоном [35], который выделял рискованность, инновационность предпринимательской деятельности и отличал функцию предоставления капитала от предпринимательской функции. Основатель классической школы политической экономии А. Смит [24] целью предпринимательской деятельности считал получение предпринимательского дохода, а предпринимателем называл собственника капитала. Ж. Б. Сэй [26], в отличие от представителей классической школы политической экономии, основную функцию предпринимателя видел в организации и управлении воспроизводством, в умении соединять и комбинировать факторы производства, а не в извлечении прибыли.

Представитель немецкой классической школы И. Тюнен [28] полагал, что предприниматель должен обладать особыми личностными качествами: способностью рисковать, принимать нестандартные решения и отвечать за свои действия, а потому может претендовать на незапланированный (непредсказуемый) доход. Представитель неоклассической школы В. Кларк [11] рассматривал предпринимательство как управленческую функцию, не связанную ни с трудом, ни с собственностью на капитал; состоящую в установлении и поддержании эффективных взаимодействий между факторами производства.

Й. Шумпетер [34], основатель многофункциональной модели предпринимательства (вторая половина XX в.), считал, что в основе экономического развития лежит специфическая функция предпринимателя, проявляющаяся в стремлении использовать новую комбинацию факторов производства, следствием чего является нововведение, инновация. Позиция Й. Шумпетера заключалась в том, что предпринимательство представляет собой деятельность по сознательному внесению возмущений в хозяйственную среду в расчете на получение конкурентного преимущества и, как следствие, высокого дохода.

Представители новоавстрийской школы Л. Мизес [14] и Ф. Хайек [29] впервые рассматривали предпринимательство как процесс развития идеи, а И. Кирцнер [10] построил теорию предпринимательства как процесса перехода от одного равновесного состояния («арбитражных» сделок) к другому. П. Друкер [5] рассматривал не только сущностные, но и управленческие аспекты предпринимательской деятельности, переходящие на междисциплинарный уровень анализа.

Представляют интерес точки зрения российских ученых-экономистов на сущностные понятия, характеризующие предпринимательство. А. В. Бусыгин [4] рассматривает предпринимательство как искусство деловой активности, прежде всего мыслительный процесс, реализуемый в форме делового проектирования. В профессиональном смысле предпринимательство рассматривается как умение организовать собственный бизнес и достаточно успешно осуществлять связанные с ним функции. Л. Колесникова [12] обосновала синергетический подход к теории

¹ *Александр Васильевич Бабкин*, профессор кафедры экономики и менеджмента в машиностроении Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор, д-р экон. наук.

² *Ольга Владимировна Чистякова*, доцент кафедры экономики предприятий и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета экономики и права, канд. экон. наук.

предпринимательства, предполагающий единство предметно-материального и идеально-творческого начал в предпринимательской деятельности.

М. Г. Лапуста [13] подчеркивает законодательный и финансовый аспекты предпринимательской деятельности. А. В. Бабкин [2] отмечает необходимость использования количественных методов для совершенствования управления сложными предпринимательскими системами. По мнению А. Н. Асаула [1], предпринимательство представляет собой особый вид хозяйственной деятельности, суть которой заключается в стимулировании и удовлетворении спроса общества на конкретные потребности его членов посредством рыночного обмена и направленной на завоевание конкурентных преимуществ через нарушение рыночного равновесия.

По нашему мнению, под *предпринимательством* следует понимать стиль ведения хозяйственной деятельности, основанный на творчестве, новаторстве, риске, инициативе, постоянном поиске новых возможностей, включая инновации, с целью получения прибыли, а также самореализации. При этом важнейшим аспектом предпринимательства сегодня является инновационность [32].

Понятие *инновация* получило широкое распространение в XX в. благодаря Й. Шумпетеру, который писал, что в результате анализа «инновационных комбинаций» происходят изменения в развитии экономических систем [34]. Он также отмечал, что инновация — это новая научно-организационная комбинация производственных факторов, мотивированная предпринимательским духом.

Б. Твисс [27] определял инновацию как процесс, в котором изобретение или новая идея приобретают экономическое содержание. Как совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования, характеризует инновацию Ф. Никсон [17]. Б. Санто [23] рассматривал инновации как общественно-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий.

По мнению Д. В. Соколова, А. Б. Титова, М. М. Шабановой [25], инновации — это итоговый результат создания и освоения (внедрения) принципиально нового или модифицированного (новшества), удовлетворяющий конкретные общественные потребности и дающий ряд эффектов (экономический, научно-технический, социальный, экологический). А. И. Пригожин [19] сводит инновации к развитию технологии, техники, управления на стадиях их зарождения, освоения, диффузии на других объектах. Л. Э. Миндели [15] полагает, что инновации связаны с использованием в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленных на совершенствование процесса или результатов деятельности.

Ю. П. Морозов [16] отмечает, что инновация — это прибыльное использование новаций в виде новых технологий, видов продукции, организационно-технологических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого или иного характера. И. Т. Балабанов [3] считает, что понятие «инновация» тесно связано с понятиями «изобретение» и «открытие», при этом открытие может произойти случайно, а инновация всегда является результатом поиска и требует определенной четкой цели и технико-экономического обоснования.

У. Соудер [37] характеризует инновацию как высокорисковую идею, которая представляется новой для спонсирующей организации и в реализации которой эта организация видит потенциально высокую прибыль или иные коммерчески привлекательные моменты. В данном определении отражены наиболее значимые черты инноваций: высокий риск, новизна и коммерциализуемость. А. Джולי [36] считает, что в современном бизнесе уместны и перспективны лишь *market-led-innovations*, т. е. инновации, ведомые рынком.

В. И. Черенков и М. Г. Толстобров [30] представляют взаимосвязь основных этапов инновационного процесса следующим образом: идея — коммерциализация — инновация. В со-

ответствии с концепцией жизненного цикла инновации состоявшуюся инновацию они связывают с маркетинговым успехом, началом которого считают достижение точки безубыточности. Н. И. Иванова [6] отмечает, что превращение результатов научных исследований или изобретений в нововведение создает долгосрочную конкурентоспособность корпорации.

По нашему мнению, инновация — это новшество, основанное на научных разработках и реализованное на рынке. Инновационная предпринимательская деятельность представляет собой комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленных на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и разработок [31].

Мы предлагаем трактовать *инновационное предпринимательство* как предпринимательскую деятельность, основанную на коммерциализации востребованных рынком новшеств и направленную на создание высокотехнологичной продукции и оказание услуг, позволяющих отойти от сырьевого развития региона. Отличием данного подхода является развитие инновационных услуг, в том числе путем создания в регионах туристско-рекреационных особых экономических зон, позволяющих сократить сырьевую составляющую. Данный подход представляет особый интерес для ресурсных регионов России.

Переход России на инновационную модель развития предполагает формирование экономики знаний и инноваций. По мнению В. Л. Иноземцева [8], сырьевая эпоха себя исчерпала, будущее принадлежит постиндустриальному обществу, потенциал развития которого все больше определяется масштабами информации и знаний, которыми оно располагает.

Проблемой России является несбалансированность индустриальной модели: гипертрофированное развитие добывающих отраслей и организаций первичного передела в ущерб остальным уровням.

В современной экономике появилось понятие «голландской болезни», при которой поступление денег от экспорта природных ресурсов приводит к снижению эффективности производственного сектора страны. Д. Стиглиц, Д. Сакс и М. Хамфрис [9, с. 20] отмечают: «... причины и корни протекания данной «болезни» совершенно ясны. Резкое увеличение денежных поступлений от экспорта природных ресурсов приводит к повышению реального курса валюты. Это, в свою очередь затрудняет экспорт товаров, произведенных в других отраслях промышленности, поскольку цены на них повышаются, что делает их неконкурентоспособными по отношению к импортной продукции, нередко дело доходит до того, что производство целого ряда товаров становится почти невозможным (так называемый эффект расходов)». В конечном итоге «голландская болезнь» приводит к «ресурсному проклятию» страны, которое выражается в том, что «страны, обладающие большими запасами природных ресурсов, таких, как нефть или газ, часто отстают в экономическом развитии и качестве государственного управления от стран, располагающих меньшими ресурсами [9, с. 15].

Как отмечает В. И. Самаруха [21, с. 71], Россия имеет низкую конкурентоспособность, особенно в перерабатывающей промышленности, выпускающей товары конечного потребления. По наследству от СССР к ней перешли элементы «ресурсного проклятия» и «голландской болезни». Реальный сектор экономики испытывает острую нехватку инвестиционных ресурсов, что обуславливает необходимость развития национальной экономики на основе либерально-мобилизационной парадигмы.

Преодоление указанных тенденций возможно за счет наращивания инновационной и инвестиционной активности. Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020 г. предусматриваются занятие 5...10 % на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по 5...7 позициям; повышение доли высокотехнологичного сектора в ВВП с 10,9 % до 17...20 %; увеличение в 5...6 раз доли инновационной продукции в выпуске промышленности и в 4...5 раз — доли инновационно-активных предприятий (с 9,4 % до 40...50 %) [7].

Сегодня конкурентами России являются как лидеры в сфере инноваций (США, Япония, страны ЕС), так и страны с растущей экономикой (Китай, Индия, Бразилия и др.), которые рассматривают инвестиции в технологическое развитие в качестве ключевого направления.

Говоря о переходе на инновационную модель развития, подчеркнем, что в условиях России (особенно в регионах Сибири) независимо от масштабов развития инновационных производств от значительной доли сырьевой составляющей все равно не уйти. Даже при развитии авиастроения и других направлений переработки алюминия часть его придется экспортировать в необработанном виде. Увеличив нефтепереработку, мы все равно будем продавать сырую нефть, не говоря уже о газе. А цветные и редкие металлы придется вывозить на металлургические заводы, в том числе в другие страны. Затрудняет переход российской экономики на инновационный путь развития сохраняющийся разрыв между Россией и наиболее экономически развитыми странами мира, выражающийся не только в отставании по ВВП на душу населения, но в первую очередь в отставании соответствующих институтов.

Таким образом, сегодня следует стремиться к кардинальному увеличению доли инновационной составляющей в экономике при одновременном снижении сырьевой. При этом в сырьевых регионах с ограниченными трудовыми ресурсами сырьевая составляющая останется высокой.

Остановимся на стимулировании инновационного предпринимательства в России. Так, в 2005 г. приняты Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г.; в 2006 г. — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г.; в 2010 г. — Инновационная стратегия России-2020. В них определены направления модернизации экономики на основе технологических инноваций, развития национальной инновационной системы и инновационной инфраструктуры.

Было увеличено финансирование за счет средств государства фундаментальной науки, а также прикладных разработок, в том числе через государственные фонды финансирования науки и федеральные целевые программы. Создана система институтов развития инноваций на стадии предпосевного и посевного финансирования, в том числе венчурные фонды с государственным участием, Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк), Государственная корпорация «Роснано» и др.

Предпринимались действия по развитию исследовательской деятельности и инноваций в высшем образовании: 29 университетам на конкурсной основе присвоен статус национальных исследовательских, выделены средства на реализацию программ развития, включая развитие исследовательской деятельности и создание инновационной инфраструктуры. Сформированы национальные исследовательские центры, строится инноград Сколково. Принят закон, разрешающий бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия.

Затрудняют развитие инновационного предпринимательства проблемы в образовании и науке, в бизнесе, государственном управлении и др. Так, одним из важнейших конкурентных преимуществ России с точки зрения инновационного развития всегда являлся человеческий капитал. Большая доля населения с высшим образованием, высокий уровень образования по естественно-научным и инженерно-техническим специальностям создавали основу для научных разработок. Сегодня снижается качество образования на всех уровнях, меняется его структура, в частности, закрыты многие профессионально-технические училища, готовившие квалифицированных рабочих для российских предприятий.

Важной проблемой является подготовка кадров по управлению в инновационной сфере. Ключевые для инновационного предпринимательства личностные качества: мобильность, склонность к инновациям, к принятию риска, желание обучаться на протяжении всей жизни — не являются характерными для значимой части населения России.

Без развитой науки инновационный процесс не может быть реализован в полной мере. Предприятиям, стремящимся стать конкурентоспособными, нужны новые технологии. По масштабам исследовательского сектора Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Китаю, США и Японии. Однако многие перспективные ученые ушли в бизнес или эмигрировали в те страны, где им предоставлена возможность продуктивно работать.

Таким образом, научная сфера сегодня нуждается в глубоком реформировании. Прикладную науку следует сделать более практичной, ее задачей должен стать поиск инновационных решений, их широкое внедрение в производство, а фундаментальная наука должна стать привлекательной сферой деятельности для молодежи.

Отметим, что, по данным Федеральной службы государственной статистики России [18], восприимчивость бизнеса к инновациям в России остается низкой.

Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг в промышленном производстве РФ вырос с 154,1 млрд рублей в 2000 г. до 3507,8 млрд рублей в 2013 г. (в 22,7 раза). Затраты на технологические инновации выросли с 49,4 млрд рублей в 2000 г. до 1112,4 млрд р. в 2013 г. (в 22,5 раза) (рис. 1). Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в промышленном производстве РФ вырос с 4,4 % в 2000 г. до 9,2 % в 2013 г. (на 4,8 %) (рис. 2). Удельный вес инновационных предприятий (без малых предприятий) составлял 8,9 % в 2000 г. и вырос до 10,1 % к 2013 г. (на 1,2 %) (см. рис. 2), что в целом говорит о достаточно низком уровне инновационного развития экономики России.

Рис. 1. Объем инновационных товаров, работ, услуг в промышленном производстве РФ

Рост бюджетного финансирования на развитие сектора генерации знаний, на поддержку исследований и разработок не привел к значительному росту инновационной активности предприятий. За период 2000–2012 гг. в структуре затрат на технологические инновации в промышленном производстве (рис. 3) сократилась доля собственных средств на 9 % (с 82,3 % в 2000 г. до 73,3 % в 2012 г.); увеличилась доля средств федерального, регионального и местного бюджетов на 3,4 % (с 4,1 % в 2000 г. до 7,5 % в 2012 г.); увеличилась доля прочих средств на 10,5 %

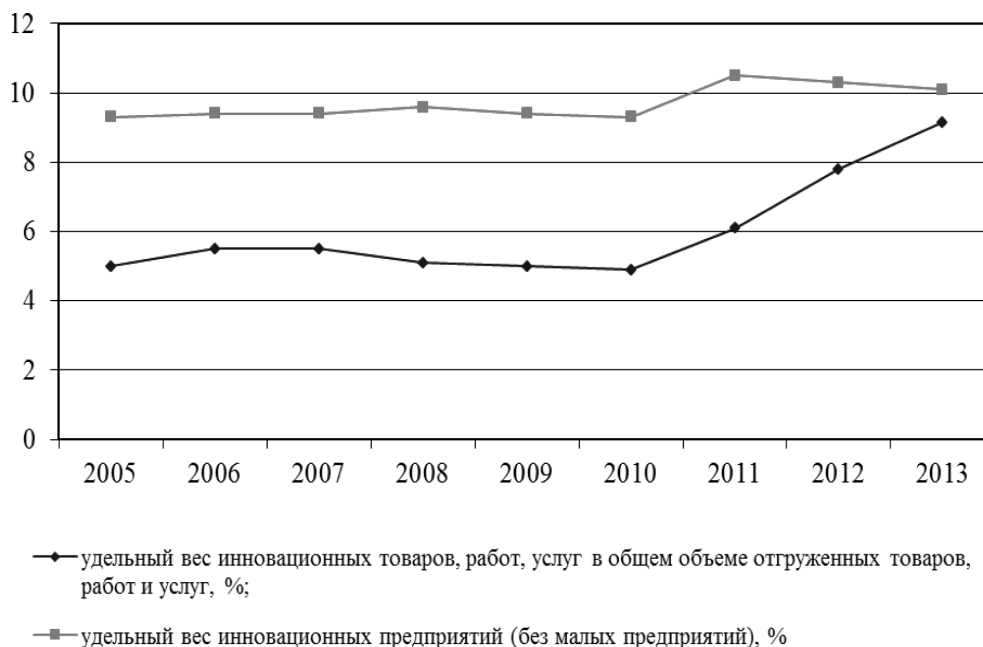

Рис. 2. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в промышленном производстве РФ

(с 5,5% в 2000 г. до 16% в 2012 г.); снизилась доля иностранных инвестиций на 2,6% (с 5,3% в 2000 г. до 2,7% в 2012 г.).

В целом, расходы российских компаний на НИОКР (в процентах к ВВП) значительно ниже, чем в странах — инновационных лидерах и в странах «второго эшелона», и составляют 1,04% по сравнению с 2,5...4,5% в среднем у инновационных лидеров и 1,5...2,5% в странах «второго эшелона» [10].

Кроме отставания российских предприятий по уровню инновационной активности существуют структурные проблемы в организации управления инновациями. Заимствование готовых технологий (догоняющий подход) доминирует в России над созданием радикальных нововведений и новых технологий (опережающий подход).

Серьезно отличается от принятой в зарубежных компаниях и структура расходов на технологические инновации. В России компании направляют на приобретение машин и оборудования 51,2% инновационных затрат, на обновление программных средств — 1,3% [10]. Подобная стратегия распределения расходов на инновационную деятельность характерна для стран с низким научным потенциалом.

По данным Росстата (рис. 4 и 5), за период 2000–2011 г. в России несколько повысилась инновационная активность малого предпринимательства. Количество малых предприятий (без микропредприятий), осуществляющих технологические инновации, выросло с 673 в 2000 г. до 1276 в 2011 г. (на 89,6%). Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг малыми предприятиями в промышленном производстве РФ вырос с 927,6 млн рублей в 2000 г. до 16389,7 млн рублей в 2011 г., или в 17,7 раза (рис. 4).

Удельный вес субъектов малого предпринимательства, осуществляющих технологические инновации, возрос с 1,3% в 2000 г. до 4,8% в 2013 г. (на 3,5%), в 2013 г. наблюдалось его снижение на 0,3% относительно 2011 г. (рис. 5).

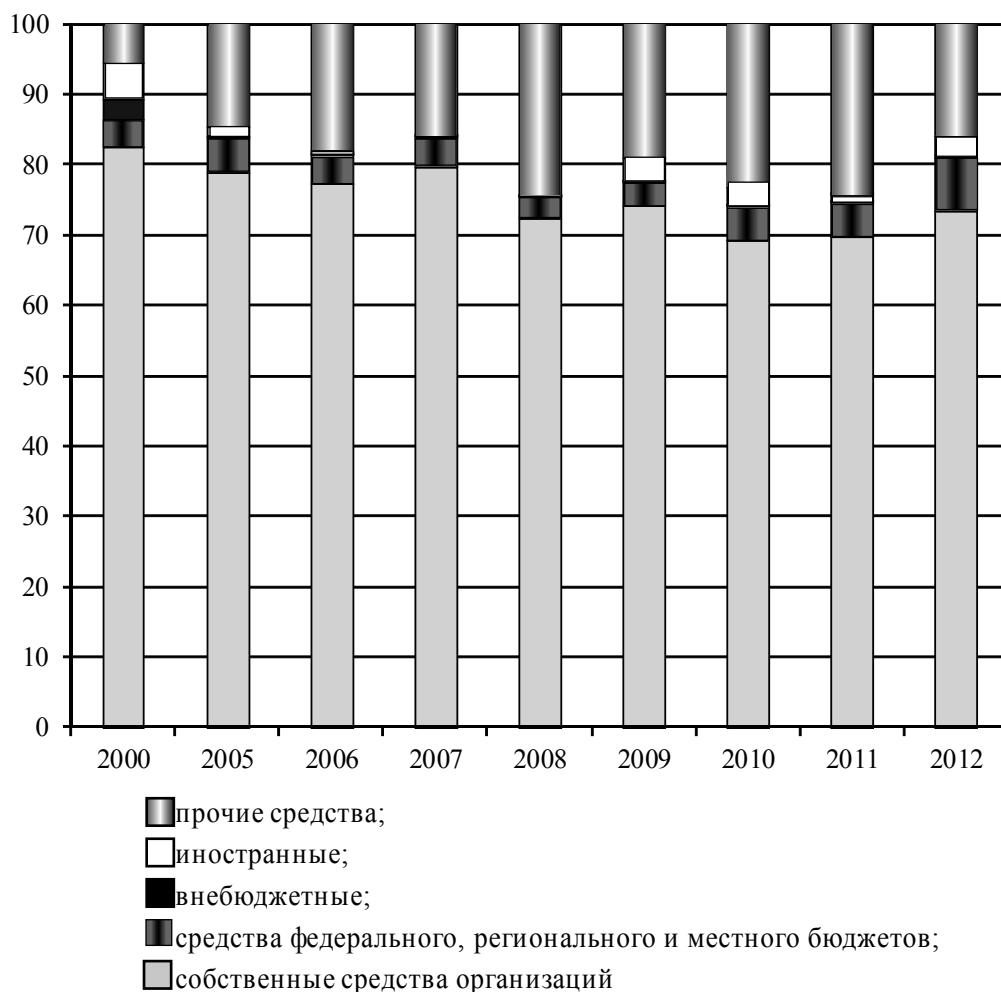

Рис. 3. Структура затрат на технологические инновации в промышленном производстве РФ по источникам финансирования, %

Наименьший удельный вес технологических инноваций (всего 4 % в 2012 г.) зафиксирован на малых предприятиях с численностью занятых до 200 человек (рис. 6).

С ростом размера предприятия росла доля организаций, осуществляющих технологические инновации. Их наибольшая доля пришлась на предприятия с численностью занятых 10000 человек и более — 84,4 % в 2012 г. Это также подтверждает вывод, что в России крупный бизнес более восприимчив к инновациям и мало сотрудничает с малым бизнесом.

Недостаточный уровень инновационной активности предприятий в России усугубляется низкой отдачей от реализации технологических инноваций. В 2011 г. в крупном бизнесе она составляла 4,3 рубля, а в малом — 1,7 рубля, что также подтверждает вывод о наличии у крупного бизнеса больших возможностей для коммерциализации инноваций (рис. 7).

Хотя за последние годы доля инновационных предприятий в России несколько выросла, в целом ситуация остается неблагоприятной. Многие предприятия экономят на развитии: сокращают расходы на НИОКР и перевооружение, откладывают (на будущее) инновационные

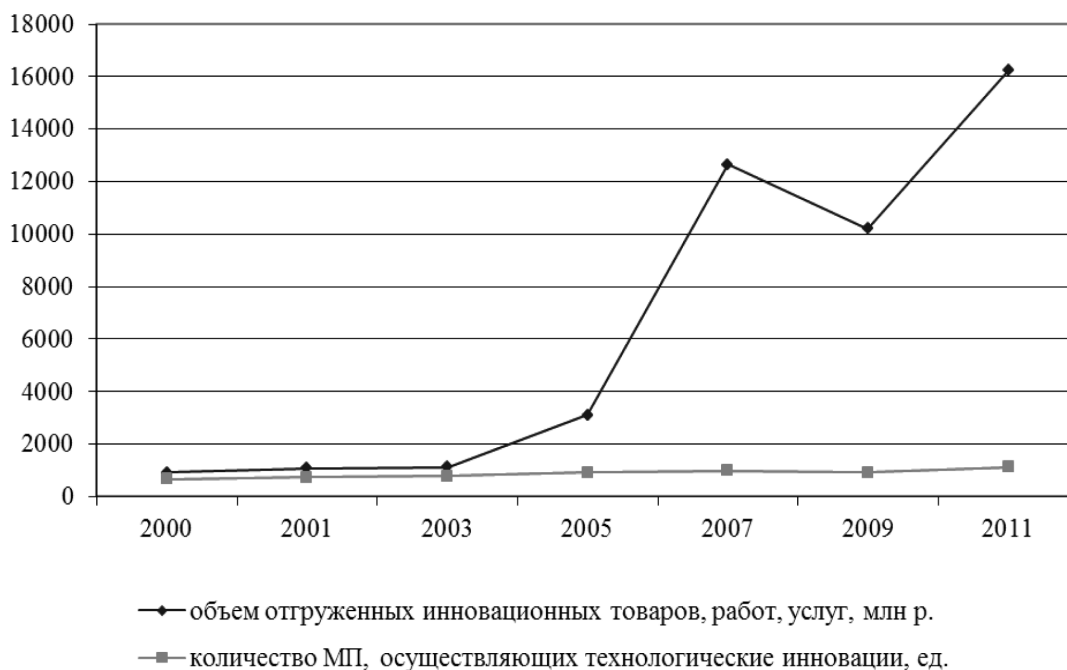

Рис. 4. Инновационная активность субъектов малого предпринимательства (без микропредприятий)

проекты. Для российской экономики в целом характерны высокие риски и низкий уровень управления ими путем страхования.

Российским предпринимателям свойственна ориентация на сегодняшний день — на краткосрочные вложения; быстрые деньги интересуют их гораздо больше, чем далекие перспективы.

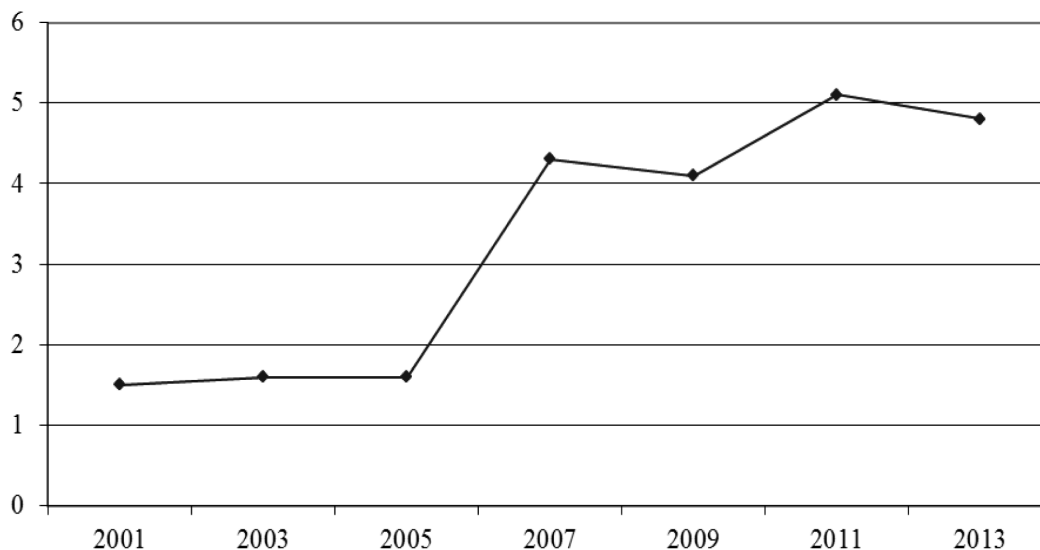

Рис. 5. Удельный вес субъектов малого предпринимательства, осуществляющих технологические инновации, %

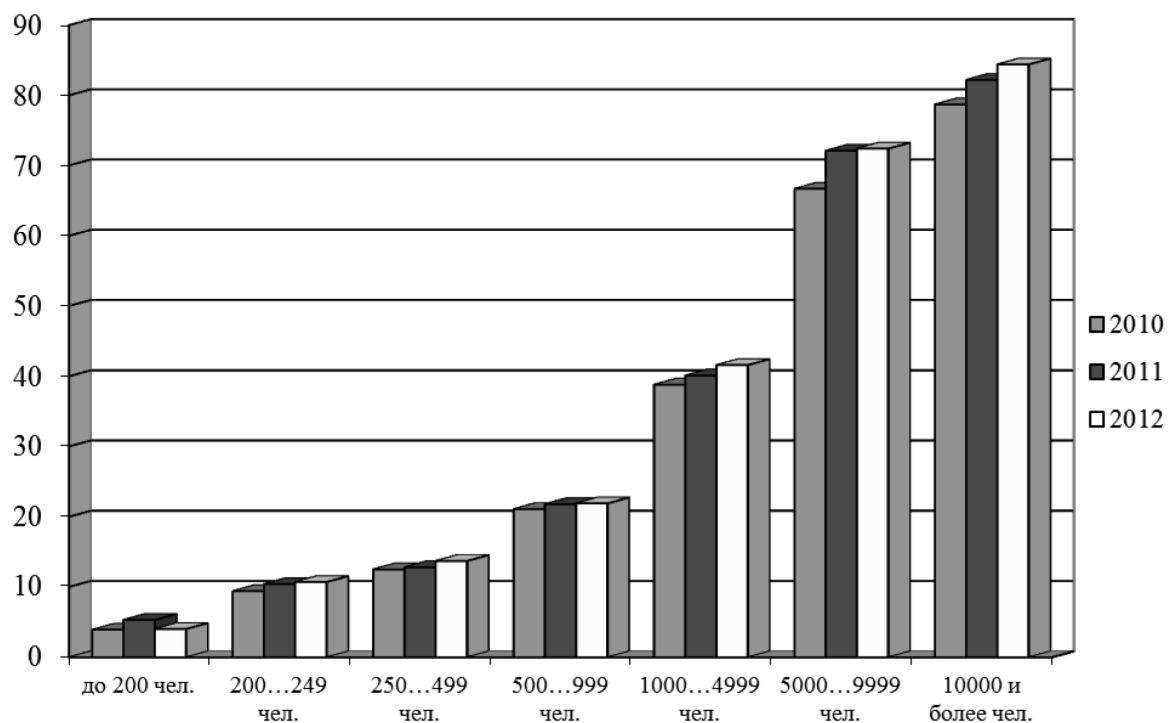

Рис. 6. Удельный вес организаций промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, %

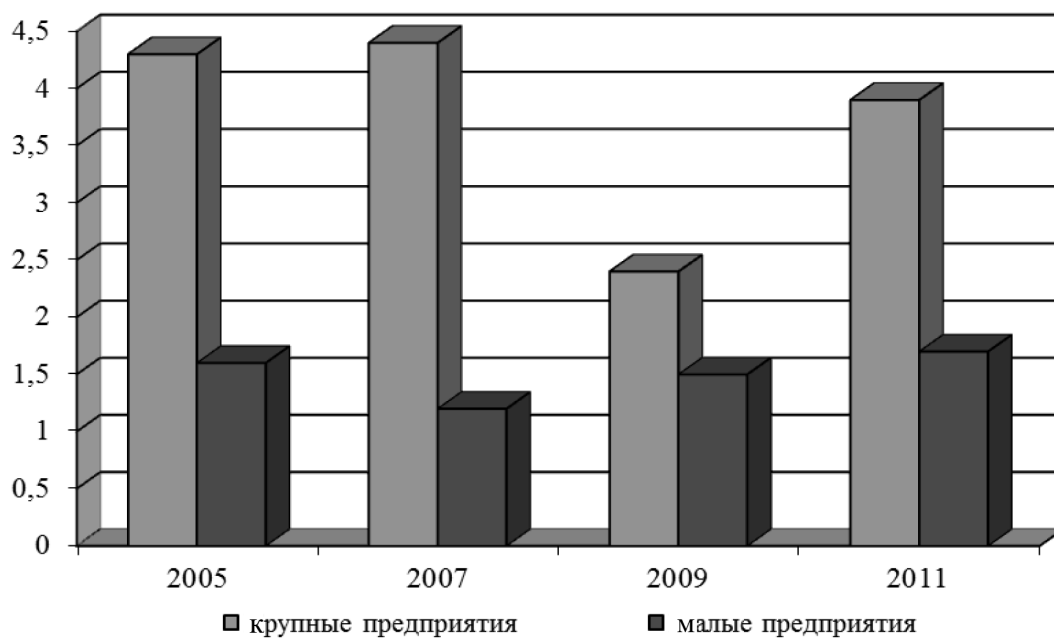

Рис. 7. Отдача на рубль затрат на технологические инновации, р.

В этом заключаются особенности российского менталитета, рассматривающего государственную поддержку только как возможность извлечения максимальной прибыли в короткие сроки.

Правовая нестабильность, слабый уровень защищенности в России производителя интеллектуальной собственности лишают интеллектуальную сферу важных для нее инвестиций, затрудняют формирование рынка инновационных идей и инновационной инфраструктуры.

Государственная власть в России пока не добилась успехов в создании «инновационного климата». Слабая поддержка государства выражается в недостаточном объеме финансирования научной и инновационной сферы, в недостаточно развитой системе государственно-частного партнерства и инновационной инфраструктуры. Государственное регулирование предпринимательской деятельности (в том числе инновационной) можно охарактеризовать скорее как безразличие по отношению к бизнесу. Несмотря на принятые меры по налоговому стимулированию инновационной активности, нагрузка на бизнес по налоговым и неналоговым платежам выросла.

По мнению В. И. Самарухи и Г. К. Засыпкина [22], инновационная активность, в частности в отрасли производства строительных материалов, остается низкой по двум причинам: бизнес-идея не доходит до стадии коммерческой реализации; предприниматель, стремящийся повысить эффективность и конкурентоспособность своего предприятия, финансово и инициативно готовый к инновационной деятельности, не может найти подходящую техническую идею, разработку для ее коммерциализации.

Что касается развития инфраструктуры инновационной деятельности, за последние годы в России при поддержке государства созданы сотни технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, центров коллективного пользования и др.; начали функционировать особые экономические зоны; инновационная инфраструктура сформирована практически в каждом вузе. Однако эффективность ее использования недостаточна, она слабо координируется государством, а спрос на инновации со стороны российских компаний остается низким.

По нашему мнению, инновации должны стать неотъемлемым элементом цивилизованной конкуренции. Инновационно-активные компании могут получить долгосрочные преимущества на рынке, их собственники будут заинтересованы в результативных инновациях. Меры по развитию инновационной инфраструктуры должны сочетаться с мерами по поддержке инновационной деятельности компаний, старта новых инновационных бизнесов, стимулированию связей между различными участниками инновационных процессов, в том числе между крупными компаниями и малым и средним бизнесом, между научно-образовательными организациями и бизнесом. Необходимо повысить качество взаимодействия науки, бизнеса и государства при реализации государственной политики развития инноваций.

Кроме того, мы предлагаем оригинальный подход к организации инновационного процесса (рис. 8). По нашему мнению, инновационный предпринимательский процесс начинается с оценки рынка (спрос, емкость, конкуренция и др.), разработки инновационных идей специалистами НИИ, вузов, предпринимателями или интрапренерами. Особенность предлагаемого подхода в том, что инновации могут создаваться как в рамках собственного бизнеса, так и интрапренерами (предпринимателями) в корпорации. Далее следуют получение патента и разработка опытного образца. Затем оцениваются масштабы объемов выпуска и начинается производство. При этом малое (среднее) предприятие может самостоятельно осуществлять производство и сбыт инновационной продукции, а может взаимодействовать с корпорацией, передав изобретение ей. Корпорация реализует инновации, созданные ее специалистами, а также приобретенные у малого бизнеса или других разработчиков. Конечным этапом является получение прибыли.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 4 декабря 2014 г. [20] В. В. Путин отметил, что в России должна быть реализована национальная технологическая инициатива для решения задач, с которыми РФ столкнется через 10...15 лет. Для этого необходимо объединить усилия проектных, творческих команд, динамично развивающихся компаний, готовых использо-

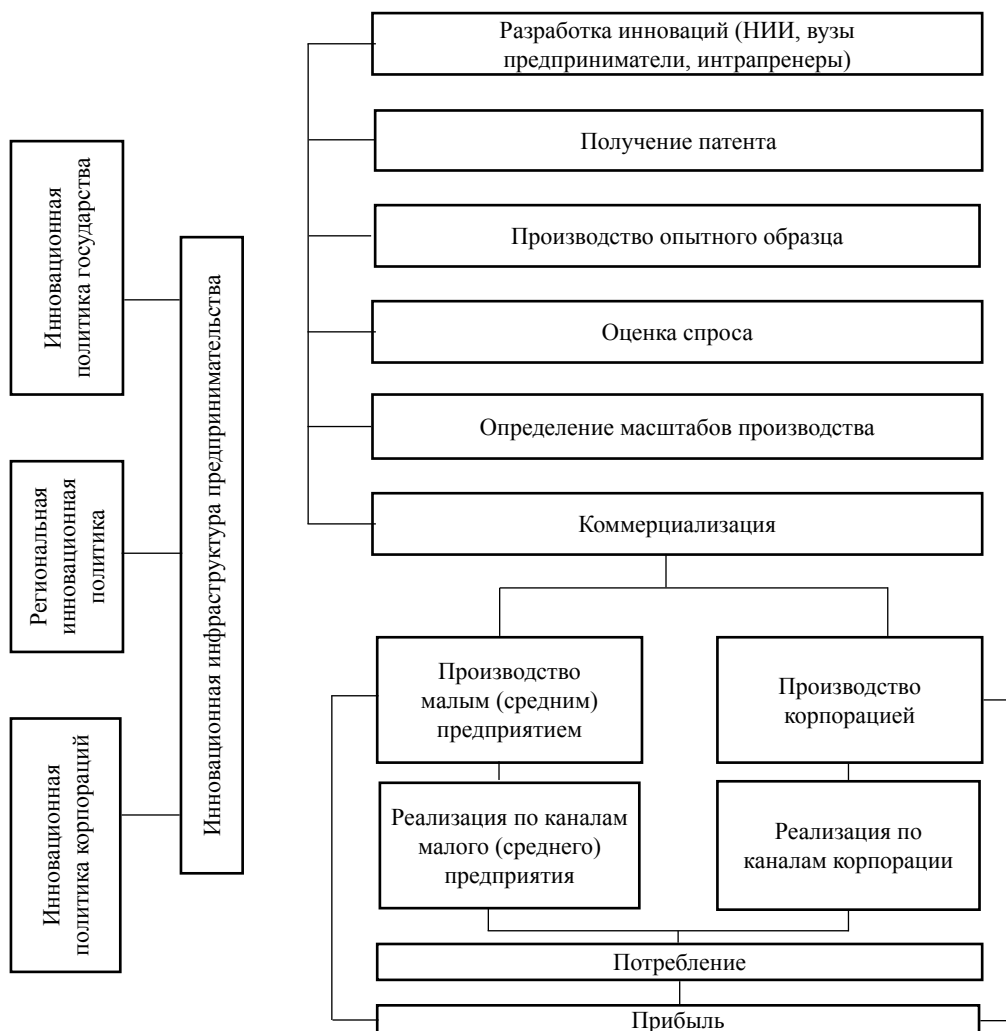

Рис. 8. Инновационный предпринимательский процесс

вать (реализовать) передовые разработки; подключить ведущие университеты, исследовательские центры, РАН, крупные деловые объединения страны; пригласить наших соотечественников, которые трудятся за рубежом.

Для развития инновационного предпринимательства в России мы предлагаем два направления. Во-первых, целесообразно развивать венчурный бизнес как самостоятельное явление, используя базу создаваемой в стране инновационной инфраструктуры (в том числе технопарков, инновационных бизнес-инкубаторов, инновационных центров, где могут размещаться фирмы, специализирующиеся на новых перспективных исследованиях и разработках). Во-вторых, необходимо развитие инноваций внутри корпораций путем реализации концепции интрапренерства, позволяющей вовлечь в исследовательский процесс интеллектуальный персонал корпорации.

Коммерческое воплощение инновационных разработок и выход на глобальные рынки возможны через сотрудничество с корпорациями. Это позволит повысить конкурентоспособность

отечественных предприятий и осуществить переход экономики России на инновационный тип развития.

При этом для поддержки предпринимательских структур предлагается формировать инновационную инфраструктуру комплексно на макро-, мезо- и микроуровнях [33].

Выводы

1. Под предпринимательством авторы предлагают понимать стиль ведения хозяйственной деятельности, основанный на творчестве, новаторстве, инициативе, риске, постоянном поиске новых возможностей (включая инновации), с целью получения прибыли, а также самореализации личности. Инновационность в современных условиях становится определяющим признаком предпринимательства.

2. Инновационное предпринимательство предлагается трактовать как предпринимательскую деятельность, основанную на коммерциализации востребованных рынком конкурентоспособных новшеств, направленную на создание высокотехнологичной продукции и оказание услуг, позволяющих отойти от сырьевого развития региона. Отличием данного подхода является развитие инновационных услуг, в том числе путем создания туристско-рекреационных особых экономических зон в регионах, позволяющих сократить сырьевую составляющую.

3. Важнейшей проблемой является низкий спрос на инновации в России со стороны частного и государственного сектора. Не удастся значительно повысить инновационную активность предприятий, создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций. Следует отметить недостаточно налаженное взаимодействие науки и бизнеса, а также низкий уровень коммерциализации научных разработок в России.

4. Созданные за последние годы составляющие инновационной инфраструктуры не задействованы в полной мере компаниями реального сектора, поэтому необходимо повышение эффективности ее использования. Важными направлениями инновационного развития являются повышение мотивации к инновационному поведению всех субъектов экономики и углубление их взаимодействия с сектором исследований и разработок с опорой на инновационную инфраструктуру.

5. Предложен подход к организации инновационного предпринимательского процесса, особенностью которого является то, что инновации могут создаваться как в рамках собственного бизнеса, так и интрапренерами (предпринимателями) в корпорации.

6. Обоснована необходимость взаимодействия крупных корпораций с малыми фирмами в области исследований и разработок, что создает условия для оптимизации всего цикла разработок — от идеи до рынка, т. е. от начала исследований до массового выпуска широкого набора модификаций нового продукта. При этом финансовый и экономический потенциал крупных фирм и творческий потенциал малых дополняют друг друга.

7. Предложены два направления развития инновационного предпринимательства в России: развитие венчурного бизнеса как самостоятельного явления с использованием базы создаваемой инновационной инфраструктуры и создание инноваций внутри корпораций путем реализации концепции интрапренерства.

Список литературы

1. Асаул, А. Н. Оценка конкурентных позиций субъектов предпринимательской деятельности / А. Н. Асаул, Х. С. Абаев, Д. А. Гордеев. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2007. — 271 с.

2. Бабкин, А. В. Задачи принятия решений по развитию предпринимательских систем/А. В. Бабкин//Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2013. — № 3 (173). — С. 119–130.
3. Балабанов, И. Т. Инновационный менеджмент/И. Т. Балабанов. — СПб.: Питер, 2001. — 303 с.
4. Бусыгин, А. В. Предпринимательство: учебник/А. В. Бусыгин. — М.: Бусыгин, 2003. — 614 с.
5. Друкер, П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения/П. Друкер. — М.: Фаир-пресс, 2003. — 288 с.
6. Иванова, Н. И. Научные исследования в корпорации — основа инновационного процесса/Н. И. Иванова//Инновационная экономика. — М.: Наука, 2001. — С. 78–80.
7. Инновационная стратегия России-2020/Минэкономразвития России//Datis.pro, 2012. URL: <http://innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020>. (Дата обращения 29.08.2014).
8. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия и перспективы/В. Л. Иноземцев. — М.: Логос, 2000. — 302 с.
9. Как избежать ресурсного проклятия: пер с англ. / под ред. М. Хамфриса, Д. Сакса, Д. Стиглица. — М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011. — 464 с.
10. Кинцнер, И. Конкуренция и предпринимательство / И. Кинцнер; пер. с англ. под ред. А. Н. Романова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 239 с.
11. Кларк, Д. Распределение богатства / Д. Кларк; пер. Д. Страшунского, А. Бесчинского. — М.: Огиз, 1934. — 302 с.
12. Колесникова, Л. Предпринимательство: от «максимизации прибыли к синергии социально-экономических систем / Л. Колесникова // Вопросы экономики. — 2001. — № 10. — С. 40–54.
13. Лапуста, М. Г. Предпринимательство: учебник / М. Г. Лапуста. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 608 с.
14. Мизес, Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической революции/Л. Мизес. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 235 с.
15. Миндели, Л. Международные аспекты инновационной политики / Л. Миндели, В. Заварухин // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 5. — С. 55–64.
16. Морозов, Ю. П. Инновационный менеджмент / Ю. П. Морозов. — М.: Юнити-Дана, 2000. — 446 с.
17. Никсон, Ф. Роль руководства предприятия в обеспечении качества и надежности стандартов / Ф. Никсон. — М.: Изд-во стандартов, 1990. — 317 с.
18. Официальная статистика. Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (Дата обращения 4.12.2014).
19. Пригожин, А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики)/А. И. Пригожин. — М.: Политиздат, 1989. — 271 с.
20. Принять вызов и победить. «РГ» публикует текст обращения президента. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html> (Дата обращения 6.12.2014).
21. Самаруха, В. И. Влияние «голландской болезни» на развитие промышленности России/В. И. Самаруха//Известия ИГЭА (БГУЭП). — 2012. — № 1. — С. 68–72.
22. Самаруха, В. И. Деятельность малых предприятий в промышленности строительных материалов в Байкальском регионе/В. И. Самаруха, Г. К. Засыпкин//Известия ИГЭА (БГУЭП). — 2012. — № 4. — С. 79–83.
23. Санто, Б. Инновации как средство экономического развития/Б. Санто. — М.: Прогресс, 1990. — 296 с.

24. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: ЭКСМО, 2007. — 957 с.
25. *Соколов, Д. В.* Предпосылки анализа и формирование инновационной политики / Д. В. Соколов, А. Б. Титов, М. М. Шабанова. — СПб.: ГУЭФ, 1997. — 32 с.
26. *Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии / Ж. Б. Сэй [и др.]. — М.: Дело, 2000. — 230 с.
27. *Твисс, Б.* Управление научно-техническими нововведениями/Б. Твисс. — М.: Экономика, 1989. — 271 с.
28. *Тюннен, И. Г.* Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии: Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие/И. Г. Тюннен; под ред. А. А. Рыбникова; пер. с англ. Е. А. Тернеус. — М.: Экономическая жизнь, 1926. — 326 с.
29. *Хайек, Ф.* Индивидуализм и экономический порядок/Ф. Хайек. — М.: Начала-Фонд, 2001. — 255 с.
30. *Черенков, В. И.* Глобальный трансферт инноваций как инструмент интернационализации российского малого высокотехнологичного бизнеса / В. И. Черенков, М. Г. Толстобров // Вестник СПб ун-та. — 2007. — Сер. 8. Менеджмент. — Вып. 1. — С. 43–64.
31. *Чистякова, О. В.* Влияние инновационных процессов на конкурентоспособность организации / О. В. Чистякова // Известия Иркутской государственной экономической академии (БГУЭП). — 2011. — № 2. — С. 87–91.
32. *Чистякова, О. В.* Исследование процессов современного предпринимательства / О. В. Чистякова // Известия Иркутской государственной экономической академии (БГУЭП). — 2010. — № 2. — С. 94–98.
33. *Чистякова, О. В.* Современные аспекты государственной поддержки малого и среднего предпринимательства / О. В. Чистякова // Известия Иркутской государственной экономической академии (БГУЭП). — 2013. — № 4. — С. 65–69.
34. *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития/Й. Шумпетер. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.
35. 25 ключевых книг по экономике/А. Бейтон [и др.]. — Курган: Урал LTD, 1999. — 560 с.
36. *Jolly, A.* From Idea to profit: How to Market innovative Products and Services/A. Jolly. — London: Kogan page, 2005. — 167 p.
37. *Souder, W. E.* Managing New Product Innovations/W. E. Souder. — Lexington MA: Lexington Books. 1987. — 563 с.

А. А. Золотарев¹, Н. Г. Яковлева²

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
ПЕРСПЕКТИВЫ РЕИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА,
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ**

Проблема анализа состояния и реформирования российской экономической системы является в настоящее время предельно актуальной, вызывает широкий интерес экономической общественности. В ноябре 2014 г. в Москве состоялись Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития» (далее — Конференция), проводившаяся в связи с 210-летием кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, и Международный конгресс «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (далее — Конгресс), совмещенный (в практической части) со II Конгрессом работников образования, науки, культуры и технологий (КРОН).

Конференция, которую открыл ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАН В. А. Садовничий, проходила на базе экономического факультета МГУ 19 ноября 2014 г. и собрала более 500 участников из разных регионов России, дальнего и ближнего зарубежья. Она была посвящена 210-й годовщине основания кафедры политической экономии и 210-летию создания системы экономического образования в России. Началом последнего можно считать принятие в 1804 г. Устава МГУ, в котором было заявлено о создании кафедры политической экономии и дипломатии, (кстати, название кафедры сохранилось). На кафедре работали видные ученые как в период Российской империи, так и во времена Советского Союза. Многие традиции старой школы сохранились до наших дней, среди ключевых выделим наличие различных школ и направлений, которые сегодня представлены в учебных программах и в исследовательском процессе. На кафедре сильная школа неоклассики, развивающая специфический, ориентированный на российские условия курс микро- и макроэкономики; интересен авторский курс классического институционализма. Из стен кафедры вышла научная школа нового институционализма, сейчас существует отдельная кафедра, ее руководитель Александр Александрович Аузан, нынешний декан экономического факультета МГУ, участвовал в открытии конференции. В рамках этой школы развивается направление, которое можно считать современным критическим марксизмом.

На пленарном заседании, где были сделаны четыре базовых доклада, выступали известные ученые и практики нашей страны. Среди них — бывший заместитель главы Министерства экономического развития и торговли РФ А. Н. Клепач, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А. А. Широв, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета В. Т. Рязанов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Вите С. Д. Бодрунов.

В частности, в докладе были освещены ключевые проблемы перестройки экономической системы России с целью создания предпосылок для высокотехнологичного роста. Исходным

¹ Александр Анатольевич Золотарев, первый заместитель директора по общим вопросам Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Вите, канд. экон. наук.

² Наталья Геннадьевна Яковлева, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Вите, канд. экон. наук, доцент.

пунктом доклада стал анализ сложившейся ситуации и конструктивная критика тех негативных тенденций, которые сформировались на протяжении последних лет. Автор подчеркнул, что «... сегодня наша экономика находится не просто ... в «стадии затухающего роста», как ... говорили два-три года назад, а в ситуации полной остановки экономического роста, сиречь, — стагнации, и сейчас идут умозрительные споры в недрах Минэкономики и Минфина, — находимся ли мы еще в стагнации или уже все-таки вступили в экономическую рецессию?».

Выводом из доклада С. Д. Бодрунова стал тезис о состоявшейся глубокой деиндустриализации российской экономики как причине целой серии других негативных явлений, в частности, дезорганизации производства, деградации технологий, деквалификации труда, декомплицирования продукта. В качестве альтернативной модели был сформулирован курс на реиндустриализацию страны на базе приоритетного развития высокотехнологичного производства путем модернизации производственных мощностей и технологий, стимулирования внутреннего спроса на продукцию промышленных предприятий, материальной поддержки модернизации производства и др.

В рамках Конференции прошли интересные дебаты, посвященные роли фундаментальной экономической теории в обновлении экономической системы России и роли неэкономических факторов, которые существенно влияют на экономические процессы в нашей стране. Последняя тема была освещена в пленарном докладе д-ра экон. наук, заведующего лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ А. И. Колганова, который, в частности, подчеркнул, что повышение роли научного знания привело к возрастанию значимости работников, занятых производством новых знаний, обработкой, хранением и передачей информации, основанной на этих знаниях. Производство интеллектуальных продуктов превратилось в одну из ключевых и постоянно растущих сфер общественного производства. Лица, занятые в сфере производства и применения новых знаний (работники творческого труда), приобретают специфическую мотивацию деятельности. На фоне стабильного удовлетворения базовых материальных потребностей у них развиваются нематериальные потребности и стимулы деятельности: потребность в самореализации, развитии своих способностей, в благоприятных отношениях в коллективе и т. д. Среди условий воспроизводства рабочей силы таких работников возрастает роль социально-культурных факторов. А. И. Колганов в своем докладе подчеркнул, что в современную эпоху нередко процессы трансформации экономических систем, в том числе носящие не эволюционный, а скачкообразный характер: переход от плановой экономики к рыночной, формирование и реализация экономических моделей догоняющего развития, серьезно отклоняющихся от модели либерального капитализма; возрастают вероятность нелинейного (в том числе реверсивного) развития и его многовариантность. В ходе подобных трансформаций резко растет воздействие политических и социально-культурных факторов на выбор траектории экономического развития.

Этот доклад вызвал серьезную полемику со стороны ученых, представляющих, скорее, праволиберальное крыло, в частности, профессора В. И. Тамбовцева и ряда других. В целом, пленарное заседание прошло в конструктивной обстановке, и работа была продолжена на других «круглых столах» и семинарах, отличительной особенностью которых было широкое участие молодых ученых, включая студентов, магистрантов, аспирантов МГУ и других образовательных учреждений из различных городов нашей страны.

Реиндустриализация стала центральной темой «круглого стола» «Перспективы реиндустриализации российской экономики. Как трансформировать рентную экономику в инновационную?», который был инициирован Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте.

Выступающие рассматривали различные аспекты проблемы реиндустриализации в связи с необходимостью изменения практически всех основных параметров экономической системы России, включая государственное регулирование, установление более строгих правил взаимо-

действия агентов рынка, обеспечение стабильности институциональной среды, реформирование отношений собственности с целью более точной спецификации ее прав и ряд других. В семинаре участвовало более 60 человек — ученые из многих городов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Международный конгресс «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» в определенной степени можно назвать продолжением Конференции, проходившей в стенах МГУ. Организатором конгресса выступил Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте; партнерами — Конгресс работников образования, науки, культуры и техники (КРОН), Фонд Фридриха Эберта, Общероссийское движение «Образование для всех», Институт экономики РАН, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Межрегиональная Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественная организация Вольного экономического общества России.

Конгресс был интересным уже потому, что в его работе, кроме ученых и практиков бизнеса, принимали участие представители общественных организаций, специалисты, работающие в области науки, образования, культуры и реального производства. Такая интеграция не является типичной для многих академических и научно-практических мероприятий. Конгресс был рассчитан на два дня работы. Первый день можно охарактеризовать как диалог ученых и практиков. На двух сессиях пленарных заседаний с докладами выступили ведущие ученые и практики нашей страны. На первой сессии тон был задан директором ИНИР С. Д. Бодруновым, выступившим с пленарным докладом.

В докладе был рассмотрен опыт Советского Союза с учетом как негативных моментов, так и позитивных достижений. Докладчик подчеркнул, что создание научно-производственных объединений, интегрированных с научно-образовательным процессом, способствовало формированию космической, ядерной и других прорывных технологических программ, которые принесли славу Советскому Союзу и внесли большой вклад в мировую науку и практику. По мнению докладчика, этот опыт необходимо использовать в современных условиях. Безусловно, плановая экономика не может быть возрождена в прежнем виде, однако создание производственных научно-образовательных (ПНО) кластеров (при государственном содействии), по мнению С. Д. Бодрунова, является перспективным направлением. В докладе рассмотрены возможные разновидности ПНО-кластеров и система мер государственного регулирования, способствующих их появлению.

В рамках первой сессии заявленная тема звучала в выступлениях известных ученых, общественных деятелей, политиков и депутатов Государственной Думы. Особенно стоит отметить выступление О. Н. Смолина, 1-го заместителя председателя Комитета по образованию Государственной Думы РФ, члена-корреспондента РАО, д-ра философских наук, профессора. Профессор О. Н. Смолин подчеркнул, что Россия должна идти по пути интеграции производства и образования; если мы хотим иметь достойный уровень экономической безопасности и сделать страну центром экономического прогресса, мы должны изменить отношение к образованию, понять, что это — не сфера расходования общественных ресурсов на некоторые цели, имеющие, может быть, важное этическое и гуманистическое значение, но бесполезные в экономическом плане. С точки зрения профессора О. Н. Смолина (в этом он опирался на ряд отечественных и зарубежных стандартов), роль образования сегодня в чем-то аналогична роли индустрии в XVIII–XIX вв., так как именно образование формирует творческий потенциал Человека — главного субъекта современной экономики.

Из этого теоретического тезиса сделаны практические выводы. На примере ряда стран, в том числе нашей Родины, эпохи форсированных научно-технических скачков О. Н. Смолин показал, что доля расходов на образование по отношению к ВВП страны должна составлять не менее 7%, в нашей же стране в настоящее время она слегка превышает 4% (и то не во все

периоды). Для настоящего скачка 7% — это минимальный рубеж, желателен еще более высокий уровень. Именно такими были расходы на образование в период активного научно-технического прогресса в СССР, такими они являются сегодня в Финляндии, занимающей одно из первых мест по инновационному развитию; аналогичные результаты показывают и многие страны третьего мира, вставшие на путь догоняющего развития и успешно реализующие принятый стратегический курс.

О. Н. Смолин остановился на проблемах и противоречиях сегодняшнего образования, где коммерциализация привела к резкой интенсификации труда. В этой связи он рассказал анекдот о том, что сегодня учитель в России вынужден работать на 1,5 ставки, так как на одну — есть нечего, а на две — некогда. О. Н. Смолин считает, что увеличение заработной платы работникам образования должно идти не за счет роста «валовой» зарплаты, связанной с интенсификацией и значительным увеличением нагрузки, а за счет повышения базовой ставки и решаться эта проблема должна на федеральном уровне, потому что передача ее решения на региональный уровень усилит поляризацию регионов России. Особое внимание было уделено возросшей бюрократизации образования. Сегодня время на оформление различной документации (у рядовых сотрудников и руководителей) сопоставимо с временем на педагогическую деятельность, а в ряде случаев превышает его, особенно в организациях общего образования. В качестве «лекарства» от этой «болезни» О. Н. Смолин рассматривает демократизацию управления образованием.

Эту мысль развил академик РАН, д-р физ.-мат. наук, депутат Государственной Думы РФ Б. С. Кашин. Остановившись на проблемах отечественной науки, ученый мирового масштаба подчеркнул, что в России с формальной точки зрения показатели по доле расходов на науку из государственного бюджета относительно неплохие. На самом же деле финансирование науки является крайне низким. В других государствах науку активно поддерживает бизнес — малый, средний и крупный. В результате реальные расходы на нее в ведущих странах в 2–3 раза выше (даже по доле расходов в ВВП), чем в нашей стране, где бизнес отстранен от активного взаимодействия с научной средой. Причина этого, как было сказано, например в докладе С. Д. Бодрунова, — дорогой кредит и неадекватная система налогообложения. Диалог академика Б. С. Кашина и профессора С. Д. Бодрунова на эту тему вызвал живой интерес у участников Конгресса.

На второй сессии пленарного заседания центральным звеном стал доклад Советника Президента РФ, академика РАН, доктора экон. наук С. Ю. Глазьева. Он остановился на проблемах экономической сферы и подверг серьезной критике политику Центрального банка РФ и других финансовых институтов страны, деятельность которых, по мнению С. Ю. Глазьева, тормозит вливание инвестиций в реальный сектор. В частности, он подчеркнул, что для сверхкрупного олигархического бизнеса в России созданы привилегированные условия, а для крупнейших корпораций, занятых в сырьевом секторе и его обслуживании, — чрезвычайно благоприятный инвестиционный климат. Однако даже в этих условиях корпорации и обслуживающий их капитал ориентированы преимущественно не на долгосрочные инвестиции в наукоемкое производство, а на вывоз капитала (в том числе в офшорные зоны), лишь часть которого возвращается в Россию. Общий объем вывозимого капитала превышает 100 млрд долларов в год, что создает крайне неблагоприятный климат в стране, и эта общая атмосфера сказывается на экономическом развитии. Без радикального изменения экономической и финансовой политики, считает С. Ю. Глазьев, решение проблем реиндустриализации и экономического роста, ориентированного на качественные результаты, невозможно.

Анализ этих проблем дан в докладе директора Института проблем глобализации М. Г. Делягина и в выступлениях других известных ученых.

В конгрессе приняли участие зарубежные ученые. В рамках второй сессии пленарного заседания был представлен доклад директора Центра экономического консалтинга и исследований Академии общественных наук КНР Жаокина Динга (Шанхай) «Стимулирование вы-

сокотехнологичного производства, науки и образования: опыт Китая». В докладе говорилось о важности переориентации международного диалога на Россию. Необычным для многих российских участников было то, что профессор Динг акцентировал роль социокультурных факторов и цивилизационных параметров, способствующих сближению наших стран. Речь шла о товариществе, коллективизме и системе ценностей, в которой на первое место ставится развитие страны и общества в целом. Это отличает наши страны от Запада с его индивидуалистическим подходом. Профессор Динг подчеркнул, что существенным компонентом развития китайско-российских отношений должна стать модель единой торгово-транспортной системы, в частности, большой проект нового «шелкового пути», связывающего Азию и Европу, который разрабатывает Китай. Остановившись на наследии советской и российской научных школ, их вкладе в мировую науку, китайский коллега подчеркнул необходимость объединения интеллектуального ресурса российской научно-технической школы и промышленного потенциала современного Китая в интересах обеих стран.

Доклад профессора Университета Париж-12 — Créteil (UPEC), вице-президента «Круга Кондратьева» (Cercle Kondratieff) Жан-Луи Трюэль «Социальные механизмы инновационного развития высокотехнологичного производства: опыт Европы» был посвящен инновациям. В нем важное место занимала характеристика роли государства в создании среды для инновационной деятельности малого и среднего бизнеса. Профессор Трюэль говорил о необходимости сосредоточения главных центров инновационного развития в региональных производственно-научных кластерах и создания, прежде всего в регионах нашей страны, атмосферы, способствующей эффективному использованию потенциала малого и среднего бизнеса, его включению в деятельность крупных ТНК. Зарубежный гость обратил внимание на социальные эффекты от внедрения инноваций. Во Франции инновации (даже осуществляемые частным бизнесом) должны иметь не только коммерческий результат, но и социальный эффект. К числу таких инноваций относится проект создания разветвленной системы скоростного железнодорожного транспорта, стоимость которого почти не отличается от стоимости обычных поездов. Второй проект — система свободного использования велосипедов и электромобилей, которые сегодня в Франции можно арендовать за небольшую абонентную плату. На любой стоянке можно взять электромобиль (или велосипед), передвигаться по городу в течение часа, а затем поставить его на стоянку, заплатив небольшую сумму. А можно внести годовую арендную плату, которая составляет 50 % от месячной зарплаты среднего парижанина. Примеров социальных инноваций довольно много.

На сессии выступил также профессор Афинского национального университета Сампетай Матсас с докладом «Кризис Европейского Союза: уроки для России». Греческий профессор дал жесткий критический анализ феномена финансовизации и его возможных негативных последствий. Финансовизация — это перенос основных ресурсов развития в сферу финансового посредничества и спекуляций. Таким образом капитал, интеллектуальные ресурсы и др. уводятся из реального сектора. Сампетай Матсас показал, что кризис современного глобального капитала является системным и выход из него требует существенных изменений всех параметров экономической и общественно-политической систем. В качестве примера профессор привел проблемы своей страны, где концентрация ресурсов в руках финансового капитала, в значительной степени связанного с общеевропейским и американским, привела к огромному росту безработицы и серьезным проблемам в сфере производства.

Большинство научных работ, представленных на семинаре, нацелены на поиск альтернатив современным спекулятивным посредническим формам деятельности и на развитие реального сектора, прежде всего связанного с промышленным производством.

Во второй половине первого дня работа Конгресса проходила в рамках секций и «круглых столов» и была посвящена следующим проблемам:

реиндустриализация: социально-экономическое обеспечение приоритетного развития высоких технологий (модератор — С. Д. Бодрунов);

возрождение образования: производственно-экономические основы и правовое обеспечение (модераторы — А. М. Абрамов, Е. К. Климова);

возрождение науки: неизбежность и правовое обеспечение (А. С. Миронов);

возрождение культуры: экономико-правовые механизмы и роль гражданского общества (модератор — И. К. Джерелиевская);

социально-экономические аспекты реиндустриализации (модераторы — А. А. Деленян, М. Ю. Павлов);

человек и образование: сравнительный анализ моделей (модераторы — В. В. Чекмарев, С. В. Кадомцева).

Второй день работы был посвящен обсуждению и принятию ключевых рекомендаций по итогам Конгресса, многие из которых оказались востребованными, в том числе законодательной властью. Пожалуй, наибольший интерес представляют резолюция по промышленной политике и концептуальные документы в области образования, науки и культуры. После Конгресса данные резолюции были направлены в государственные органы исполнительной власти, в частности, Председателю Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко.

С.Д. Бодрунов¹

ДОЛГИ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ: УРОКИ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ

(рецензия на монографию «Долговая проблема как феномен XXI века»
под редакцией профессора А.А. Пороховского)

Растущая финансовая нестабильность на мировых (в том числе на российском) финансовых рынках повышает актуальность «долговой проблемы в экономике» (по терминологии автора), т. е. политики привлечения заемных средств. Очевидно, что экономическое развитие невозможно без заимствований. Из экономической теории известно, что финансовый леверидж («финансовый рычаг») представляет собой объективный фактор, возникающий с появлением заемных средств в объеме капитала, используемого предприятием, и позволяющий ему получить дополнительную прибыль на собственный капитал. Иными словами, увеличение кредитного рычага позволяет предприятиям инвестировать в развитие бизнеса, а домохозяйствам — повысить расходы на товары и услуги. В результате растут занятость, доходность финансовых активов, благосостояние населения, спрос, расширяется производство. Указанные процессы отражают противоречивость проблемы использования заимствований: с одной стороны — рост экономики в целом, частично обусловленный ростом заимствований, поскольку соотношение «долг/ВВП» увеличивается; с другой — снижение экономической и финансовой устойчивости предприятий вследствие роста финансового риска, финансовой зависимости хозяйственной деятельности, невозврата кредитов. Все это — факторы актуализации «долговой проблемы» для экономики в целом и для отдельных предприятий.

Понятие «долговая проблема» в экономике охватывает различные аспекты: долговые риски, виды долга на макро- и микроуровнях, влияние цикличности экономики, долговые кризисы и методы их разрешения. Несмотря на то что экономики многих стран неоднократно переживали долговые кризисы (2008–2009 гг.), долговую проблему нельзя назвать до конца изученной. Есть основания считать недостаточно обоснованными в научном плане используемые методы и стандарты управления кредитными рисками, к которым относятся порядок формирования и величина резервов, система показателей и правила принятия решений о необходимости, целесообразности и возможности заимствования, адекватность применяемых при этом экономических оценок и показателей.

Рассматриваемая монография «Долговая проблема как феномен XXI века» представляет собой глубокое научное исследование обозначенной проблемы, основанное на принципах экономической теории, обширном статистическом материале, актуальных данных и современных методах финансового анализа. Авторами выполнен серьезный анализ отечественных и зарубежных научных разработок в сфере долговой экономики и в смежных научных областях, приводится обширный список литературных источников. Авторские выводы, сделанные на основе этого анализа, подтверждены статистическими данными и расчетами; многие положения получили развитие в разработках, приведенных авторским коллективом, что подтверждает научную и практическую ценность исследования. Достоинствами работы являются рассмотрение исследуемой

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

проблемы в широком историческом диапазоне; анализ ее исторических предпосылок и современного состояния в отечественной и зарубежной экономике; наличие экономических прогнозов.

На примере одной из крупнейших мировых экономик (США) авторы исследуют динамику структуры задолженности кредитного рынка страны; показана взаимосвязь между ростом задолженности и благосостоянием домохозяйств, развитием финансового сектора и экономики в целом. Выполнен анализ хронологии финансового кризиса 2008–2009 гг., выявлен парадокс «кредитопии» (явившейся причиной кризиса) — представления о том, что кредитные ресурсы способны бесконечно увеличивать богатство страны (с. 222–226).

Монография отличается от имеющейся экономической литературы оригинальностью и новизной аспектов исследования проблемы оценки стоимости, рентабельности и эффективности использования нематериальных активов (НМА) и интеллектуальной собственности (ИС). В частности, в книге отмечено резкое снижение стоимости НМА и ИС (до 90 %) при банкротстве предприятия. Интересен вывод о том, что новейшие исследования в области нанотехнологий и другие фундаментальные направления развития научно-технического прогресса (НТП) — то, что принято называть инновационной экономикой, требуют «мегаинвестиций», неподъемных для отдельных национальных экономик и требующих кооперации на глобальном уровне. При этом, вводя термин «викиномика», авторы обращают внимание на недооцененный потенциал НМА — добровольного участия заинтересованных лиц, творческого моделирования и сотрудничества, приходящего на смену экономики конкуренции и, возможно, представляющего концепцию новой экономической эпохи (с. 211–219). Подтверждением могут служить поразительные результаты известной компании Valve-Steam - это электронный магазин игр и приложений для Windows, OS X и Linux. Компания практикует «анархический» тип управления, соответствующий принципам «викиномики» и противоречащий традиционным организационно-управленческим принципам и подходам. При этом, по оценкам аналитиков, доля Steam на рынке скачиваемых игр для ПК составляет около 70 %, в денежном эквиваленте — это миллиарды долларов. Прибыль, которую приносит каждый сотрудник этой компании, значительно выше, чем в среднем по отрасли. Valve опережает по этому показателю даже такие компании, как Microsoft и Google.

К достоинствам монографии следует отнести глубокий анализ фундаментальных положений экономической теории и попытку с этих позиций найти объяснение и пути решения важных научных проблем современной экономики, в частности долговой проблемы. Авторы обращаются к неоклассическим и кейнсианским положениям экономической теории. В современных условиях для российской экономики актуально первоочередное развитие реального сектора, а это невозможно только средствами кредитно-денежной политики, хотя она и создает необходимые предпосылки для достижения данной цели. Требуется согласованное развитие всех секторов экономики, включая финансовый, на что указывал Д. М. Кейнс. В центре его внимания был именно реальный сектор экономики, обеспечивающий создание продуктов и услуг и реальную занятость. Авторы монографии цитируют Кейнса, который говорит, что общество не может создать условия для будущего потребления с помощью одних лишь финансовых операций, «... без расширения физического объема производства...». При этом справедливо констатируется ограниченность денежного стимулирования экономики как способа достижения экономического роста. Показано, что при реализации такой политики следует принимать во внимание сопутствующие факторы (динамику процентной ставки, предельную эффективность инвестиций, предельную склонность к потреблению, влияние инфляции и др.), которые могут действовать разнонаправленно и вместо стимулирования роста привести к его торможению.

В целом, монография представляет собой комплексное исследование, полезное для науки и практики. Коллективом авторов получены весомые результаты; сделаны конкретные выводы о сложившейся макроэкономической ситуации в нашей стране и за рубежом; предложены практические меры по снижению рисков долгового кризиса.

Безусловно, поднятая в монографии проблема носит комплексный характер и осветить все ее аспекты в одном труде весьма сложно. За пределами рассмотрения авторов остались многие вопросы, которые вызывают интерес читателей. В частности, не совсем понятно отношение авторов к долговой проблеме — насколько она полезна для экономики сейчас и перспективна в будущем? Хотелось бы видеть и авторскую оценку применения предложенной модели надбавки за кредитный риск для неликвидных муниципальных облигаций, чтобы сформулировать ответ на вопрос о применимости вообще подобных моделей неликвидных финансовых инструментов. Тем не менее, безусловно, монография **«Долговая проблема как феномен XXI века»** — это весьма актуальное современное исследование, учитывающее последние достижения финансовой науки, зарубежный опыт, адаптированное к нашим сегодняшним проблемам и задачам и доступное широкому кругу читателей.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Индустриальный потенциал России: уроки С. Ю. Витте. Рассмотрены основные результаты деятельности С. Ю. Витте на государственном поприще: развитие железных дорог; принятие покровительственных таможенных пошлин для защиты внутреннего рынка; введение государственной винной монополии; переход рублевого обращения на золотой стандарт; привлечение иностранного капитала в экономику страны; реформа торгово-промышленного налогообложения и др.

Подчеркивается актуальность учета уроков С. Ю. Витте, труды и реформы которого заложили основу индустриального развития России, в процессе реиндустриализации страны.

Ключевые слова: уроки С. Ю. Витте, индустриальный потенциал, реиндустриализация.

УДК 330.354. Л. Н. Даниленко. Мой современник С. Ю. Витте: связь времен. Рассматривается деятельность С. Ю. Витте, талантливого финансиста и организатора экономики, который на посту министра финансов определял ход российской политики в 1892–1903 гг. Проводится параллель между ситуацией и задачами, стоявшими перед страной в начале XXI в., и в наше время. Выполнен анализ реформ и инициатив Витте; показана противоречивость и парадоксальность его экономической политики, ее сильные и слабые стороны. Актуальным является понимание важности для успешного экономического развития страны правильного выбора общественного устройства, о чем писал Витте. К такому же выводу приходит С. Д. Бодрунов, считая, что модернизация отечественной экономики возможна в партнерском обществе, в котором главным

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. The industrial potential of Russia: S. Y. Vitte's lessons. There is a consideration of the main results of Vitte's activities in the state sphere: the development of railways; the adoption of supportive customs duties to protect the domestic market; the introduction of the state wine monopoly; the transition of the ruble circulation to the gold standard; the attraction of foreign capital in the economy of the country; the reform of the commercial and industrial taxation, and etc.

The necessity of taking S. Y. Vitte's lessons into account is stressed. His activities and reforms laid the foundations of the industrial development of Russia, in the process of reindustrialization of Russia.

Keywords: S. Y. Vitte's lessons, industrial potential, reindustrialization.

L. N. Danilenko. My contemporary is S. Y. Vitte: link of times. There is a review of S. Y. Vitte's activities, who was a talented financier and organizer of the economy. He was a Minister of Finance and determined the course of Russian policy in 1892–1903. Article contains a comparison between the situation and tasks of the country at the beginning of the XXI century and today. The analysis of Vitte's reforms and initiatives is conducted. Contradictory and paradoxical features of his economic policy, its strengths and weaknesses are demonstrated. It is relevant to understand the importance of the correct choice of the social system for a successful economic development of the country (that was described by Vitte). The same conclusion has been reached by S. D. Bodrunov. He considers that the modernization of the Russian economy is possible in a partner society where the main resource is the human resource

ресурсом является человеческий ресурс, мотивированный и свободный в принятии экономических решений.

Ключевые слова: реформы Витте, экономическая политика, общественное устройство, модернизация экономики.

УДК 330.354. С. Ю. Глазьев. О роли Центрального банка России в экономическом кризисе: проблемы и решения. Рост международной напряженности, экономические потрясения, смена технологических укладов и лидеров мирового развития рассматриваются с позиций теории длинных волн. Подчеркивается необходимость и возможность в сложившейся в России ситуации технологического скачка в новый технологический уклад. Критикуется ущербная политика Центробанка: повышение процентной ставки при одновременном отказе от контроля за курсом рубля и др. Подчеркивается необходимость грамотной, прежде всего финансовой, политики: пресечение вывода капитала, финансовых спекуляций, введение валютного контроля и регулирования, использование нормального механизма долгосрочного кредитования.

Ключевые слова: теория длинных волн, технологический скачок, Центральный банк, процентная ставка, валютный контроль, долгосрочное кредитование.

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста. Дается сравнительный анализ российской экономики (сферы промышленного производства) за многолетний период (1990–2014 гг.). Рассматриваются причины ухудшения ситуации в экономике, несмотря на наличие серьезной ресурсной базы. В качестве важнейшего фактора отмечается глубокая деиндустриализация экономики, обусловленная двадцатилетней реализацией либерально-монетарной модели. Такая политика привела к критическому снижению выпуска собственной продукции и росту импорта (в некоторых отраслях — до 80...90%).

that is motivated and free in making economic decisions.

Keywords: Vitte's reforms, economic policy, social structure, modernization of economy.

S.Yu. Glazyev. About the role of Russian Central Bank in the economic crisis: problems and solutions. The growth of international tension, economic shocks, change of technological stages and leaders of world development are considered from the standpoint of long wave theory. The necessity and opportunity of transition to a new technological stage is stressed in current situation in Russia.

Central Bank inaccurate policy is criticized: interest rate increases in the context of refusal of ruble exchange rate control, and etc. There is an emphasis of the necessity for competent, financial, policy: the prevention of capital flight, the financial speculation, the introduction of foreign exchange control and the regulation of the correct use of long-term loans.

Key words: theory of long waves, technological stage, Central bank, interest rate, foreign exchange control, long-term loans.

S. D. Bodrunov. Resource advantages of Russia as the basis of high-tech economic growth. A comparative analysis of the Russian economy (industrial production sphere) is presented over the years (1990–2014). There is a consideration of deterioration reasons in the economy in spite of significant resource base availability. An important factor is a profound deindustrialization of economy caused by implementation of liberal-monetary model that lasted for two decades. This policy has led to a critical reduction in release of equity production and import growth (in some industries — up to 80 ... 90 %). The basic paradigm of the Russian economy is reindustrialization based on the development of high-tech sector of the domestic

Базовой парадигмой российской экономики заявлена реиндустриализация с опорой на развитие высокотехнологичного сектора отечественного материального производства за счет повышения эффективности использования имеющихся ресурсов. Это позволит обеспечить, в том числе, эффективное импортозамещение.

Ключевые слова: деиндустриализация, ресурсная база, реиндустриализация, импортозамещение.

УДК 330.1. О. С. Сухарев. Экономическая политика и условия развития технологической базы России. В статье исследуются и систематизируются основные проблемы развития индустриальной и технологической базы российской экономики. На основе анализа действенности используемых инструментов и оценки эффективности государственного управления при решении индустриальных и структурных задач развития формулируются предложения по алгоритму обоснования приоритетов развития на основе соответствующего бюджетного механизма. Оценивается результативность программ развития реального сектора российской экономики, даются предложения по принятию неотложных решений в государственном секторе экономики.

Ключевые слова: приоритеты, государственное управление, технологическая база, индустриализация, машиностроение.

УДК 338.45. Д. Б. Эпштейн. Эмбарго, аграрная политика и смена парадигм государственного управления. В статье рассмотрены проблемы в российском АПК, связанные с введением эмбарго на ввоз продуктов из ряда стран, а также меры, необходимые для решения этих проблем и обеспечения продовольственной независимости. С учетом длительного снижения рентабельности сельского хозяйства предложено увеличить размер господдержки, в том числе путем снижения реального процента за кредит для сельскохозяйственных производителей, а также принять организационные и фи-

material production through the increase of available resource efficient use. It also will help to ensure the effective import substitution.

Keywords: deindustrialization, resource base, reindustrialization, import substitution.

O. S. Sukharev. Economic policy and conditions of development by technological base of Russia. The article studied and systematized the main problems of the industrial and technological base of the Russian economy. On the basis of analyzing the effectiveness of the instruments used and the evaluation of the effectiveness of government in solving industrial problems and structural development proposals generated by the algorithm study of development priorities through appropriate budgetary mechanism. Evaluates the effectiveness of programs of development of the real sector of the Russian economy, are proposals for urgent decisions in the public sector, industry and economy.

Keywords: priorities, governance, technology base, industrialization, machine building.

D. B. Epstein. Embargo, agricultural policy and the changing paradigms of the state administration. The article analyses the problems arising in the Russian agricultural sector due to the introduction of the embargo on the import of food products from certain countries, and measures of agricultural policy, which are necessary to solve these problems and achieve the food independence. With regard to a long term decline in the profitability is proposed to increase the size of the state support, including subsidizing the credit interest rate for agricultural producers, and also to take organizational and financial measures for the

нансовые меры для развития кооперации в мелкотоварном секторе. Эти изменения, как и изменения в государственной экономической политике, потребуют отказа от парадигмы «рыночного фундаментализма». На основе трехсекторной модели экономики России С.Д. Бодрунова и с учетом позиций других участников дискуссии о реиндустриализации обсуждаются шансы такого отказа.

Ключевые слова: АПК, сельское хозяйство, продовольственная независимость, государственная поддержка сельского хозяйства, кооперация, рыночный фундаментализм, реиндустриализация.

УДК 338.242+354. Ю. А. Маленков, В. В. Шишкин, Г. В. Кудрявцева, В. И. Шишкин. Фонд национального благосостояния и резервный фонд как стратегические факторы предотвращения рецессии и кризиса экономики Российской Федерации. В статье освещены проблемы предотвращения рецессии и кризиса развития экономики РФ. Предложено рассматривать Резервный фонд и Фонд национального благосостояния как важнейшие стратегические источники инвестирования приоритетных направлений развития. Изложены критика существующих подходов к использованию резервных фондов, новый подход, принципы и механизм его использования. Предложен путь подъема экономики РФ на основе 10000 инновационных проектов по ключевым направлениям развития.

Ключевые слова: Резервный фонд, Фонд национального благосостояния, резервные фонды, экономика, рецессия, кризис, промышленность, инвестирование, инновации, проекты, стратегический менеджмент, стратегия.

УДК 332.354. А. В. Тебекин. Развитие российской экономической системы: актуальные проблемы и перспективы. Рассмотрены ключевые проблемы реализации принципов системности в российской экономике. Оценена роль добывающих и перерабатывающих отраслей в ВВП страны. Рас-

development of cooperation in small-scale sector. These changes as well as changes in government economic policy require the rejection of the paradigm «market fundamentalism». On the basis of the S. D. Bodrunova three-sector model of the Russian economy and of positions of some other discussion participants this paper discusses the chances of such rejection.

Keywords: agro-industrial complex, agriculture, food independence, state support of agriculture, cooperation, market fundamentalism, reindustrialization.

Y. A. Malenkov, V. V. Shishkin, G. V. Kudryavtseva, V. I. Shishkin. Reserve fund and national welfare fund as the strategic factor of recession and crisis prevention of Russian federation economy. In article problems of prevention of recession and crisis of Russian Federation economy development are considered. It is offered to consider Reserve fund and Fund of national welfare as the major strategic sources of investment for priority directions of development. Set out a critique of existing approaches to the use of Reserve funds, new approach, principles and mechanism of its use. The path of the Russian Federation economy growth on the basis of 10000 innovative projects in key areas of development is offered.

Keywords: reserve fund, National welfare Fund, Reserve Funds, economy, recession, crisis, industry, investment, innovation, projects, strategic management, strategy.

A. V. Tebekin. Development of the Russian economic system: actual problems and prospects. Key problems of realization of the principles of systemacity in the Russian economy are considered. The role of the extracting and processing industries is estimated at GDP of the country. The deindustrialization signs in-

смотрены признаки деиндустриализации национальной экономики. Показан характер деформации ступеней развития технологических укладов, присущий российской экономической системе.

Ключевые слова: развитие, российская экономическая система, проблемы, перспективы.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Проблема коллективных действий: относительные оценки как препятствие к принятию рациональных решений. В статье показано, что не только абсолютный размер благ мотивирует поведение, но и оценка благ, получаемых другими индивидами. Решение проблемы коллективных благ требует государственного контроля за ущербом, который одни люди могут причинять другим. Принуждение к исполнению обязательств решения по экономике и политике целесообразно принимать согласованно, руководствуясь критерием «издержки—выгоды», а не принципом «злодей и жертва».

Ключевые слова: коллективные действия, блага, выгоды, издержки, зависть, зона безразличия.

УДК 334.7. С. Г. Важенин, В. В. Сухих. Потенциал конкурентного сотрудничества компаний в реиндустриализации России. Реиндустриализация России требует организации сотрудничества государства и частных компаний. Подобное сотрудничество осложняется конкуренцией компаний. Снизить потери от конкуренции можно через использование новых форм сотрудничества, в частности конкурентного сосуществования (коопетиции), активно используемого на Западе, но практически неизвестного у нас. Потенциал коопетиции для развития НИОКР доказывается успешным опытом зарубежных стран, где давно признали выгоду коопетиции в условиях возрастания риска и неопределенности в экономических отношениях. Для успеха реиндустриализации России концепция коопетиции должна стать необходимой частью стратегии россий-

herent in national economy are considered. The nature of deformation of steps of development of technological ways inherent in the Russian economic system is shown.

Keywords: development, Russian economic system, problems, prospects.

V. B. Sirotkin. The problem of collective activities: relative valuations as an obstacle to rational decisions acceptance. In the article explained that not only the absolute size of goods is the motive of behavior but the valuation of goods in relations to other individuals too. The decision of collective goods problem demands the state control of detriment, which people can cause to one another; and the decisions about compulsion to fulfill economical and political obligations must be reasonable with «profit-outlay» criterion but not on the basis of «scoundrel and victim» principal.

Key words: collective activities, goods, profit, outlay, envy, zone of indifference.

S. G. Vazhenin, V. V. Sookhikh. Potential of companies' coopetition in re-industrialization of Russia competitive. Reindustrialization of Russia requires the organization of cooperation between state and private companies. Such cooperation is complicated by competitive of companies. Reduce the loss of competition is possible through the use of new forms of cooperation, in particular competitive coexistence (coopetition) actively used in the West, but almost unknown in our country. The potential of coopetition for the development of R & D proved successful experience of foreign countries, where long recognized the profitability of coopetition under increasing risk and uncertainty in economic relations. To the success of re-industrialization of Russia concept of coopetition should become an essential part of the strategy of Russian companies, increasing their resilience and ability to cooperate. For

ских компаний, увеличивая их жизнестойкость и способность к сотрудничеству. Для экономики в целом коопетиция выгодна как способ снижения потерь от конкурентной борьбы и объединения усилий в сотрудничестве при реиндустриализации.

Ключевые слова: реиндустриализация, коопетиция, конкуренция, сотрудничество, доверие.

УДК 332.1, 338.2. Л. М. Хандажопова, Н. Б. Лубсанова, С. Ж. Дагданова. Инфраструктурные риски экономического развития региона. Рассматриваются проблемы формирования и развития инфраструктуры региона. Особое внимание уделено инфраструктурным ограничениям и рискам экономического развития региона. В условиях глобализации, когда усиливаются интеграционные процессы в обществе и во всех секторах экономики, возрастает международная и межрегиональная конкуренция на рынках товаров и услуг, актуализируется исследование проблем снижения инфраструктурных рисков. В статье дан анализ теоретических подходов к определению содержания инфраструктуры и инфраструктурных рисков региона. Авторы определяют инфраструктурные риски как потери, обусловленные инфраструктурными ограничениями. Для оценки инфраструктуры региона разработана методика на основе интегрального показателя эффективности развития инфраструктуры, включающего группы показателей транспорта, связи, электроэнергетики, финансово-кредитной сферы, образования, здравоохранения, а также показателей, характеризующих жилищно-коммунальную сферу. Выявлено, что наиболее существенным ограничением экономического развития региона является недостаточное развитие транспортной системы, тесно связанной со всеми отраслями экономики и социальной сферы. Обоснованы выводы о необходимости формирования на государственном и региональном уровнях системы мер по совершенствованию нормативно-правовых механизмов финанси-

the economy as a whole coopetition beneficial as a way to reduce losses from the competition and to join efforts in cooperation with the reindustrialization.

Keywords: reindustrialization, coopetition, competition, cooperation, trust.

L. M. Handjapova, N. B. Lubsanova, S. J. Daganova. The infrastructure risks of economic development of the region. The article investigates the formation and development of infrastructure in the region. Particular attention is paid to the analysis of infrastructure limitations and risks of economic development of the region. In the context of globalization, when the enhanced integration processes in the society and in all sectors of the economy, and increasing international competition and inter-regional markets for goods and services, the study of problems reduce infrastructure risks becomes relevant. The paper analyzes the theoretical approaches to the definition of infrastructure maintenance and infrastructure risks in the region. The infrastructure risks are defined authors as losses due to infrastructure constraints. The method to evaluate the effectiveness of the region's infrastructure was developed based on the integral indicator of the effectiveness of infrastructure development, including a set of indicators of transport, communications, power, financial and credit sector, education, health care, as well as indicators that characterize the housing and utilities sector. The authors determined that the most significant constraint on economic development of the region is the lack of development of the transport system, which has close ties with all sectors of the economy and social sphere. The conclusions on the necessity of creating a system of measures both at national and regional levels, to improve the regulatory mechanisms of funding, selection of infrastructure projects, as well as monitoring of infrastructure constraints.

ния, отбору инфраструктурных проектов, а также мониторингу инфраструктурных ограничений и рисков.

Ключевые слова: инфраструктура, инфраструктурные ограничения, инфраструктурные риски, оценка эффективности инфраструктуры.

УДК 332.146.2:316.422. (47+57)
В. В. Спицын. Оптимизация пропорций региональной инновационной системы: методологические и методические аспекты. Оптимизация региональной инновационной системы определена как постепенное улучшение ее структуры, позволяющее повышать результативность и экономичность функционирования системы. Сформулированы методологические принципы оценки оптимальности и основные этапы составления методик. Предложены критерии оптимизации. В разрезе основных компонентов региональной инновационной системы определены способы и показатели для оценки оптимальности. Выявлены направления совершенствования статистики инноваций. Предложенные методологические и методические положения позволяют разрабатывать и апробировать методики оценки оптимальности пропорций региональной инновационной системы.

Ключевые слова: эффективность, оптимальность, оптимизация пропорций, региональная инновационная система, методология, методика, АИРР, Россия.

УДК 338.45:663/664. Ю. А. Антохина, Т. А. Кокодей. История и сценарии развития «социального» паттерна поведения потребителя. В статье анализируется динамика развития «социального» паттерна поведения потребителя на рынке продуктов питания; в историческом процессе рассмотрены основные факторы, повлиявшие на его формирование; разработан прогноз дальнейшего развития анализируемого паттерна.

Ключевые слова: паттерн, поведение потребителя, рынок продуктов питания.

Keywords: infrastructure, infrastructure constraints, infrastructure risks, evaluation of the effectiveness of infrastructure.

V. V. Spitsin. Optimization of the regional innovation system proportions: methodological and methodical aspects. Regional innovation system optimization was defined as gradual improvement of the regional innovation system structure, which allows to increase the effectiveness and efficiency of its functioning. Methodological principles to evaluate the optimality and the main stages of drafting techniques were formulated. The optimization criteria were proposed. Inside the main regional innovation system components were defined methods and indicators to assess the optimality. The ways for improvement innovation statistics were found out in the article. Proposed and Methodological provisions which were formulated in the article, allowed developing and testing a techniques for assessing the optimality of regional innovation system structure.

Keywords: effectiveness, optimality, proportions optimization, regional innovation system, methodology, methods, AIRR, Russia

Y. A. Antokhina, T. A. Kokodey. History and development scenarios of consumer behavior «social» pattern. The article contains the analysis of the development dynamics of the «social» pattern of consumer behavior in the food market. Basic factors influenced its formation are considered in the historical process. A forecast of pattern further development is introduced.

Keywords: pattern, consumer behavior, food market.

УДК 330.342.23. А. А. Румянцев. Постиндустриальные технологии в новой индустриализации. Показана роль постиндустриальных технологий, отличных от индустриальных, в формировании постиндустриального технологического способа производства. Постиндустриальные технологии: генерирование энергии возобновляемыми источниками, атомно-молекулярные технологии, нано- и биотехнологии — рассматриваются как мировой тренд в процессах новой индустриализации, их встраивания в технологические цепочки индустриальных методов производства, образования самостоятельного сегмента постиндустриального производства. Приведены примеры их производственного применения. Подчеркивается значимость отраслевых прикладных научных организаций в проведении технической политики, развитии постиндустриальных технологий в отрасли.

Ключевые слова: новая индустриализация, постиндустриальные технологии, постиндустриальный сегмент производства, развитие, отраслевые прикладные научно-исследовательские организации.

УДК 65014.1 А. Э. Вознесенский. Альтернативная стратегия развития ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» на 2013–2030 годы. В статье рассматриваются проблемы развития судостроения в России. Анализируется существующая и предлагается альтернативная стратегия развития открытого акционерного общества «Объединенная судостроительная корпорация» на 2013–2030 гг.

Ключевые слова: судостроение, стратегия, интеграция судостроительных предприятий.

УДК 338.436. К. А. Ахметова, А. А. Ахметова, А. Ж. Тержанова. Интеграционные процессы: выгоды и угрозы для сельского хозяйства Казахстана. Анализируются результаты экономической интеграции Казахстана в Таможенный союз

A. A. Rumyantsev. Post-industrial technologies in new industrialization. The article shows the roll of post-industrial technologies non-industrial, in the formation of post-industrial technological mode production. Post-industrial technology: the generation of energy from renewable sources, atomic and molecular technologies, nanotechnology, biotechnology considered as a world trend in the process of new industrialization, embedding tem in the process chain of industrial methods of production. Examples of their production and use. Snows the importance of the industry applied research organizations in the technical policy, the development of post-industrial technologies in the industry.

Keywords: new industrialization, post-industrial technology, post-industrial production segment, development, industry applied research organization.

A. E. Voznesensky. Alternative development strategy of joint-stock company «Incorporated ship-building corporation» on 2013–2030. In article problems of progress of shipbuilding in Russia are considered. It is analyzed existing and alternative Strategy of progress of the joint-stock company «Incorporated ship-building corporation» on 2013–2030 is offered.

Keywords: shipbuilding, strategy, integration of the ship-building enterprises.

K. Ahmetova, A. Ahmetova, A. Terzhanova. Integration processes: benefits and risks for agriculture of Kazakhstan. The article deals with the results of the economic integration of Kazakhstan into the Customs Union (CU) with Russia and Republic of Belarus,

(ТС) с Россией и Белоруссией. Изучая объем товарооборота, авторы приходят к выводу, что сложившаяся сегодня на рынках ТС ситуация неблагоприятна для Казахстана из-за недостаточной предварительной проработки вопросов взаимоотношений в рамках ТС. Обосновывая необходимость вступления Казахстана в ВТО, авторы предостерегают от поспешного вступления в организацию, поскольку это может нанести большой урон экономике, в первую очередь сельскому хозяйству. Решение проблем видится в развитии отгонного животноводства, возрождении мелиорации, подъеме кооперативного движения. Реализация этих мер позволит создать аграрный сектор, способный составить конкуренцию членам ВТО.

Ключевые слова: ВТО, Таможенный союз, сельское хозяйство, протекционизм, международная торговля, интеграция, ГМО, потребительская кооперация.

УДК 330.354. О. В. Брижак. Реиндустриализация: потенциал совершенствования внутрикорпоративных отношений в российской экономике. Определены проблемы, перспективы формирования адекватных внутрикорпоративных отношений и их влияние на инновационное развитие российских корпораций в условиях реиндустриализации российской экономики. Актуальность темы исследования связана с необходимостью построения качественно новой модели внутрикорпоративных отношений, влияющей на высокотехнологичное развитие корпоративных предприятий в современной российской экономике, основанной на новых моделях корпоративного управления, распределительных отношений и отношений собственности, а также на использовании креативного потенциала субъектов корпоративных отношений.

Ключевые слова: корпорация, реиндустриализация, внутрикорпоративные отношения.

reflected in the amount of trade turnover. The authors conclude that the present condition of the markets in the Customs Union is unfavorable for Kazakhstan. The cause of this is a lack of pre-elaboration relationship in the CU. Also, the authors justify the need for accession to the WTO, cautioned against fast entry into this organization, as it can bring great losses especially in the economy and primarily agriculture. Solving these problems is seen in the development of transhumance, the revival of irrigation and the rise of the cooperative movement. Implementation of these measures can create the agricultural sector, which is able to compete with members of the WTO.

Keywords: WTO, Customs Union, agriculture, protection, international trade, integration, GMOs, consumer cooperation.

О. В. Брижак. Reindustrialization: the potential of internal corporate relation improvement in the Russian economy. The article defines the problems and prospects of adequate internal corporate relation formation and their impact on the innovative development of Russian corporations in reindustrialization conditions of the Russian economy. The importance of the subject is related to the necessity of building a new model of internal corporate relations influencing the development of high-tech corporate enterprises in modern Russian economy. It is based on the new models of corporate management, distributive and property relations as well as the use of the creative potential of the subjects of corporate relations.

Keywords: corporation, reindustrialization, internal corporate relations.

УДК 338.2. Н. М. Межевич. Внешнеэкономические аспекты российской промышленной модернизации. Новая индустриализация России рассматривается как ключевой компонент системы стратегических целей и текущих приоритетов развития. Показано, что новая индустриализация невозможна без модернизации базовых элементов экономики. Сегодня объективно существующие внутренние трудности усугубляются неблагоприятной внешней экономической и политической конъюнктурой. Если до марта — апреля 2014 г. у России существовал выбор внешнеэкономической стратегии, то в настоящее время такого выбора нет. Максимальное использование собственных технологических возможностей — единственный путь модернизации.

Формирование в конце столетия новой технологической парадигмы, построенной в рамках глобальной конкуренции технологий, очевидно. Однако адаптация к новой технологической парадигме и поиск путей повышения конкурентоспособности не могут быть предметом заботы одной промышленности. Перед нами важнейшая задача государства и общества и, безусловно, задача российской внешней политики.

Ключевые слова: промышленная политика, индустриализация, модернизация, конкуренция, внешнеэкономические связи.

УДК 332.871:005.34. Н. Н. Минаев, Ю. А. Колыхаева, Н. Р. Шадейко, А. А. Селиверстов. Система сбалансированных показателей как инструмент реализации программно-целевого подхода к управлению жилищно-коммунальным комплексом в процессе модернизации. Рассматриваются проблемы развития жилищно-коммунального комплекса. Основной причиной выявленных проблем считается неэффективность управления. Предлагается использование программно-целевого подхода к управлению жилищно-коммунальным комплексом для решения выявленных проблем. Для практического использования

N. M. Mezhevich. Foreign Economic aspects of Russian industrial modernization. Today aims of the new industrialization of Russia are key components of the strategic objectives and current priorities. New industrialization is impossible without modernization of the basic elements of the economy. Objectively existing internal difficulties are compounded by unfavorable external economic and political situation. It should be recognized that until April — March 2014 there was a definite choice of the foreign economic strategy in Russia. At the present time there is no choice. Maximum use of our own technological capabilities remained the only way of modernization.

Obviously, that at the end of the century a new technological paradigm was built in the framework of the global technology competition. However, we must remember that adaptation to the new technological paradigm and the search for our own competitiveness can not only be the object of one industry. There is the most important and undervalued task of the state and society before us. Of course, this is also the task of Russian foreign policy.

Keywords: industrial policy, industrialization, modernization, competition, foreign economic relations.

N. N. Minaev, J. A. Kolyhaeva, N. R. Shadeiko, A. A. Seliverstov. The Balanced ScoreCard as the instrument of realization of program and target approach in management of a housing-and-municipal complex in the course of modernization. In article the perspective of development of a housing-and-municipal complex is considered. Authors designated the main reason for the revealed problems as a management inefficiency. Use of program-oriented approach in management of a housing-and-municipal complex as mechanism of the solution of the revealed problems is offered. For practical use of program-target approach in the study of the problems of development proposed

программно-целевого подхода предложена последовательность разработки комплексных стратегий развития ЖКК на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Реализована оригинальная вариация использования системы сбалансированных показателей как инструмента программно-целевого подхода к управлению жилищно-коммунальным комплексом.

Ключевые слова: жилищно-коммунальный комплекс, управление жилищно-коммунальным комплексом, программно-целевой подход, система сбалансированных показателей.

УДК 332.144: 004.89. Э. Ц. Садыкова, Г. А. Айдаев. Применение нейроэволюционного подхода для прогнозирования социально-экономического развития территории. Рассмотрено применение методов интеллектуального анализа Data Mining для моделирования социально-экономического развития территории. Показано, что искусственные нейронные сети могут использоваться для информационных потребностей исследования социально-экономических проблем территорий. Приведены результаты прогнозирования основных показателей социально-экономического развития на примере административного района Республики Бурятия на основе нейроэволюционного подхода. Предложенная методика моделирования развития экономики территории при помощи нейронной сети может быть использована при разработке кратко- и среднесрочного прогноза социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: нейроэволюционный подход, нейронная сеть, прогнозирование, социально-экономическое развитие, территория.

УДК 339.94. Г. А. Маслов. Финская экономическая система как пример решения задачи модернизации. Рассматривается финская экономическая система в контексте ее положения в общемировой

sequence of development of integrated development strategies housing-and-municipal complex medium and long term. The original variation of use of the balanced scorecard as instrument of program and target approach in management of a housing-and-municipal complex is realized.

Keywords: housing-and-municipal complex, management of a housing-and-municipal complex, program-target approach, the Balanced ScoreCard.

E. T. Sadykova, G. A. Agaev. About application of neuroevolutionary approach for forecasting of social and economic development of the territory. In the article is considered application of methods Data mining in modeling of social and economic development of the territory. It is shown that artificial neural networks can be applied for information requirements of research of social and economic problems of territories. Results of forecasting are given of the main indicators of social and economic development on the example of the administrative region of the Republic of Buryatia on the basis of neuroevolutionary approach. The offered technique of modeling of development of economy of the territory by means of a neural network can be used for elaboration the short and medium-term forecast of social and economic development of the region.

Keywords: neuroevolutionary approach, neural network, forecasting, social and economic development, territory.

G. A. Maslov. Finnish economic system as an example of modernization problem solving. The article discusses the Finnish economic system in the context of its position in the global coordinate system on various aspects.

системе. Выделяются ключевые черты финской модели, характеризующие результаты предшествующего экономического развития и потенциал будущих трансформаций. Выполнен анализ различных аспектов национальной экономики Финляндии (технико-экономические параметры, распределение доходов и мера социального неравенства, специфика политической системы), исследуются взаимосвязи элементов. Указывается на возможность использования опыта Финляндии в решении задачи реиндустриализации экономики России и первичного развития креатосферы.

Ключевые слова: компаративистика экономических систем, финская национальная модель, социальное государство.

УДК 319.2:621.39. А. В. Бабкин, О. В. Чистякова. Развитие инновационного предпринимательства в России: понятие, динамика, проблемы, направления развития. Рассматриваются экономическая сущность предпринимательства, его связь с инновациями, особенности инновационного предпринимательства. Особое внимание уделено особенностям развития инновационного предпринимательства в ресурсных регионах Сибири. Проведен анализ развития инновационного предпринимательства в России. Исследованы динамика роста объемов инновационных товаров, работ, услуг; структура затрат на технологические инновации; инновационная активность малого предпринимательства, отдача на рубль затрат на технологические инновации. Выявлены проблемы развития инновационного предпринимательства. Даны рекомендации по его развитию.

Ключевые слова: предпринимательство, инновации, инновационное предпринимательство, инновационная инфраструктура, интрапренерство.

УДК 330.354. А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева. Российская экономическая система: перспективы реинтеграции производства, образования и науки. В по-

There is identification of the key features of the Finnish model, that characterizes a result of prior economic development and the potential of future transformations. The paper analyses various aspects of the national Finnish economy (techno-economic parameters, the distribution of income and a measure of social inequality, the specificity of the political system) with the research of intercorrelations between elements. The possibility of adopting the experience of Finland in the task reindustrialization of Russian economy and the primary development of createsphere is pointed out.

Keywords: comparative of economic system, the Finnish national model, social welfare state.

A. V. Babkin, O. V. Chistyakova. Development of innovative entrepreneurship in Russia: the concept, the dynamics, problems, development trends. The article deals with the economic essence of entrepreneurship, connection business with innovation, innovation entrepreneurship. Particular attention is paid to the peculiarities of development of innovative entrepreneurship in the resource regions of Siberia. The analysis of the development of innovative entrepreneurship in Russia is carried out. The dynamics of growth of innovative goods, works and services; cost structure on technological innovation; innovative activity of small business, the impact on the ruble expenditure on technological innovation are investigated. The problems of the development of innovative entrepreneurship are identified. The recommendations for its development are offered.

Keywords: entrepreneurship, innovation, innovation entrepreneurship, innovation infrastructure, intrapreneurs.

A. A. Zolotarev, N. G. Yakovleva. Russian economic system: prospects of reintegration for production, education, and science. Social and economic situation in Russia has

следнее время социально-экономическая обстановка в России резко обострилась в связи с введением санкций и геополитическими конфликтами, возникшими весной 2014 г. В условиях новых вызовов появилась объективная необходимость кардинального изменения социально-экономической политики. Российские ученые, эксперты и практики готовы ответить на эти вызовы. Об этом говорят итоги двух интересных научно-практических собраний, обзор которых представлен в статье.

Ключевые слова: экономическая система, производство, наука, образование, реиндустриализация, новая модель экономической политики, промышленная политика.

exacerbated recently due to the imposition of sanctions and geopolitical conflicts in spring of 2014. As a result of new challenges there is an objective necessity of a fundamental change of social and economic policy. Russian scientists, experts, and practitioners are ready to respond to these challenges. It is indicated by the results of two interesting scientific and practical meetings; their review is presented in the article.

Keywords: economic system, production, science, education, reindustrialization, new model of economic policy, industrial policy.